

Эдит Патту Восток

Посвящается моему отцу, который так любил сказки, и моей матери за любовь и поддержку

Пролог

Я нашла этот ящик на чердаке одной старой фермы в Норвегии. Он был большой – размером с сундук для обуви, и на нем были какие-то надписи. Как я узнала потом, руны.

Когда я открыла крышку, мне сперва показалось, что там одни бумаги – куча листов, исписанных разными почерками на нескольких языках. Там были карты, дневники и даже судовые журналы.

Я стала разбирать бумаги и нашла под ними клубки шерстяных ниток, крохотные сапожки из мягкой кожи, стопки нот, перевязанные выцветшей лентой, длинные тонкие деревянные дощечки с пометками, похожими на географические карты, сушеные грибы, тканые ремни и даже бледно-желтое платье.

Потом мне попало нечто напоминающее мундштук очень старого музыкального инструмента. Я поднесла его к свету, льющемуся сквозь маленькое чердачное оконце. Как только на него упал луч вечернего солнца, случилось нечто необычное: я ясно услышала высокий голос флейты.

Звук доносился из сундука.

Потом послышались другие звуки: тихим роем они закружились у меня в голове. Колокольчики на санях, собачий лай, треск льда. И голоса. *Я слышу голоса – это странно, подумалось мне.*

Не выпуская из руки старинный мундштук, я достала из сундука лежавшую сверху страничку, исписанную неровным почерком.

Они хотят, чтобы я все это записала – не знаю зачем.

Казалось бы, хватит и того, что отец и Недди записали свои истории. Особенно Недди – ведь он всегда был главным рассказчиком в семье. У меня никогда не вышло бы так складно. На это требуется больше терпения, чем у меня есть, точнее, чем у меня было. Да, в этом путешествии я узнала, что значит терпение. Хотя, конечно, мне лучше было бы все записать. Что я, собственно говоря, и делаю.

Мне нелегко сейчас возвращаться к началу этой истории и даже думать о том времени,

когда она началась на самом деле. Рассказывать – это как сматывать в клубок крученые нитки – так просто запутаться.

Я отправлялась в путь, желая лишь все исправить. Говорят, что потерять любимого человека так же больно, как потерять часть собственного тела. На самом деле, намного больнее, особенно когда ты сама во всем виновата.

Но я уже забегаю вперед. Все началось с пары крохотных мягких сапожек.

Книга первая. ВОСТОК

Жил-был бедный крестьянин, у которого было много детей.

Отец

Нашего последнего ребенка звали Ориана Роуз. Хотя это и не правильно. Ее должны были звать Ниам Роуз. Но все звали ее Роуз, а не Ориана, так что уж ладно. По крайней мере, именно это я говорю себе.

Часть ее имени – Роуз – напоминала о символе розы ветров, что очень подходило, ведь она жила в самой середине моего сердца.

Я любил всех ее семерых братьев и сестер, но признаю, что в Роуз всегда было что-то особенное. И вовсе не внешность.

Роуз было очень сложно понять. Из-за того, что она никогда не сидела спокойно. Когда она была еще совсем крошкой и я брал ее на руки, она несколько секунд пристально смотрела на меня улыбающимися яркими глазками. Но каждый раз тут же переводила взгляд за окно: интересно, что там творится?

Первым подарком для Роуз стали мягкие сапожки, сделанные из шкуры северного оленя. Их принес Торск, наш сосед. Пока он натягивал подарок на крошечные ножки Роуз своими мозолистыми ручищами, я посмотрел на Ольду, мою жену. Она нахмурилась и, чтобы скрыть это, отвернулась.

Торск ничего не заметил. Он был вдовцом и великолепным сапожником. Сыновья его уже выросли. Он очень хотел показать свою работу и не догадывался о сложных обстоятельствах недавних родов Ольды, поэтому и появился первым на нашем пороге.

Почти все наши соседи знали, насколько суеверна Ольга. Еще они знали, что первый подарок для ребенка наделен особым смыслом. Но радостный Торск не сильно об этом задумывался. Он просто смотрел на маленькие сапожки на ножках девочки, и его распирало от гордости.

– Как хорошо подошли, – заметил он с широкой улыбкой.

Я кивнул и счел нужным предупредить его:

– Ведь это первый подарок для Роуз.

Его улыбка стала еще шире.

– Ах как здорово!

Вдруг его озарила мысль.

– Она будет путешественницей! – сказал он с воодушевлением.

Значит, Торск знал про примету, связанную с первым подарком.

Теперь Ольга не пыталась скрыть хмурого взгляда, и я испугался, что она скажет что-нибудь резкое. Но вместо этого она наклонилась и завязала потуже шнурок на одном сапожке.

– Спасибо, сосед Торск, – проговорила она сквозь зубы. В ее голосе слышалась неприязнь, что сильно удивило гостя.

Увлекая Торска к двери, я пробормотал что-то по поводу здоровья своей жены.

– Может, сапожки не понравились? – спросил он смущенно.

– Ну что ты! – уверил я его. – Они просто чудо. А Ольга очень устала, вот и все. Ты ведь знаешь матерей – они всегда хотят, чтобы дети были рядом. Она еще не готова к тому, что

малышка Роуз будет бродить где-то по свету.

И никогда не будет готова. Хотя этого я не сказал Торску.

В тот вечер, как только нам удалось оттащить Недди от колыбельки Роуз и уложить всех детей спать, Ольда спросила:

– А не приносила ли вдова Озиг горшочек масла для малышки?

– Она только вернула тот, что ты ей давала.

– Нет, это было для Орианы Роуз. Это ее подарок первый. Я уверена, – решительно сказала Ольда.

Она на самом деле хотела, чтобы дети всегда были рядом. Особенно Роуз. А все из-за обстоятельств, при которых девочка появилась на свет.

Недди

Наша семья не всегда жила бедно. Мой дед, Осбьёрн Лавранс, весьма успешно занимался изданием географических карт. Отец происходил из семьи зажиточных фермеров. Он поссорился с ними, когда отправился в Берген, чтобы стать учеником картографа Осбьёрна. Мама моя, Ольда, была дочерью Осбьёрна. Вот так они и встретились.

У мамы с папой было восемь детей. Роуз родилась последней, а я предпоследним. Когда Роуз принесли домой из Эской Фореста, мне исполнилось четыре года. Кто-то скажет, что четырехлетние дети мало что запоминают, но кое-что я точно помню. Даже многое. Я помню, как Роуз пахла – теплым молоком и мягким зеленым мхом. Помню, что ее лепет напоминал журчание ручейка – мы даже прозвали ее Розы Ручеек. Еще она щелкала языком, словно королек, и обиженно ревела, когда пыталась ходить и падала. Ходить она научилась необычайно рано. Чуть ли не с пеленок она уже всю бегала на своих коротких ножках.

Я отчетливо помню тот вечер, когда мама и папа вернулись домой после сбора трав, но вместо травы они принесли сверток, из которого доносились странные звуки.

Мои старшие братья и сестры беспокоились о маме с папой, потому что на улице бушевала непогода, а родители сильно задерживались. Я сказал, что они так долго не возвращаются, потому что ушли за ребенком.

Сестра Зельда рассмеялась.

– Маме еще больше месяца до родов, – сказала она. – Кроме того, все знают, что нельзя так просто пойти и найти ребенка в Эской Форесте, – добавила она высокомерно.

Но в итоге оказалось, что прав я.

Когда они наконец пришли домой, мама была очень бледна. Она сразу же села и положила сопящий сверток себе на колени. Все столпились вокруг, а я стоял в сторонке и ждал. Потом отец подвел меня к маме. Я взглянул на маленькую попискивающую девочку и ощутил необычайный прилив гордости. Как будто я сделал что-то очень хорошее. Конечно, это мама родила малышку (от этого она была совсем измотана), но с того мгновения я почувствовал, что эта темноволосая кроха – мой собственный подарок и именно мне нужно будет за ней присматривать. Если бы я знал тогда, какой своенравной она станет, я бы еще подумал, прежде чем брать на себя такую ответственность. Забавно. Думаю, что нам с мамой было труднее всего, пока Роуз металась в поисках своего пути. Но мы переживали невзгоды по-разному. Мама все время пыталась притянуть дочку к себе и удержать. Но я-то знал, что это невозможно, и просто мучился и тосковал, когда она исчезала. Вот так и любишь дикарку: постоянно сидишь у двери и ждешь.

К такому со временем вроде даже привыкаешь.

Роуз

Я могла бы сказать, будто в детстве чувствовала себя виноватой из-за того, что вечно попадала в неприятности и доводила маму до отчаяния чуть ли не каждый день. Но на самом деле ничего подобного я не чувствовала.

Не думаю, что из-за эгоизма или бессердечия. Я просто не могла понять, почему все так беспокоятся. Подумаешь, несколько капель крови или сломанная рука!

Я не была непослушной. Просто мне не удавалось удержать мысли, вслед за которыми бежали и мои ноги. Увижу что-нибудь – лазурный блеск крылышек бабочки или облака, похожие на корабль с мачтой и парусами, или спелое желтое яблоко высоко на дереве – и помчалась, не задумываясь.

Дух странствий жил в моей крови. Дед Осбьёрн был картографом и исследователем. А прапрапрадед был одним из первых норвежцев, совершивших путешествие в Константинополь.

Я расстраивалась только из-за Недди, который находил меня и окидывал сердитым и огорченным взглядом, после того как я в очередной раз исчезала из дому, никому не сказав ни слова.

– Но я увидела кролика с таким сияющим беленьким хвостиком, – пыталась я объяснить, когда достаточно подросла для того, чтобы придавать мыслям и чувствам словесную форму.

Недди только вздыхал и говорил, что мама ждет меня на кухне.

– Прости, Недди, – говорила я и обхватывала его обеими руками.

Мне всегда удавалось заставить брата улыбнуться, и тогда я шла на кухню, где меня еще раз ругала мама.

Недди

Сказать, что мама была просто суеверна, – это все равно что назвать великий буран 1539 года легким снегопадом.

Любое действие, совершаемое в нашем доме, наделялось особым смыслом. Подмести мусор с парадного крыльца означало выгнать из дома удачу. Пение во время приготовления хлеба навлекало на дом неприятности, а если у вас чесалась левая сторона тела, то это точно предвещало беду. Если вы чихали в среду, то наверняка должны были получить письмо – с хорошими вестями, если вы смотрели на восток, и с плохими, если на север.

Отец любил рассказывать, как он впервые узнал о «родовом направлении».

Когда они объявили о своей помолвке маминой семье, первое, что сказала будущая теща, было:

– Но, Арни, мы даже не знаем, в каком направлении ты родился!

Смущенный отец оторопело посмотрел на нее.

– Да, Арни, мы должны знать это наверняка, прежде чем вы с Ольдой будете строить дальнейшие планы.

– Я уверена, что на юг или на юго-восток! – убежденно воскликнула мама.

– Нужно знать точно, – настаивала будущая теща.

Тут отец рассмеялся, подумав, что его разыгрывают.

Но женщины были серьезны.

Когда пана переходил к той части воспоминаний, где они все вместе отправились на ферму к моим бабушке с дедушкой, чтобы узнать, куда смотрела бабушка во время родов, мы корчились от смеха. Оказалось, она действительно смотрела на юго-восток, что, по маминым словам, было очень хорошо.

Плохо было то, что эта встреча отца со своей семьей стала последней. Он надеялся исправить положение. Но, видимо, странные вопросы «городских», с семьей которых породнился отец, только ухудшили дело, и расстались они как чужие.

Отец

Страстная вера Ольды в направление родов была для меня весьма необычна. Я в жизни не встречал ничего подобного, а у них в роду это суеверие передавалось из поколения в поколение.

Они верили в то, что именно направление родов имело чрезвычайную важность. А не расположение звезд, или лунная фаза, или приливы и отливы, или даже черты, передаваемые родителями детям.

Я думаю, это странное поверье было навеяно составлением карт.

– Каждый ребенок в нашей семье, – объяснила мне Ольда, – получает имя, которое

начинается с первой буквы направления родов. Мальчика, родившегося на север – норд, назвали бы Натаниелем, а девочку, родившуюся на юго-запад – зюйд-вест – Зара Вильгельмина и так далее. Я родилась на восток – ост.

– И какие отличительные черты у ребенка, рожденного на восток? – спросил я.

– Ну, кроме всего прочего, я аккуратна, крепко сплю и немного суеверна.

– Немного?! – усмехнулся я.

Так получилось, что Ольда пошла дальше своих предков. В нашу первую брачную ночь она объявила мне, что ей хочется иметь семерых детей.

– Семь – хорошее число, – ответил я, – но почему именно семерых? Это особенно счастливое число?

– Нет, просто я хочу, чтобы у меня были дети, рожденные во всех направлениях компаса.

– Но тогда их должно быть четверо или восемь... – недоумевал я.

– Я, конечно же, не считаю север.

– Почему?

– Ты что, не знаешь о детях, рожденных в северном направлении? – в свою очередь удивилась Ольда.

– Нет. – Я не стал напоминать ей, что за пределами ее семьи такой разговор вообще был бы невозможен.

– Они ужасны! Все время где-то шатаются и очень плохо себя ведут. Северные люди все такие. Моя собственная сестра – неужели я тебе не говорила? – вышла замуж за северного мужчину (вопреки маминому совету, понятное дело). Когда она вынашивала третьего ребенка, он сел на корабль, и с тех пор о нем никто ничего не слышал. Мне не нужен ребенок, за которым я не смогу наблюдать.

Услышав такое, я немного забеспокоился.

– Надеюсь, ты не собираешься держать их около себя всю жизнь?

– Нет, Арни, – уверила меня Ольда. – Я просто имею в виду, что северные слишком дикие. Вечно попадают в неприятности. Но это не единственная причина, почему у меня не будет северного ребенка. Есть кое-что поважнее.

– И что же?

– Несколько лет назад мы с сестрой ходили к гадалке.

Хотя в наших краях гадалки были большой редкостью, я не удивился, что моей суеверной Ольде удалось найти одну из них.

– Эта вещунья наделена огромной силой. Она предсказала день, когда Кари Тессел произведет на свет своего первенца! Еще она рассказала моей сестре, что море отберет у нее мужа... – Ольда замолчала.

Я посмотрел на нее.

– Гадалка что-то рассказала про твоего северного ребенка?

Она кивнула и тихо произнесла:

– Она сказала, что если у меня родится северный ребенок, то он умрет ужасной смертью – замерзнет подо льдом и снегом.

Ольда содрогнулась, а я безотчетно притянул ее поближе к себе. В нашей стране зимой частенько случались обвалы в горах, которые окружали Берген, и я видел, что Ольда восприняла это зловещее предсказание очень серьезно.

Мне такие пророчества казались ерундой. Возможно, если бы я с самого начала попытался поговорить с Ольдой о бессмысленности многих ее суеверий, то предотвратил бы немало несчастий, позже обрушившихся на наши головы. Но я не попытался. Тогда я считал все ее идеи просто безобидными чудачествами, иногда даже очаровательными, и потакал ей. Мне тоже хотелось большую семью, а семь казалось таким же хорошим числом, как любое другое...

Но даже собственная мать Ольды думала, что настолько методичное планирование направления рождения каждого ребенка не к добру.

– Ты вмешиваешься в дела Бога и Судьбы, ни к чему хорошему это не приведет, – сказала она.

Сама Ольда родилась точно на восток. Роды у ее матери начались неожиданно, когда она плыла на лодке по Раума-Ривер, которая, как всем известно, очень извилиста. К счастью, у

матери Ольды оказались с собой осколок магнитного железняка и иголка, которые она носила с собой на протяжении всей беременности. Хозяин судна принес ведро воды. Во время родов дед Осбьёрн намагнитил иглу и опустил ее в ведро с водой.

Так они без особых трудностей смогли вычислить направление родов.

– Подумать только, ведь поверни внезапно лодка, я могла бы родиться на север! – ужасалась Ольда.

В нашей семье первенец появился на северо-восток – норд-ост – Нильс Отто. Ольда объясняла это тем, что лучше начать с самого сложного направления, пока она еще молода и полна сил. А еще одно сложное направление – северо-запад – оставить напоследок, когда она станет мудрым и опытным родителем.

Все шло строго по плану от северо-востока до северо-запада.

Нильс Отто любил погулять, но всегда знал меру и соблюдал порядок.

Оливи – идеальный восточный ребенок, тихая, деловитая и послушная.

Зэльда Орри – добрая приятная девочка.

Зара – волевая и страстная.

Зорда Венда дружила с животными и была достаточно проникательной.

Виллем, способный и решительный, легко управлялся со скотиной на ферме.

Недди Вилфрид – единственный ребенок с темными волосами, хотя глаза у него были такие же голубые, как у братьев и сестер. Недди родился легче остальных. Он был славным, спокойным малышом и чаще улыбался, чем плакал.

Семеро детей за семь лет. Вздыхнув с облегчением, Ольда перестала ходить за травой, которая облегчала утреннюю тошноту и муки родов. Она убрала в шкаф широкое платье, в котором проходила все семь беременностей.

И вдруг Оливи, которой исполнилось уже восемь лет, умерла. Она никогда не была очень крепкой и здоровой, а Ольда испытывала к ней особую привязанность и нежность, отчасти из-за того, что они обе родились на восток.

Что может быть страшнее для родителя, чем потеря ребенка?! Конечно, у нас было еще шестеро детей, которые нуждались в нашей заботе, и постепенно время сгладило боль утраты. И тут свободное место в восточном направлении компаса начало терзать Ольду.

Недди

Отец рассказывал мне, что впервые стал делать эскизы розы ветров, когда они с мамой были помолвлены. Для обучения дедушка давал ему кипы карт, почти на всех стоял этот значок – как правило, в нижнем левом углу.

Отец сказал, что свое название значок получил из-за того, что похож на цветок с тридцатью двумя лепестками, и картографы испокон веков использовали его для обозначения направления ветров. Некоторые из них были простые, некоторые нет, но северное направление у всех указывал заостренный лепесток. Еще отец рассказал, что все картографы раскрашивали розы ветров яркими красками, и не потому, что так красивее, а для того, чтобы их было легче разглядеть в тусклом свете корабельных светильников на палубе.

Мне нравилось слушать про составление карт. Я мечтал, что, когда вырасту, поеду в один из больших городов и вместе с великими учеными займусь изучением этой темы. Или стану поэтом.

Одно из первых своих стихотворений я написал про розу ветров:

Север, восток, запад и юг пронзит стрела,
Ветер-бродяга треплет волну, сводит с ума,
Пашню морей вздыбит – к звезде вскинет буйки.
В дальних морях этой звезды ждут моряки.

1

¹ Здесь и далее перевод стихов А. Ефремова

Самое хорошее в этом стихотворении то, что оно короткое.

Отец

Нелюбовь к путешествиям – единственное, что мешало моей профессии. («Ты же родился на юго-восток», – говорила Ольда.) И когда наше дело развалилось, я счел виноватым себя. По правде говоря, дела давно уже шли не очень. Осбьёрн и его жена умерли от инфлюэнцы, и управление производством перешло ко мне. Скоро стало ясно, что я не смогу добиться успеха. К тому же число заказчиков после инфлюэнцы уменьшилось.

Ольда к тому времени добралась уже до середины компаса. Дома ждали четверо детей, которых нечем было кормить. И когда дальний родственник Ольды предложил нам маленький участок земли для обработки, мы не упустили возможности и перебрались всей семьей в отдаленный район Северной Норвегии.

Родственник был добр к нам и брал небольшую плату за жилье, поэтому некоторое время все шло хорошо.

Пока не умерла Оливи.

Роуз

Не помню, когда я узнала, что родилась на смену умершей сестре. Я просто всегда знала это, как разные другие вещи, например историю про необычные обстоятельства моего рождения или то, что отец умеет рисовать розы ветров.

Мама всегда рассказывала мне про Оливи – какой она была хорошей, послушной, как помогала маме на кухне. У меня никогда не получалось поступать так же. Отчасти из-за любопытства и страсти к исследованиям, жившим у меня внутри: мне необходимо было рассмотреть, потрогать или даже понюхать то, что оказывалось в поле зрения. К тому же я просто не могла усидеть на месте, за исключением тех случаев, когда рядом был Недди.

Именно в один из таких редких моментов я увидела, как шьют.

Мне тогда было, может, годика четыре. Я сидела у Недди на коленях, и он рассказывал мне про Бифрост – мост из радуги. В древних сказаниях Бифрост связывал наш мир с Асгардом, миром богов.²

Мама сидела напротив нас около очага. Она штопала. Я слыхала слово «штопать» и раньше, но не знала, что оно значит на самом деле. Говорили, что так делают, чтобы одежда служила дольше, и что мне тоже придется этим заниматься, когда я подрасту. Оливи даже в восемь лет умело справлялась со штопкой и всегда спокойно сидела за этим занятием. Поэтому штопка заранее пугала меня и обещала стать еще одним поводом для маминого недовольства.

И вдруг я наткнулась взглядом на собственные штаны, за которые мама только что взялась. Сзади на них была огромная дыра, появившаяся днем, когда я спускалась по небольшому водопаду. Недди рассказывал, как Тор размахивал волшебным молотом³, переходя по мосту из радуги, и я задремала. Когда я открыла глаза, дыра на штанах исчезла.

Окончательно проснувшись, я села. Чудо.

Могло бы показаться странным, что я никогда раньше не видела, как мама зашивает дырки. Дело в том, что штопку она всегда оставляла на поздний вечер, когда я спала и в доме было спокойно.

² В скандинавской мифологии Мидгард – мир, созданный богами для людей. Он окружен миром чудищ и великанов – Утгардом. В центре Мидгарда висит Асгард – мир богов. Боги построили мост от земли до неба (из Мидгарда в Асгард) и назвали его Бифрост или Биврёст, который представлял собой трехцветную радугу.

³ Тор – бог грома, высокий и сильный. Он борется с главными врагами богов – великанами и помогает людям. У Тора есть волшебный пояс, который делает его сильнее, на руках у Тора железные рукавицы, а вместо копья или меча он носит с собой тяжелый железный молот Мьёлльнир, разбивающий вдребезги самые крепкие скалы.

Я подбежала к ней. От сонливости и следа не осталось, и мост Бифрост тут же был позабыт.

- Сделай еще так, – попросила я.
- Что сделать? – растерялась мама.
- Прогони дырку.

Она улыбнулась и взяла следующую одежду. Показала мне, как продеть нитку в иголку, и аккуратно зашила маленькую дырочку в рубашке Зорды.

Я смотрела, не отрывая глаз, а потом твердо сказала:

- Я тоже так хочу.

Мама немного поколебалась, взвешивая естественное беспокойство о маленьких пальчиках и острых предметах с желанием поощрить мой неожиданный интерес. Подумав о том, что это хорошее средство утихомирить меня, она согласилась. Конечно, несколько капель крови пролилось, но я упрямо держала иглу, решив во что бы то ни стало добиться успеха в этом волшебном ремесле. Я засыпала маму вопросами про иголки, булавки, откуда берутся нитки. Оказалось, что нитки дает моя любимая овечка Бесси (вот это да!) и все ее друзья и родственники.

С того вечера меня как будто привязали. Я точно знаю, что и мама и Недди были довольны. Штопка оказалась одним из немногих занятий, которые могли удержать меня дома под присмотром.

Отец

- Расскажи мне про Оливи, – попросила как-то Роуз.

Тогда я сильно тревожился из-за того, что Ольда говорила об Оливи слишком много, превращая ее в идеал, тягаться с которым маленькой Роуз было не под силу. Но не стоило беспокоиться. Розы с самого начала была себе на уме. Она никогда не меняла своего поведения даже ради мамы, а уж тем более ради кого-то другого.

Однажды она попросила меня нарисовать Оливи. Просьба была неожиданная, но чем больше я об этом думал, тем понятнее становилось ее любопытство. Признаюсь, я провел немало времени над маленьким рисунком, но работа принесла мне облегчение, да и Ольде тоже. Рисунок вызвал приятные воспоминания.

Когда я показал его Роуз, она долго и внимательно его изучала. У меня было немного цветных красок, и я раскрасил портрет. Роуз спросила только про волосы:

- Они были точно такого цвета, папа?

Я кивнул, цвет очень походил на настоящий. Роуз наклонилась и положила прядь собственных каштановых волос на рисунок.

- Только у нас с Недди волосы темные, – сказала она.

– У вашего дедушки по маминой линии были такие же. От него вы унаследовали этот цвет.

- Тот дедушка, который плавал на кораблях?

- Да.

Она улыбнулась. Потом попросила посмотреть розу ветров, ту, которую я нарисовал специально для нее. Когда у нас родился первенец – Нильс Отто – я нарисовал для него розу. Хоть я и не верил в важность направления рождения, сознаюсь, пользовался некоторыми идеями для создания рисунка. В розе Нильса Отто, кроме прочего, была парящая белая крачка (хорошо известная в наших северных краях птица), книга и перо для записи счетов.

Я стал рисовать розы ветров для каждого нашего новорожденного. Роуз особенно нравилось разглядывать свой рисунок, водить пальчиком по линиям. Я всегда с тревогой следил за ней, боялся, что ее маленькие зоркие глазки могут разглядеть подвох. Мне-то он прямо бросался в глаза и, казалось, портил всю красоту самой лучшей из всех моих роз.

Несколько раз поздно ночью, когда дети спали и не могли нас услышать, я делился своими опасениями с Ольдой.

– Может, лучше, чтобы Роуз узнала правду о своем рождении? Она еще маленькая, ей было бы... – я запнулся, – не так больно узнать обо всем сейчас.

– Не понимаю, о чем ты, Арни.

Она действительно не понимала.

Ольда уже не помнила правды. Она вычеркнула из памяти все. Я удивляюсь, как она вообще сумела сохранить здравомыслие. На самом деле, невозмутимая уверенность, с какой она говорила, что Роуз родилась на восток, заставляла меня сомневаться в собственном здравомыслии. Может, вообще ничего этого не происходило? Да нет, все случилось именно так.

За месяц до срока родов мы с Ольдой пошли в Эской Форест за травами. Мы старались ходить туда вместе хотя бы раз в две недели: эта привычка появилась у нас, когда мы перебрались жить на ферму. Там мы могли провести наедине пару спокойных часов, не нарушаемых детскими криками, слезами и вопросами. Пока дети были маленькие, жена нашего соседа Торска соглашалась приглядеть за ними в наше отсутствие, а потом мы оставляли Нильса Отто и Зельду Орри за старших.

Беременность Ольды протекала спокойно, только ребенок в животе вел себя очень активно. Ольда говорила, что малыш решил исследовать каждый миллиметр ее лона. Однажды утром после особенно беспокойной ночи я сказал в шутку:

– Этот малыш сначала потянется за картой, а потом уж за молоком матери.

И тут же пожалел о своих словах, потому что жена нахмурилась.

– Восточные дети не любители путешествий.

Я вздрогнул от дурного предчувствия. Ольда была уверена, что для рождения этого ребенка возможно только восточное направление. Казалось, она испытывает судьбу.

И вот мы отправились собирать травы. День был пасмурный. Ольда принялась искать лопухи. Ей попались буйные заросли, и она наклонилась, чтобы сорвать листья, но вдруг слегка пошатнулась.

– Ух!

– Опять ребенок толкается? – спросил я.

– Он как будто пытается вырваться, – пожаловалась она, медленно выпрямляясь. – Ей бы надо еще потерпеть. Недельки четыре хотя бы.

Вдалеке загрохотало. Я взглянул на небо.

– Нам лучше вернуться домой. С севера ползут такие черные тучи!

Ольда кивнула и направилась к своей корзине. Но на полпути остановилась и обхватила живот руками. Ее протяжный стон заглушил грохотание небес. Ольда опустила на землю с искаженным от боли лицом.

Я подскочил к ней и, пытаясь сохранять спокойствие в голосе, сказал:

– Боль утихнет, и мы сразу же пойдем домой.

Жена покачала головой.

– Нет, – с трудом прошептала она. – Ребенок идет. Быстро.

– Но я...

– Ты примешь его, Арни.

Я помогал ей и раньше, поэтому не боялся. Но вот-вот должна была разразиться буря, и это меня сильно беспокоило. Устраивая Ольду поудобнее на земле, я шептал молитву.

Схватки становились все сильнее, лес эхом отзывался на стоны Ольды.

Вдруг она в панике стала оглядываться.

– Солнце, где солнце? – Ее бормотание переросло в продолжительный стон.

До меня дошло, что Ольда беспокоится о направлении родов, но, когда я осознал, что смотрю на маленькую пяточку, все вылетело из головы.

Ребенок шел неправильно. Глухая паника охватила меня. Я закрыл глаза и стал думать. Что делали повивальные бабки, если ребенок выходил ножками? Я положил руку на живот Ольды и сосредоточил все мысли на еще не родившемся ребенке.

– Повернись, малыш, – прошептал я, изо всех сил желая, чтобы ребенок услышал.

Но ничего не изменилось.

– Ольда, – сказал я жене на ухо. – Нужно сходить за помощью.

– Нет, – выкрикнула она. – Слишком поздно!

Она не отрывала взгляда от темного неба, видневшегося сквозь кроны деревьев, – искала солнце.

– Где же оно?.. Какое направление, Арни?

Мне было непонятно, как в минуту величайшей опасности для собственной жизни и жизни ребенка она могла думать только о своих проклятых суевериях. Потом я подумал, что, возможно, она не осознавала до конца всей серьезности положения.

– Я не могу сделать это самостоятельно. Нам нужна...

– Солнце... – снова проговорила Ольда.

Вдруг под моей рукой что-то вздулось и задвигалось.

Ольда вскрикнула и приподнялась. Крупные капли дождя упали ей на лицо.

А я в изумлении смотрел на головку моего ребенка. Ему удалось повернуться самостоятельно! Это было просто чудо!

Что происходило потом, стерлось из моей памяти.

– Тужься! – кричал я Ольде.

И вот у меня в руках очутилась вопящая кроха. Она была вся сморщенная, красная и темноволосая. Девочка. Дождь умыл крошечное личико. Ольда протянула к нам руки, и я передал ей ребенка. Она стала целовать закрытые глазки и ручки.

В это время сквозь листву пробился луч света, и Ольда глянула вверх. Ее влажное раскрасневшееся лицо побелело, улыбка исчезла. Я поднял глаза, чтобы посмотреть, что там такое, и неожиданно увидел радугу и бледное солнце. Легкий дождь все еще шел. Было очень красиво. «Хороший знак», – подумал я.

– Север, – выдохнула Ольда с недоверием. Тогда я понял. И чуть не рассмеялся вслух от облегчения.

– Она северная, да? Ну, наверное, так было предопределено...

– Нет! – закричала на меня Ольда. – Она *не* северная! Она не будет северным ребенком!

– Ольда, успокойся. Нет ничего плохого в том, что ребенок родился на север. Кроме того, это всего лишь предрассудок.

– Она – Ориана.

Я удивленно посмотрел на нее:

– Хорошее имя – Ориана. Значит, ты решила больше не называть детей по направлению?

– Я смотрела на восток, когда роды начались.

Я мысленно вернулся назад. Небо было темное, сказать наверняка, куда смотрела Ольда, было затруднительно.

– Она родилась на восток, поэтому ее зовут Ориана! – вызывающе сказала Ольда.

Я нехотя кивнул, хотя и почувствовал, как внутри шевельнулась тревога.

– Я не позволю ей умереть, – прошептала она.

Умереть? Потом я вспомнил предсказание гадалки.

Умрет подо льдом и снегом.

– Арни, ты никогда никому не расскажешь, ни одной живой душе...

– Расскажу – что?

– Что она родилась не на восток. Она восточный ребенок! – Ее взор пылал, а лицо было бледное и мокрое.

Я положил руку на спутанные волосы Ольды.

– Тебе нужно время, чтобы все обдумать.

– Нет, – твердо ответила она, глядя мне прямо в глаза. – Это Ориана Роуз, потому что круг компаса завершен и это мой последний ребенок. Пообещай мне, Арни. Ты никогда не скажешь ни одной живой душе.

Поколебавшись, я поклялся, потому что не мог вынести несчастного выражения этих глаз.

Она улыбнулась и снова склонилась к ребенку, бормоча слова любви. Потом я взял малышку, чтобы Ольда могла отдохнуть немного перед дорогой домой. Я легонько провел пальцами по кончикам взъерошенных каштановых волос дочери. Посмотрел на ее сморщенное личико, и вдруг мне на ум пришли слова из давно забытого стихотворения: «Ниама, рожденная под радугой». Может, это было стихотворение Недди? Как бы то ни было, с того мгновения, хотя и не нарушая соглашения с Ольдой, в душе я называл свою дочку Ниама.

Когда я записывал в семейной книге рождений моего восьмого ребенка, я написал: Ориана Роуз. А когда рисовал розу ветров, которая была у каждого из детей, то сделал ее самой

сложной. Она могла бы быть и самой красивой, если бы не таила в себе ложь. Пока я ее рисовал, со мной происходило что-то непонятное, потому что рисунок выдавал правду помимо моей воли. Но разглядеть эту правду мог только тот, кто хотел ее увидеть.

Это была моя тайна, которая раскрылась лишь в ту ужасную ночь, когда белый медведь подошел к нашей двери.

Королева троллей

Все началось, когда я впервые отправилась в Зеленые Земли.

Тогда он был совсем мальчиком. Играл с другими детьми. Они кидали красный мяч. Смеялись. Потом ушли, а он неожиданно-негаданно один вернулся за мячиком. Я могла бы заколдовать такого (с помощью моих способностей), но даже не подумала об этом.

Должно быть, у него зрение лучше, чем у остальных мягкокожих, – он заметил меня. А может, это случилось из-за того, что я сама хотела, чтобы он меня увидел.

Он подбежал ко мне. Такое странное лицо, белозубая улыбка, яркие зелено-голубые глаза. Протянул мяч и сказал:

– Хочешь поиграть?

Вот тогда-то оно и появилось – странное, захватывающее дух чувство. Желание.

Поэтому я забрала его. Не в тот день, потом.

Ярости моего отца не было предела. Он сказал, что я нарушила все наши законы. Самые древние и обязательные из законов.

Я пыталась объяснить ему, почему так получилось. Никто из людей не узнал, что я забрала его. Я проделала это очень умно, изобретательно. Но разгневанный отец наложил заклятие. Строгое. И с условиями.

Я ненавидела его, но изменить ничего не могла. Тогда отец мой был могущественнее меня. Ничего переделать было нельзя. Даже и сейчас нельзя.

Заклятие послужило наказанием за нарушение старинных законов, но отец не лишил меня возможности получить то, чего я желала. Однажды условия будут выполнены, и мягкокожий мальчик станет моим. Навсегда.

Белый медведь

Бросаю красный-красный мяч.

Голос, похожий на шорох гравия.

Потерялся.

Тогда...

Огромное жирное тело.

Четыре ноги, а не две. Широкая неслышная поступь.

Запахи, от которых никуда не деться.

Постоянный голод.

И жара. Испепеляющая жара.

Должен идти, все время идти.

Найти холодные земли.

Снег и лед, белый, бесконечный.

Один.

Красный мячик. Потерялся.

Потерялся.

Недди

Роуз была особенной.

Не голубоглазая, как все мы, а с поразительно карими глазами и блестящими каштановыми волосами. У остальных членов нашей семьи, кроме меня, волосы были светлые.

Мы росли длинноногие и высокие, все, кроме Роуз. Однако, несмотря на короткие ножки, ей удавалось бегать быстрее нас.

Отличалась она не только внешне. Она была более шумная, более независимая.

«Наша маленькая Роуз всегда знает, чего хочет», – любил повторять отец. Он говорил, что она напоминает ему мамино прапрадедушку, путешественника. Но мама возражала, что Роуз такая, только пока маленькая, а когда подрастет, обретет свою истинную натуру восточного ребенка. В подтверждение своих слов она всегда указывала на то, что Роуз любила шить и ткать. «Это увлечения восточного ребенка, если я хоть что-то в этом понимаю, – твердо говорила мама. – Она успокоится. Вот увидите».

Я не был в этом так уверен.

Как легко потерять то, что ты больше всего любишь, я впервые узнал из-за Роуз и ее коротких быстрых ножек. Второе стихотворение я написал про то, как потерял Роуз. Оно вышло не очень складное, во многом навеянное легендарным плачем Фрейи по потерянному Оду⁴. Основное ударение я сделал на словах «жестокие воды». Роуз тогда было два года, а мне всего лишь шесть.

Мама готовила, а мы слонялись вокруг фермы. Роуз еще спала – или по крайней мере все так думали. Придя проведать дочку, мама обнаружила только пустую кровать. Она обошла весь дом, и, не найдя Роуз, вышла на улицу и принялась ее звать. Скоро мы все включились в поиски.

Мы разошлись в разных направлениях от дома. Я был самый маленький, и меня послали на северо-восток, так как вряд ли Роуз ушла бы туда. Там стояла каменная стена, на которую двухлетний ребенок не смог бы забраться.

Или это мы так думали.

На земле лежал снег, хотя было не так уж холодно. Дойдя до стены, я влез на нее (это было непросто) и уселся сверху, оглядывая окрестности. Родители думали, что именно сюда Роуз пойти не могла, но я хорошо знал свою сестренку: она всегда делала то, чего меньше всего от нее ожидали. За стеной начиналось небольшое поле, плавно переходящее в холм. Сразу за холмом возвышалась большая скала с крутым обрывом в ущелье, на дне которого была вода.

На поле не было никаких следов Роуз и на холме тоже. Мне стало очень тревожно, и я побежал к скале. Забравшись на самый верх, я глянул в ущелье. Внизу, в воде, стоял огромный белый медведь. В зубах он держал Роуз, насквозь промокшую и неподвижную.

Медведь повернул голову и увидел меня. Он начал карабкаться по скале прямо ко мне. От страха я прирос к месту. Теперь я видел, что медведь несет Роуз, схватив зубами за платье, как кошка носит своих котят. Животное остановилось недалеко от меня и бережно положило девочку на землю. Когда медведь поворачивался, я успел заметить выражение его глаз. Никогда не видел я таких глаз ни у одного животного. Они были полны невыразимой грусти.

Я опустился на колени рядом с Роуз. Наклонился к ее груди и стал слушать: она ровно дышала, но была очень бледна и не двигалась. На ее лице и коленках я заметил свежие царапины. Но вскоре Роуз открыла глаза и улыбнулась.

– Недди, – весело проговорила она и обняла меня за шею.

Я поднял ее и отнес домой. Родителям я рассказал, где нашел сестру, но ни слова не сказал про медведя. Сам не знаю почему. Возможно, из-за того, что никто в семье мне не поверил бы, решив, что я все выдумал. Хотя на самом деле причина была другая. Что-то в истории с медведем напугало меня. Нет, не то, что он был огромный и свирепый. Мне не хотелось даже думать что.

Каким-то образом Роуз перелезла через каменную стену, перешла поле, взобралась сначала на маленький холм, затем на скалу, с которой, поскользнувшись, съехала в ледяную

⁴ Речь идет о стихах из «Младшей Эдды» Снорри Стурлусона, исландского поэта и историка XIII века. Фрейя – светловолосая и голубоглазая богиня любви, жена Ода, бога солнечного света. У Фрейи есть волшебное соколиное оперение, надев которое она часто летает над облаками, и чудесное золотое ожерелье Брисингамен. Когда она плачет, из ее глаз каплют золотые слезы. Когда Од отправился в дальние страны, она оплакивала его слезами «красного золота».

воду. Отец подумал, что Роуз сама выбралась из воды. Но я-то знал, что ее вытащил медведь и что, по всей вероятности, она бы утонула, если бы он не спас ее.

Роуз не помнила о медведе. Я почти уверен, что она и не видела его.

И я никогда никому о нем не рассказывал.

Белый медведь

Теплое место.

Шкура все время чешется.

Нырнуть в холодную воду. Облегчение.

Карие глаза. Дитя.

Вверху на скале.

Улыбается, смотрит вниз без страха.

Я помню.

Давно.

Мяч.

Красный мяч.

Потом пустота.

Потерялся.

Девочка наверху.

Падает.

Карие глаза закрыты. Ее лицо.

Барахтается, тонет.

Поднять ее, вытащить из воды.

Мальчик. Светлоглазый, испуганный.

Тонкие ручки. Поднять ее к нему.

Уносит ее.

Снова один.

Роуз

Отец рассказал мне, что первым подарком на мое рождение стала пара сапожек из мягкой кожи северного оленя. Это был очень подходящий подарок, ведь я любила носить сапожки.

Я донашивала одежду после старших братьев и сестер, но никогда не огорчалась по этому поводу. К тому времени, когда я получала сапоги, подметки на них сменялись не один раз, но я, без сомнений, нахаживала в них намного больше миль, чем все мои братья и сестры, вместе взятые.

Когда мне исполнилось пять или шесть лет, родители уже сбились со счета, сколько раз меня теряли. Любимым моим развлечением было воображать себя отважным исследователем, как дедушка и прадедушка. Я стремилась исследовать каждый квадратный дюйм земли вокруг фермы.

В тот день, когда я впервые увидела белого медведя, я выскользнула из дому, пока сестра Зельда отвлеклась на лягушку, спрятанную мной в кастрюлю в кухонном шкафу. Я перебралась через каменную стену, перебежала луг, но не стала забираться на скалу (с которой, по словам домочадцев, я свалилась и чуть не утонула в возрасте двух лет), а свернула на север. Я очень долго шла и вскоре оказалась в маленькой роще. Там среди деревьев стоял белый медведь. И очень тихо за мной наблюдал.

Я остановилась, с восхищением глядя на его белоснежную шкуру. Я была слишком мала, чтобы испугаться, поэтому широко улыбнулась зверю. Он поглядел на меня немного, потом отвернулся и неуклюже побрел прочь. Я побежала было за ним, но он исчез. Вскоре я почувствовала голод и повернула к дому.

Я не сказала ни маме, ни папе, что видела белого медведя. Особенно маме, потому что знала: после такого случая она сделает все, чтобы удержать меня поближе к дому.

– Вот видишь, – сказала бы она. – Здесь повсюду бродят страшные, дикие животные. Это

очень опасно!

Но зато я рассказала Недди, и его реакция меня разочаровала. Он нахмурился и заговорил тем поучающим тоном, который я ненавидела:

– Тебе нельзя подходить к белому медведю, Роуз. Они опасные и жестокие существа с длинными острыми зубами, которыми можно перекусить тебя пополам. Они всегда голодны и быстро бегают.

Как будто он все знал про белых медведей!

Я не стала его слушать. С тех пор белый медведь превратился в моего воображаемого друга и спутника. Я представляла, что путешествую на его белоснежной спине, и мы вдвоем завоевываем новые земли.

Я провела большую часть детства, страстно и тщетно желая снова увидеть белого медведя. В наших краях они попадались крайне редко, потому что жили на снежном севере.

Белый медведь

Смотрю на ребенка.

Девочка с карими глазами.

Карие глаза.

Она улыбается.

Стою между деревьев и смотрю на нее.

Девочка.

Подросла.

Не боится.

Она идет ко мне.

Доверчивые карие глаза.

Нет.

Небезопасно для нее.

Голод.

Голод.

Голод.

Должен идти.

Быстро.

Что-то съесть.

Сейчас же.

Потом вернуться.

Недди

Когда Роуз было пять лет, она начала ткать. Первой вещью, которую она собственноручно сделала, был пояс с неумелым рисунком медведя. У нее было две страсти: ткать и путешествовать со своим воображаемым белым мишкой.

Если она была дома, то обязательно плела поясочки на своем маленьком ткацком станке. Когда поясов стало больше, чем все мы могли когда-нибудь сносить (даже некоторые животные на ферме щеголяли в поясах Роуз), мама научила ее ткать на большом станке. К восьми годам Роуз могла соревноваться в этом ремесле со старшими сестрами.

Однажды она относила корзинку с яйцами вдове Озиг и заметила в ее доме ткацкий станок. Вдова была местной мастерицей, ткала накидки, коврики и что-то еще. Она продавала их в соседней деревушке Андальсины и бродячим торговцам, которые увозили ее изделия на далекие базары и рынки.

Роуз видела только наш простой станок, поэтому соседский показался ей огромным и впечатляющим. Он был в два раза выше самой Роуз, отполированный и украшенный резьбой.

К сожалению, вдова Озиг была ворчливой старухой, которой не было дела до маленькой дикарки. Больше всего на свете Роуз захотелось иметь свой собственный станок, такой же большой и красивый, как у вдовы. Но она знала, что это невозможно, что отец никогда не

сможет себе этого позволить.

Роуз была упрямой девочкой, и она не успокоилась до тех пор, пока не нашла способ получить разрешение ткать на станке вдовы.

Когда Роуз исполнилось девять лет, она обнаружила, что вдова питает слабость к лисичкам. Тогда Роуз научила свою любимую собаку Снурри находить эти грибы в лесу по запаху. И она добилась своего: за корзину лисичек раз в неделю вдова Озиг разрешала ей учиться ткать на своем станке. Хотя уроки были короткие и неприятные (часто сестра приходила домой в слезах после какой-нибудь насмешки вдовы), Роуз была настойчивой ученицей. Очень скоро корзинки с лисичками стали просто способом получить возможность поработать на станке самостоятельно. На такие упражнения у Роуз было совсем мало времени – в коротких перерывах между работой самой вдовы, многие изделия которой требовали массу времени на изготовление. К тому же если бы не ревматизм хозяйки станка, то у Роуз вообще не было бы возможности ткать. Когда болезнь разыгрывалась, вдова долго не бралась за работу, иногда даже по две недели, если было совсем плохо.

«Спасибо тебе, Боженька, за ревматизм вдовы Озиг», – приговаривала Роуз каждый вечер перед тем, как лечь спать. Однажды мама услышала это и отругала ее, поэтому впредь Роуз стала осторожнее и стала шептать слова благодарности про себя.

Но даже таким образом Роуз не могла соткать ничего значительного, на что потребовалось бы больше нескольких дней работы. Как-то раз в кладовой вдовы Роуз заметила старый ткацкий станок, прислоненный к дальней стенке. Рамка его угрожающе наклонилась, покособившийся валок и рейки галева⁵ были расколоты, поперечной балки, казалось, и вовсе нет. Запутанные прогнившие нитки болтались вверх и вниз. Но Роуз это не смутило.

Она долго и упорно носила вдове корзинки с грибами, пока та наконец не разрешила ей попробовать починить сломанный станок. К тому же вдова заставила Роуз до блеска вычистить старую грязную кладовку.

Роуз уговорила отца, Виллема и меня помочь ей. Вдова даже не разрешила уносить станок. А потом все время жаловалась, что мы очень шумим и стучим своими молотками.

Я очень удивился, что вдова Озиг сразу не отдала станок Роуз, ведь она сама-то явно не собиралась им пользоваться. Еще больше раздражало то, что противная тетка продолжала требовать лисички за пользование станком, который мы починили, и заставляла Роуз работать в своей темной холодной кладовке.

И все равно я не видел Роуз более счастливой, чем когда у нее выдавалось свободное время, чтобы пойти поработать на станке.

Я написал стихотворение про вдову Озиг. Оно начиналось так:

Мастерица-вдова, чьи проворные руки
Кровью жертв выплетают на ткани узор,
Губы сухи, а пряди, как будто гадюки, –
Гонят души несчастных в адский костер.

Может, конечно, я и преувеличил. Но совсем немного.

Роуз

Сперва я выткала на станке вдовы Озиг узкую скатерть. На ней был простой рисунок с оленем, но я безумно гордилась ею. Следующим моим детищем стала шаль для мамы и шарфы для трех моих сестер. Потом я соткала куртки для Недди и папы.

Последняя вещь, сотканная на том станке, была для меня. Плащ. Я трудилась над ним больше полугода. За это время дела на ферме совсем пришли в упадок.

Отец рассказал мне, что неприятности начались в тот год, когда я родилась. Урожай ячменя погиб, а потом наступила необычно суровая зима, которая погубила наши основные

⁵ Части ткацкого станка

посевы. На фруктовые деревья напала тля, домашняя птица вымерла от какой-то болезни, к тому же постоянно случались неурожаи. В то лето, когда я ткала себе плащ, дела были настолько плохи, что я почти перестала ходить за лисичками для вдовы. Да и для рукоделья оставалось слишком мало времени. Ткали только то, что было крайне необходимо. Мы все работали не покладая рук, чтобы просто не умереть с голоду. Лишней шерсти тоже не было.

Долгое время я выискивала повсюду клочки шерсти. Я находила их в щелях заборов и на коре деревьев. Но, конечно же, этого было мало. Только благодаря папе мне удалось закончить плащ. Он приносил мне шерсть, которую добывал у соседей, и настаивал на том, чтобы я отрывалась от работы, чтобы сходить со Снурри в лес за лисичками.

С годами язык вдовы Озиг становился острее. Ей не нравилось, что нам так не везет. Часто она говорила об этом с грубостью, отпуская едкие шуточки по поводу фермерских способностей моего отца. Я бы давно перестала к ней ходить, но очень хотелось закончить плащ. Это было лучшее, что я когда-либо делала. Жизнь на ферме становилась все хуже, и я подумывала, не продать ли мне его – деньги были так нужны. Но отец и слышать об этом не хотел. Он сказал, что плащ принадлежит мне.

Сначала я показала его Недди. Я встретила брата, когда возвращалась домой от вдовы. Солнце светило, дул легкий осенний ветерок, а я была возбуждена из-за того, что работа закончена.

Он сразу понял. И улыбнулся своей замечательной улыбкой.

– Покажи, – сказал он.

Я нетерпеливо начала разворачивать плащ. Подул ветерок и качнул полы плаща, бросил материю прямо Недди в лицо, и мы рассмеялись. Недди взял плащ за подол, а я держала верх.

– Роза ветров, – сказал Недди. – *Твоя* роза ветров.

Я кивнула:

– Как ты думаешь, папе понравится?

– Конечно. Он такой красивый.

Я снова засмеялась, зная, что Недди прав.

– Надень его. – Он поднял плащ, накинул на меня и застегнул.

В плаще было тепло и уютно.

– Подошло бы и для королевы, – сказал Недди.

Я улыбнулась, вспоминая игры, в которые мы играли в детстве. Я была королевой Роуз, а он был моим верным волшебником, или пажом, или учителем, или кем ему было угодно.

Полы плаща снова подхватил ветер. Недди пытался поймать их, и мы оба смеялись до слез.

Тогда-то я и увидела медведя. Мы с Недди стояли около зарослей рябины. Я увидела его между стволов деревьев. То есть я увидела глаза и неясные очертания белой фигуры. Казалось, мы смотрели друг на друга целую вечность. Недди все еще говорил про королеву Роуз, но его голос терялся где-то, а я видела только те черные глаза.

Я должна была испугаться такого огромного зверя, стоящего так близко. Но я не испугалась.

Белый медведь

Не испугалась.

Ее рот, улыбка.

Пронизывает.

Так давно, такая потеря.

Один.

Всегда один.

Плащ. Ловит ветер.

Цвета.

Север.

Юг.

Восток.

Запад.
Карие глаза.
Север, юг, восток, запад.
Восток.
Не боится.

Недди

Роуз что-то прошептала, но я не расслышал. Ее взгляд был прикован к зарослям деревьев, которые начинались прямо у меня за спиной.

– Белый медведь, Недди, – сказала она громче.

Но когда я повернулся, там никого не было.

Роуз затащила меня в рябинник, и мы стали ползать по земле, стараясь найти следы огромного зверя.

– Ты ведь веришь мне, да? – спросила она.

Никаких следов не было. Но все равно я верил, хотя и не сказал.

– Пора ужинать, – бросил я и повернул к дому.

Роуз сияла плащ и, складывая его па ходу, поспешила за мной.

– Что такое, Недди?

– Ничего. – Я попытался ответить нормальным голосом. – Вечереет...

Но я лгал. Я очень испугался. Не белого медведя и не за себя.

– Мне кажется, ты от меня что-то скрываешь, – не отставала сестра.

– С чего ты это взяла?

Роуз взглянула на меня:

– Как бы мне хотелось, чтобы ты его увидел, Недди. Он такой большой, а глаза... Как будто он чего-то хочет. И еще он был печален.

– Тебе показалось, – поспешно проговорил я. – Сейчас слишком жарко для белых медведей. Да ты ведь знаешь, они не заходят так далеко на юг даже зимой. Может, это была белая олениха. У них тоже печальные глаза.

Да, я говорил неправду. Ведь я видел глаза белого медведя несколько лет назад. И я не сомневался, что это был тот же самый зверь.

После того как я увидел глаза медведя, спасшего Роуз, я стал расспрашивать о них всех, кого встречал. Многие ничего не знали. Зато один торговец, который ходил далеко на север с охотниками-саами⁶, оказался весьма сведущим человеком.

– Прежде чем я отправился ловить белого медведя, – поведал мне торговец, – саами научили меня. Они сказали, что я должен знать все об этом животном, если собираюсь поймать его. Саами называют его *Великий Путешественник*, или *Медведь-Призрак*. Были у них и другие названия: *Тот, Кто Ходит, Не Оставляя Тени*, *Ледяной Гигант*, *Белая Громадина*, *Морской Медведь*. – Торговец сделал паузу, а затем продолжил: – Белый медведь – одинокий странник, он никогда не ходит в стае или даже с подругой. Передвигается на четырех лапах, а уж если встанет на задние лапы, то может оказаться и десять футов⁷ ростом. Он живет обонянием. Саами так говорят: «Упадет иголка с сосны. Ястреб ее увидит. Олень услышит. А белый медведь унюхает». У него черные глаза, черный нос, на каждой лапе по пять черных когтей. Все остальное белоснежное.

Я слушал торговца, а глаза мои были прикованы к шраму у него на лбу. Может, это медведь поцарапал его своим черным когтем?

Я узнавал все больше. Например, что место обитания белых медведей простирается к северу от нас, там, где снег укрывает землю чуть ли не двенадцать месяцев в году. Случалось,

⁶ *Саами* – кочевой народ, обитающий в северных районах Норвегии, Швеции, России и Финляндии.

⁷ *Фут* – мера длины, равная 30,48 см.

что белые медведи заходили и в наши края, но крайне редко и только в суровые зимние месяцы.

Я узнал, что зрение у медведя намного слабее обоняния, хотя все равно они очень хорошо видят. У них есть еще одно веко, которое защищает глаза от сияния снега, помогает смотреть под водой и пробираться сквозь буран.

Я узнал, что из всех медведей у белого самая густая и мягкая шерсть и только на носу и подушечках лап она отсутствует. У медведя сорок два зуба, включая длинные острые клыки. Животное питается мясом, но может прожить на ягодах и траве, если нужно. Сила белого медведя стала легендой. Говорят, он может убить одним ударом лапы.

Я даже написал стихотворение о белом медведе. Оно начиналось так:

Призрачный странник на троне кочующем, севера царь, –
Властвуй, медведь одинокий!
Каждому встречному смерть приносящий ныне, как встарь.

Вскоре после этого я решил, что не буду поэтом.

Отец

В тот день, когда Роуз принесла домой готовый плащ, мне показалось, что с ней произошло нечто очень важное. И с Недди тоже. Оба притихшие, замкнутые. На ссору не похоже. Я спросил Роуз, как вела себя вдова Озиг, и услышал в ответ:

– Не хуже, чем обычно.

Потом Роуз расправила плащ и показала его мне.

Я с изумлением его оглядел. Не верилось, что моя дочь Ниам, моя Роуз сделала такое своими руками. Здесь было больше цвета и вдохновения, чем можно было себе представить.

– Твоя роза ветров...

– Да, папа. Надеюсь, ты не против, что я ее скопировала.

– Конечно же нет. Это... – запнулся я, вдруг осознав, что ложь прокралась и сюда. Сама того не подозревая, Роуз вплела ложь в свой плащ.

Я снова стал восхищаться способностями дочери. Думаю, Роуз что-то почувствовала и несколько раз удивленно на меня взглянула, пока все вокруг собирались, чтобы полюбоваться работой. В тот вечер Ольда приготовила праздничный ужин, вытащив все, что осталось, из нашей кладовки.

Тот день, когда дочь принесла домой плащ, оказался последним счастливым днем для нашей семьи. Роуз было тогда почти пятнадцать лет, а бедствовать мы начали еще с того года, когда она родилась. Иногда мне приходила в голову мысль, что наши неудачи связаны с ложью про рождение Роуз, но я тут же упрекал себя в том, что становлюсь таким же суеверным, как Ольда.

Я был неважным земледельцем. Когда мы только перебрались из Бергена на ферму, удача улыбалась нам. Но с тех пор все изменилось к худшему. Той осенью, когда Роуз закончила плащ, мы едва сводили концы с концами и часто голодали.

В довершение всего родственник Ольды, у которого дела тоже пошли вкривь и вкось, был вынужден продать все свои земельные участки. Нашу ферму купил преуспевающий торговец, который жил очень далеко – в городе Осло⁸. На лошади ехать до Осло не меньше месяца, поэтому самого торговца мы не видели. К нам приезжал посыльный от его уполномоченного Могенса. Плата за ферму не взлетела вверх сразу, но мало-помалу стала увеличиваться и постепенно сравнялась с нашим доходом, так что на жизнь почти ничего не оставалось. Со временем двое наших старших детей уехали с фермы. Нильс Отто отправился в Данию, где надеялся найти работу. А Зельда Орри вышла замуж за кузнеца и переехала с ним в другую часть Норвегии. Мы редко получали от них весточки.

⁸ Осло – столица Норвегии с 1814 года.

В тот день, когда Роуз принесла домой плащ, на нас обрушился последний удар. От Могенса пришло письмо, в котором сообщалось, что мы должны освободить ферму в течение месяца.

В семье Ольды в живых остались только брат и сестра, перебравшаяся в Исландию после того, как муж покинул ее. Единственные люди, к которым мы могли обратиться, были мои родственники.

Скрепя сердце я сочинил письмо брату, который вел дела семейной фермы. Я не был уверен, что он нас примет, ведь мы давным-давно не виделись. Даже если он нас пожалел бы, до места, где я вырос, было очень далеко, и я боялся, что нам не хватит денег на дорогу. Мы уже продали повозку и всю скотину с фермы, чтобы заплатить долг новому владельцу земли.

Но потом я взглянул на голодные лица, на старую заношенную одежду моих домочадцев и понял, что выбора нет.

Были мгновения, когда я приходил в отчаяние. Я называл себя неудавшимся мужем и отцом, и даже думал о самоубийстве.

В то нелегкое время Ольда была мне опорой и поддержкой. Несмотря на суеверия, она была сильной и преданной женщиной. Она никогда не обвиняла и не осуждала меня, не жаловалась на свою судьбу. Каким-то образом ей удавалось превратить одну ложку еды в две, починить самую ветхую одежду.

Правда, Ольда любила придумывать объяснения, основанные на суевериях, почему нам так не везет. Тем не менее она стойко взваливала на себя все тяготы нищеты и не давала нам раскисать.

И вдруг заболела Зара.

Недди

Когда заболела Зара, я почувствовал, что в маминой душе поселился страх. До этого момента она была спокойна и уверена. Я понимал, что болезнь дочери заставила их с отцом вспомнить смерть Оливи.

В доме тогда осталось пятеро детей: я, Роуз, Зара, Зорда и Биллем.

Мы ждали ответа от брата отца. Это была наша единственная надежда. Но стало ясно, что, даже если он согласится нас принять, мы не сможем совершить такое далекое путешествие, пока Зара болеет.

К счастью, сосед Торск предложил нам на время перебраться к нему, чтобы мы не остались на улице, когда приедет владелец земли. Сам Торск тоже едва сводил концы с концами, но у него хоть осталась собственная ферма. Мы знали, что не можем задерживаться у него слишком долго и посягать на его скудные запасы.

Я для себя решил, что, как и старший брат Нильс, уйду из дома и попытаюсь сам устроиться в жизни. Тогда я буду посылать все, что заработаю, семье. Давняя мечта учиться в большом городе растаяла как дым.

Мама не отходила от Зары ни на минуту. Отец бесцельно бродил вокруг дома – он как будто постарел лет на двадцать. На ферме нам оставалось жить чуть больше двух недель.

В ту осень рано начались холода. Первый буран налетел еще до того, как удалось собрать последний урожай. Спустя несколько дней потеплело и снег стаял, но было уже поздно. А потом наступила обычная осенняя погода – бесконечный холодный дождь.

Как-то вечером, когда за окном дождь лил как из ведра, мы собрались у очага. Вдруг за дверью послышался какой-то звук. Мама сидела в глубине комнаты около Зары, которая только что заснула.

Звук повторился. Я обменялся взглядом с отцом, подошел к двери и осторожно приоткрыл ее, желая узнать, кто или что могло быть снаружи в такой вечер. И успел заметить только белое пятно, прежде чем дверь распахнулась. Я отступил, и что-то огромное и мокрое ворвалось внутрь.

Я увидел большого белого медведя, который остановился посреди комнаты.

В открытую дверь врывался ветер с холодным дождем, но никто этого не замечал.

– Закрой дверь. – Голос был странный, тяжелый.

Это казалось невозможным, но я сразу понял, что голос принадлежал белому медведю.

Сестра Зорда покачнулась, готовая вот-вот упасть в обморок. Я подскочил к ней и схватил за плечи. Она дрожала.

Роуз подошла к двери и захлопнула ее.

Это было похоже на сон: громадный зверь ворвался к нам в дом. Медведь стоял на четырех лапах и ростом был с меня. Вода лилась с его шерсти на деревянный пол. Когда-то давно я уже видел подобное.

Я сразу догадался, что это был тот самый медведь, которого я видел в детстве, тот, который спас Роуз. Даже если у меня и оставались сомнения, то они рассеялись, как только я взглянул в его черные глаза. Это был тот самый медведь. Дурные предчувствия переполняли меня.

Он оглядел комнату, нас всех – одного за другим. Дольше всего смотрел на Роуз. Потом повернулся к отцу.

– Если вы отдадите мне свою младшую дочь... – Зловещий голос эхом пронесся по комнате. Он говорил медленно, останавливаясь после каждого слова, как будто ему было очень трудно, даже больно произносить слова. – Тогда та, которая умирает, поправится. А сами вы станете богатыми, будете жить в довольстве и покое.

Тишину в комнате нарушали лишь шум дождя снаружи да потрескивание дров в очаге. Медведь снова заговорил:

– Если вы отдадите мне свою младшую дочь, тогда та, которая умирает... – Он повторил свою речь, так же переводя дыхание после каждого слова.

Мама поднялась с табурета около кровати Зары.

– Вы могли бы вылечить мою дочь? – спросила она почти шепотом, а в глазах засветилась отчаянная надежда.

– Да, – прорычал голос.

– Как?

– Если вы отдадите мне свою младшую дочь, тогда та, которая умирает... – начал медведь в третий раз.

Но тут встал отец. Он как будто только что собрался с мыслями – как после удара.

– Хватит, – сказал он громко. – Ты не получишь Роуз. И никого другого.

Медведь повернулся к отцу, потом к Роуз.

– Не решайте так скоро, – проговорил он. – Я вернусь через семь дней. Тогда вы мне и ответите.

И пошел к двери. Я сам видел, как Роуз ее плотно закрыла, но дверь распахнулась сама собой, и медведь исчез в ночи.

Отец быстро подошел к двери и захлопнул ее.

Мы все изумленно молчали. Если бы не большая лужа посередине комнаты, где стоял медведь, думаю, никто из нас, кроме Роуз и мамы, вообще не поверил бы в то, что все происходило наяву.

– Арни, – сказала мама.

– Отец, – слышался голос Роуз.

Они заговорили одновременно, но отец покачал головой.

– Тут нечего обсуждать, – произнес он не терпящим возражений тоном. – Это колдовство, мы не будем в нем участвовать. Ни за какие обещания или богатства.

– Но, Арни, – сказала мама, – подумай о нашей Заре...

– Нет! – резко ответил он. Никогда раньше я не слышал, чтобы отец повышал голос на маму.

Мама побледнела:

– Но мы должны уважить его просьбу. Иначе на нас обрушатся еще большие неприятности.

– Ольда, мы не будем больше об этом говорить, – отчеканил отец. – Иди к Заре. Холодный воздух не пошел, ей на пользу.

Мама вернулась к Заре, но, несмотря на бешенство отца, в ее глазах все еще светился лучик надежды. Было ясно, что она так этого не оставит. Я сходил за платком для дрожащей

Зорды, потом повернулся к Роуз. Она сидела на стуле возле огня, я сел рядом и взял ее за руку. Та оказалась совсем холодная. Взгляд сестры испугал меня. В нем было волнение, смешанное со страхом и замешательством.

– Что все это значит, Недди?

Я покачал головой.

– Когда я была маленькой, мама рассказывала мне истории, в которых животные разговаривали. Я, конечно же, ей не верила, но теперь...

Я молчал.

– Ты видел, как переливалась его шерсть?

– Она была мокрая, – рассеянно ответил я.

– Белый медведь, – выдохнула она. – Как раз такой, с каким я мысленно дружила в детстве.

Я наклонился, чтобы помешать угли в очаге.

– А ты видел его глаза? Недди, как ты думаешь, это может быть тот же медведь, которого я повстречала на днях? Думаю, это он.

Я опять покачал головой, не желая по некоторым соображениям одобрять такую мысль.

Но тут подошел отец и прервал нас.

– Надо еще помыть посуду, а потом, наверное, лучше пойти спать.

Мы послушно встали. Отец взял Роуз за руку.

– Не позволю ни одному дикому животному забрать тебя, Роуз. Ты это знаешь. Я всегда буду тебя защищать.

– Но, папа, а как же Зара?

– Мы будем о ней заботиться. И она поправится.

Теперь Роуз покачала головой:

– По крайней мере, нужно...

– Нет, – решительно оборвал отец.

Позже, когда мы укладывались спать, Роуз прошептала:

– Почему белому медведю понадобилась именно я, Недди?

Я понятия не имел, хотя в глубине души чувствовал, что ответ скрывается в грустных глазах животного. Ему было что-то очень-очень нужно.

Роуз

В течение следующего дня я вздрагивала из-за малейшего шума и не могла ни на чем сосредоточиться.

Мы все были раздражены, взвинчены и вообще не похожи сами на себя.

Отец запретил даже упоминать про белого медведя и его просьбу. Я слышала, как они с мамой ссорились по ночам. Они старались говорить тихо, но однажды я невольно подслушала их разговор.

– Я не буду жертвовать одной дочерью ради другой, – сказал отец.

– Дело не в этом, – отвечала мама. – Если мы ничего не предпримем, Зара точно умрет.

– Почему ты так уверена, что этот белый медведь вылечит Зару?

Мама тихо ответила, я не разобрала слов. Потом папа прервал ее:

– Неужели ты действительно хочешь доверить жизнь Роуз дикому северному созданию за призрачное обещание чуда? Это сумасшествие. Если Роуз уйдет с белым медведем, мы больше никогда ее не увидим. Обменять ее жизнь на здоровье Зары – тут даже не о чем спорить!

Прошло несколько дней, Заре не стало ни хуже, ни лучше. Местный лекар сказал, что нам нужно продолжать поить ее травяными настоями. Мы готовились переехать к Торску на ферму, чтобы пожить там до тех пор, пока не получим известия от брата отца.

Я все время думала о белом медведе, ничто другое просто в голову не шло. И решила: несмотря ни на что, мне нужно принять его предложение.

Однажды днем я попыталась обсудить это с Недди, пока мы складывали наши скудные пожитки в дорожные сундуки.

– Я пойду с белым медведем, – выпалила я.

Недди с ужасом взглянул на меня.

– Не могу сидеть спокойно и смотреть, как Зара умирает. – Я заговорила быстро, чтобы убедить Недди. – Особенно теперь, когда знаю, что нужно сделать для ее спасения.

– Роуз, – умоляюще сказал Недди, – ты не должна об этом думать!

– Еще медведь сказал, что исчезнет нищета, в которой мы уже почти утонули. Только подумай, Недди, отец снова мог бы заняться картами. А ты поехал бы в Берген учиться – ты об этом всегда мечтал!

– Нет, – убежденно ответил Недди. – Если это животное и могло бы такое устроить, цена, которую ты должна заплатить, слишком высока.

Я молчала. Обсуждать это с Недди было бесполезно. Пришлось оставить все свои мысли и планы при себе.

Кроме этого, у меня был еще один повод уйти с белым медведем. Мне просто *хотелось* уйти с ним. Я понимала, что это безумие – отправиться в неизвестные земли с диким животным, которое, без сомнения, сожрет меня в конце путешествия. Я боялась умереть. Но все равно хотела уйти.

Я знала, что отец никогда не согласится.

Что касается мамы, меня очень смутило то, с какой легкостью она согласилась отдать меня белому медведю. Неужели она не любила меня? А если бы медведь попросил Оливи, так же охотно мама рассталась бы с ней?

На шестой день я рано вернулась от вдовы Озиг. Я вошла в дальнюю комнату и случайно услышала, как мама с папой громко разговаривают в гостиной. Я подумала, что они опять ссорятся, и чуть было не вошла к ним, но вдруг услышала, как папа сказал с тоской:

– Я не могу перестать думать о том, что за всем этим стоит ложь о рождении Роуз.

Ложь? У меня по спине побежали мурашки. Мама резко ответила:

– Никакой лжи. Она Ориана Роуз.

– Ольда, она не восточный ребенок. Мы оба это знаем.

– Она Ориана Роуз. – Мамины слова прозвучали медленно и твердо.

– Нет, – громко сказал отец. – Она – Ниам.

– Ниам? – Повисла пауза. – Она не Ниам, – холодно произнесла мама. – Я не думала, что ты веришь в родовое направление. Это же суеверие, ты всегда так говорил.

– Я и не верю. По крайней мере, не верил. Но когда я впервые взял ее на руки, посмотрел ей в глаза, то понял, что это Ниам. В глубине души я всегда звал ее Ниам.

Правда постепенно доходила до меня. Имя Ниам начиналось с буквы «Н» – норд. Я должна была заменить Оливи, но родилась на север. На компасе у меня было собственное место. Волнение поднималось у меня в груди. Потом к нему добавилась злость. Я покраснела и стала задыхаться.

Мама с папой обманывали меня все эти годы. Я резко повернулась и задела локтем миску, которая с грохотом свалилась на пол.

– Кто там? – крикнул отец.

Вдруг я поняла, что не хочу видеть их лица. Мне нужно было время подумать. Я вылетела из дому, на бегу застегивая плащ: стоял холодный осенний день.

Пока я бежала, вдобавок к злости во мне проснулось воодушевление. Я родилась на север. Это было ясно.

Неудивительно, что мама так старалась держать меня поближе к себе, чтобы превратить в точную копию Оливи.

Мы все хорошо знали, как мама относится к северным людям. Каждый раз, когда ей рассказывали о том, что кто-то плохо себя ведет или вредничает, она неизменно качала головой и с осуждением говорила:

– Он точно рожден на север, запомните мои слова.

Я знала, что роды начались внезапно в непогоду. Должно быть, мама придумала ту правду, с которой смогла жить. А отец с ней согласился. «Ложь о рождении Роуз... Ниам».

У меня было такое чувство, как будто я больше не знаю своих родителей. Или себя.

Потом я вспомнила про розу ветров, которую папа нарисовал для меня. Это тоже была ложь. Я сорвала плащ и расстелила его на земле.

Встала рядом с ним на колени. Да, вот солнце восходит. Но белое пятно, которое я всегда принимала за облако, было медведем. Теперь я точно разглядела. Белый медведь стоял, глядя на север. Папа не смог утаить правду. Она лежала передо мной. Правда и ложь – рядом.

Ниам. Он назвал меня Ниам, как только впервые взял на руки. Орианы не существовало. Мне никогда не нравилось имя Ориана, подумала я про себя. А Роуз тоже была ложью? Нет, Роуз была в центре розы ветров. Это имя вообще не относится к родовым направлениям.

И вдруг меня осенило.

Знал ли кто-нибудь еще об этом? Только мама и папа или?.. Недди знал?

Нужно обязательно выяснить.

Недди был у соседей, помогал чинить забор. Я подобрала плащ. Носить его мне больше не хотелось. Дрожа от волнения, я направилась на ферму Торска.

Недди

Смеркалось, когда мы закончили чинить забор. Я пожелал доброго вечера Торску и проводил его взглядом. Он был хорошим человеком. Интересно, что бы он подумал, расскажи я ему, как шесть дней назад белый медведь зашел к нам в большую комнату и попросил отдать ему Роуз в обмен на здоровье Зары и богатство для всей семьи. Я представлял недоуменное выражение лица Торска. А потом он улыбнулся бы и сказал:

– Одна из твоих сказочек, да, Нед?

Звучало и правда как сказка, которую рассказывают детям зимним вечером у камина. Похоже на историю про Локки⁹, превращенного в белого медведя, который требовал жизнь одной девушки в обмен на вечное счастье Мидгарда, мира людей. Такое на самом деле в обычной жизни не случается.

Я любил старинные волшебные истории, но в жизни мне не хотелось разговаривать с животными, которые приходят с таинственными просьбами в дождливые ночи. Такие приключения подходят для сказок, там и должны оставаться.

Шесть дней я пытался убедить себя, что все это мне приснилось. Что нам всем приснился одинаковый сон. Может, так оно и было.

Но я знал, что это не сон. На следующий день медведь должен был вернуться.

Мы с сестрой больше не разговаривали после того вечера, но я наблюдал за Роуз и подозревал, что она собирается уйти с медведем. Эта мысль наполняла меня невыносимой болью. Я поклялся себе, что не отпущу ее – не важно каким способом.

Когда я подходил к нашей ферме, то вдруг с удивлением увидел, что Роуз направляется ко мне. Было холодно, но она несла плащ в руке. Я забеспокоился. Когда она подошла ближе, я заметил, что она очень бледна, а в глазах какое-то странное выражение. Сначала я подумал, что она плакала, но следов от слез не было видно.

– Роуз, что такое? Что случилось? – Я испугался, что Заре стало хуже.

Роуз посмотрела на меня, как будто пытаюсь прочесть что-то в моем взгляде.

Потом вдруг взяла плащ, встряхнула его и расстелила на земле.

– Роуз?

Она ничего не говорила.

– Ты дрожишь. Почему ты не надеваешь плащ?

– Ты знал? – Голос ее звучал серьезнее, чем обычно.

– Знал – что?

– Про обман? «Ложь о рождении Роуз»! Вот она, здесь. – Сестра ткнула пальцем в рисунок на плаще.

Я с изумлением посмотрел на нее.

– Ложь, Недди. Я родилась вместо восточной Оливи. Но на самом деле я Ниам! – Она с вызовом произнесла имя.

⁹ *Лаки* – бог хитрости и предательства. Он никогда не выполнял своих обещаний, всем вредил, поэтому его называли «позорищем богов и людей». Он мог превращаться в кого угодно: и в женщину, и в лосося, и в лошадь.

Я все еще не мог понять, хотя во мне зашевелились подозрения.

– Я родилась на север, а не на восток, Недди. Я настоящая северная девушка.

Роуз встала на колени и указала на белое облако к северу от розы ветров на своем плаще.

– Белый медведь, – сказала она.

Вот так она и узнала правду, о которой я уже давно догадывался.

Она прочитала это у меня на лице.

– Ты знал, не так ли, Недди?!

Я молчал несколько секунд, потом кивнул. Глаза Роуз наполнились слезами, но она со злостью смахнула их.

– Мне никто не говорил, – поспешил добавить я. – Я догадывался.

– Почему ты молчал?

– Потому что... Это была только догадка, и я... – Как я мог объяснить, что, так же как и мама, не хотел, чтобы Роуз оказалась северной, если это означало, что она всегда будет уходить.

Вдруг, к моему ужасу, Роуз схватила плащ и принялась яростно рвать его на части.

– Север, запад, юг, восток, – приговаривала она. – Это вам и мне урок! – Она кинула мне обрывки плаща и пошла прочь.

Я подобрал их и пошел за ней.

– Розы! Пожалуйста, подожди.

Она остановилась. Я положил руку ей на плечо:

– Прости. Я надеялся, что ошибаюсь. Не верил, что мама с папой могут обманывать нас.

Она повернулась, и я обнял ее. Роуз так сильно колотило, что мне пришлось снять свое пальто и закутать ее.

– Все хорошо, – прошептал я.

Постепенно она успокоилась. Потом подняла глаза на меня и сказала:

– Я пойду с белым медведем, Недди.

– Нет, – резко сказал я. – Ты не можешь.

– Я так решила. Возможно, это и есть моя судьба.

Она показала на верхний кусок плаща, который я нес в руке. Это было изображение белого медведя.

– Ты не должна уходить... Отец не позволит, – запинаясь проговорил я.

– Ему меня не удержать.

– Роуз, пожалуйста, не говори так, как будто это уже окончательное решение. Может, утром Заре станет лучше.

Роуз помолчала, потом покачала головой:

– Я подумаю. Но за это ты должен пообещать мне, Недди, не говорить отцу о том, что я знаю правду. Тем более о том, что я собираюсь уйти с белым медведем.

Уцепившись за эту крохотную надежду, я согласился.

Мы вернулись домой к ужину. Никто не заметил, что на Роуз мое пальто, а у меня в руках обрывки ее плаща. Я молча протянул Роуз материю, но она покачала головой, отдала мне мое пальто и пошла на кухню. Я не знал, как поступить с плащом, и просто распихал куски ткани по карманам.

В тот вечер папа впервые заговорил о белом медведе:

– Завтра мы будем вести себя так, как обычно. Но вечером я останусь здесь один, чтобы дать ответ медведю. А вы все пойдете к Торску. Мы придумаем, что ему сказать. Например, что мне нужно кое-что починить, а шум мешает Заре. Будете ждать, когда я за вами приду.

Раздалось сразу несколько голосов, не согласных с таким планом. Мама была твердо убеждена, что им с Роуз нужно быть дома, когда явится медведь. Мы с Виллемом тоже настаивали на нашем присутствии – на тот случай, если животное решит напасть.

Затем заговорила Роуз, тихо и твердо:

– Я должна остаться с тобой, отец.

– Нет, – так же твердо ответил он. – Я не позволю.

– Медведь может потребовать ответ от меня.

– Она права, Арни, – вставила слово мама.

– Нет.

Роуз перевела дух, на щеках выступили пятна.

– Если меня здесь не будет, – сказала она спокойно, – медведь вполне может пойти к Торску, и тогда все подвергнется опасности.

Отец покачал головой, но я заметил сомнение в его глазах. В комнате повисла тишина. Потом он сказал:

– Хорошо, ты останешься.

– Позволь и мне остаться, отец, – попросил я. Отец резко кивнул. Наверное, тоже боялся, что Роуз поступит по-своему, и хотел, чтобы нас было двое – на всякий случай.

– Вам нужно вооружиться, – сказал Биллем.

Отец согласился.

– Хотя я не верю, что медведь может причинить нам зло. И вряд ли он уведет Роуз силой. Если бы хотел, то сделал бы это еще в прошлый раз.

Я пристально смотрел на Роуз, особенно когда она говорила отцу, что должна остаться, чтобы дать медведю свой ответ. Роуз никогда никого не обманывала. Тем более отца. Это пробудило во мне надежду, что она передумала и не пойдет с медведем. Но потом я вспомнил, что отец обманул Роуз и что она на него злится. Теперь я ничего не мог сказать наверняка.

Отец

Когда в древности составителям карт приходилось рисовать неизвестные земли – такие, до которых не добраться, – то они чаще всего придумывали эти земли сами. Они описывали земли, населенные ужасными людоедами, отмечали на огромных морских пространствах воображаемые острова. Мастер Осбьёрн считал, что этот метод устарел и недопустим. Он твердо верил, что, если истина неизвестна, бумага должна остаться пустой.

Я действовал как в древности. Когда мне попадалось нечто неведомое, например говорящее животное у меня в доме, я расценивал это как зло. И когда моя жена заговорила о том, чтобы уступить просьбе злобного существа, я увидел зло в ней самой. Сознательно жертвовать одной дочерью ради другой было отвратительно. Первый раз за всю нашу супружескую жизнь я стал сомневаться в моей Ольде.

Мы прикатили от Торска маленькую тележку, чтобы перевезти Зару. Соседу сказали, что нужно починить дымоход до приезда владельца фермы. Будет много грязи, поэтому лучше, чтобы хоть часть семьи поскорее переехала к Торску. Он не возражал, и мы погрузили Зару на тележку. К счастью, день выдался ясный, и поездка не сильно ей повредила.

Мы с Роуз и Недди молча вернулись на ферму. Ольда оставила нам горшок супа на плите и маленькую буханку серого хлеба. Роуз неторопливо постелила скатерть – собственного изготовления, а Недди накрыл на стол.

Мы скромно поужинали в тишине. Время шло.

После еды мы помыли и убрали посуду; Роуз уселась шить, а Недди взял книжку. Я бесцельно пошевелил угли в очаге, потом сел просмотреть бумаги, хотя мысли мои витали где-то далеко.

Было уже поздно. В прошлый раз, подумалось мне, белый медведь пришел раньше. Во мне затеплилась надежда, что он вообще не придет. Может, какой-нибудь охотник подстрелил его. Или зверь передумал. Но только я открыл рот, чтобы поделиться своими мыслями, как за дверью послышался шум.

На этот раз никто не открывал дверь. Она сама распахнулась. На пороге в ярком лунном свете стояла Ольга.

Я шумно выдохнул, затем подошел к ней.

– Что ты здесь делаешь? – Мой голос дрогнул. – Зара?..

Она посмотрела на меня и отрицательно качнула головой. Потом подошла к Роуз.

– Дочь, – сказала она. – Я не хочу тебя терять. Я всегда старалась сделать так, чтобы ты была рядом. Но ты должна пойти с белым медведем.

– Ольга! – крикнул я.

– Ты используешь все свои способности восточного ребенка. Мы не потеряем тебя, по

крайней мере навсегда. Я знаю. – Пока она говорила, она держала Роуз за руку.

Роуз побледнела. Встала. Потом спокойно вынула свою руку из руки Ольды и отошла.

– Восточного? – прошептала Роуз. – Восточного... – сказала она громче и покачала головой. – Нет, мама, не восточного. *Северного!* – Последнее слово заполнило всю комнату.

И тут на пороге показался белый медведь. Не успели мы шевельнуться, как Роуз подошла к нему. Она открыла деревянный сундук, который стоял около двери, и вытащила из него небольшой вещевой мешок. Должно быть, она припрятала его там заранее.

– Я пойду с тобой, – сказала Роуз медведю.

Я с изумлением увидел, как он взмахнул огромной лапой и Роуз тут же оказалась на его спине, как будто он был громадной лошадейю.

Белый медведь повернулся и исчез за дверью.

Недди вскрикнул и побежал за ними, схватив по пути пальто.

Я тоже бросился за ними, но Ольда встала у меня на пути.

– Она должна уйти. Это ее направление. Ее выбор.

Я взглянул на Ольду. Потом перевел взгляд на пустой дверной проем. Я потерял самое дорогое. То, что ничем не заменить.

Недди

Я увидел впереди белый силуэт.

– Роуз, – крикнул я. – Подожди, Роуз...

Я бежал и кричал, пока не заболело горло. Мне удавалось держать медведя в поле зрения, и, должно быть, они пошли помедленнее, потому что я начал догонять их.

Потом я увидел, что медведь и вовсе остановился.

Луна ярко светила – я четко их видел. Роуз в синем платье сидела верхом, вцепившись в медвежью шкуру. Казалось, она хочет спуститься и не может. Это не с лошади спрыгнуть. Вдруг медведь лег передними лапами на землю, и Роуз неуклюже соскользнула с его спины. Потом направилась ко мне, время от времени оглядываясь назад.

– Я сделала выбор, Недди. Это правильное решение. Мне хотелось схватить ее и унести домой, но я только удрученно кивнул.

– Вот. – Я протянул ей обрывки плаща. – Они сколоты булавками. Потом сможешь сшить их снова. Там, куда ты отправляешься, может быть холодно.

Она взяла разорванный плащ и положила в рюкзак.

– Спасибо, Недди.

– И еще. – Я быстро рассказал о том, как белый медведь спас ее, когда она была совсем маленькой. – Если это тот самый медведь, – закончил я сбивчиво, – то, уж конечно, он не даст тебе погибнуть.

Думаю, этими словами я пытался убедить скорее себя, чем Роуз.

А она улыбнулась и крепко меня обняла. Затем повернулась и пошла к медведю.

Я смотрел, как он опять сажает ее к себе на спину. И они ушли.

Книга вторая ЮГ

Они долго-долго шли, и белый медведь спросил:

– Ты боишься?

– Нет, – ответила она. – Я не боюсь.

Королева троллей

Скоро. Уже скоро. Все произойдет, как я и хотела с самого начала.

– Хочешь поиграть? – спросил он. Мальчик с нежным, как свежий снег, голосом.

С этими словами пришло желание! И все изменилось. Бесповоротно.

Тогда я была принцессой; Книга, которую мне дал отец, была новая. Ее подарили мне в канун первого путешествия в Зеленые Земли, чтобы я начала записывать историю моего правления.

Сегодня я отправляюсь в Зеленые Земли. Даже не верится! С самого детства Урда, моя старая нянька, рассказывала мне истории про мягкокожий народ. Теперь наконец я сама их увижу.

Когда старший ребенок короля достигает возраста познания, по традиции его или ее берут посмотреть Зеленые Земли, которые простираются за пределами Ульдра. Отец говорит, что это странный мир. Что он существует большей частью для того, чтобы мы им пользовались: там мы берем рабов, еду и сырье для одежды.

Он говорит, что они очень необычные, эти мягкокожие. Совсем не такие, как мы. Они медлительные и некрасивые. Их век короток. У них нет таких искусств, как у нас. У них мало драгоценностей, и живут они почти все, кроме королей и королевских семей, в мрачных лачугах. Очень странно, на самом деле.

Урда рассказывала мне больше – про их удивительные вещи. Например, про то, что называется музыка. И про разных животных. И про благоухающие яркие пятна, которые растут из земли и называются цветы. А еда у них мягкая, необычная и с разными вкусами. Отец считает, что она отвратительная, говорит, что меня затошнило бы от нее, но все равно мне очень интересно.

Путешествие было долгим, но в санях было удобно, да и горячий сланк не переводился. Потом стало так тепло, что нам даже пришлось снимать меха. Как только мягкокожие выдерживают такую удручающую жару? Мне от нее плохо, я становлюсь раздражительной.

Мы пробудем в Зеленых Землях неделю. Остановимся в Каменном дворце. Отец говорит, что он не идет ни в какое сравнение с Ледяным дворцом в Ульдре. Каменный дворец редко используют – только когда нужно набрать новых слуг. А от взгляда мягкокожих он скрыт.

Мягкокожие живут не так долго, как мы, поэтому нужно постоянно пополнять их запас. Вот мы и ездим сюда каждые двадцать-тридцать лет. Отец говорит, что лучше брать одиноких и холостяков, а не детей, потому что возникает меньше шума из-за их пропажи. Сами они нас найти не смогли бы. Слишком далекое и трудное путешествие для мягкокожего. К тому же у нас слишком холодно для них, без сланка они умирают через два-три часа. Если они очень хорошо одеты, могут протянуть день.

Отец говорит, что среди них встречаются те, кого называют исследователи. Им удавалось приблизиться к нашим землям. Мы забирали одного-двоих из них, и они особенно хорошо служили, потому что выносливые и сильные.

Благодаря своим способностям мы легко передвигаемся среди них, а они даже не подозревают о нашем присутствии.

Завтра Урда поведет меня смотреть на мягкокожих. Жду не дождусь!

Не могу уснуть. Случилось потрясающее. Я встретила живого мягкокожего! Мальчика. Я потрогала его кожу – она такая мягкая, как рассказывают, даже мягче. А его голос... похож на... я даже не знаю. Словно пение существ, которых называют птицами, – мы слышали их, когда ходили на юг. Нет, еще более необычный и более красивый.

В Ульдре я видела слуг только издали. Они выполняют самую грязную работу на кухне и в конюшне. В королевские покои являются слуги-тролли. Живущие в Ульдре мягкокожие становятся скучными и серыми. Поэтому я не знала, какие они на самом деле. Урда говорила, что они уродливы, а голоса их звучат отвратительно. Но она ошибалась.

Урда заснула. Она старая, поэтому все время хочет спать, к тому же на привале она вытирала слишком много сланка. И вот я отправилась побродить одна. Я прошла по траве, зеленой и мягкой. От сладких запахов у меня чуть не закружилась голова. А ощущение, когда легкий ветерок касается кожи, так не похоже на ощущение от постоянного сильного ветра в Ульдре.

Потом я увидела, что неподалеку играют дети, и подумала, что могла бы использовать свои способности и незаметно подойти к ним. Но тут игра закончилась, и они ушли.

Но один мальчик вернулся.

–Хочешь поиграть? – спросил он, сжимая в руке круглый красный предмет.

Я поняла его слова, но не смогла сдвинуться с места. Интересно, что это со мной случилось? Потом круглый предмет полетел в меня, и я отшатнулась.

Его рот искривился, показались зубы, и он подбежал, чтобы забрать предмет.

–Это мяч. Я тебя научу, как его ловить.

От его слов и изогнутого рта у меня внутри появилось странное ощущение – тепло и мягко, как будто залпом выпила сланк на голодный желудок.

–Покажи мне, – проговорила я на его языке.

Он удивленно взглянул на меня.

–Ты заболела? У тебя такой странный голос... – начал он, но остановился.

Больше я ничего не говорила, зато поняла, как бросать и ловить то, что он называл мячом.

–Надеюсь, ты не подумала, что я тебя дразню, – сказал он.

Я не поняла последнего слова, но он продолжал:

– У тебя хороший голос.

Я не произнесла ни слова, и мы продолжили бросать мяч.

Потом я услышала чей-то голос, а он сказал, что ему пора идти, что слуги ищут его и что, может быть, мы поиграем когда-нибудь еще.

Я смотрела, как он сбегает с горки и бежит к большому зданию. Он двигался легко и изящно.

Когда я вернулась, меня уже разыскивала все еще сонная Урда. Я сказала, что ходила прогуляться. Но про мальчика решила не говорить. На следующий день я попрошу ее привести меня сюда снова. И прослежу, чтобы она выпила еще больше.

Роуз

Белый медведь шел прямо на юг от фермы, держась подальше от тех мест, где живут люди.

Стояла ясная морозная ночь, звезды сияли на черном небе. Мне всегда нравилось смотреть на звезды. Но в ту ночь я даже не заметила, есть ли оно, это небо, вообще.

Ехать верхом на медведе – совсем не то, что ехать верхом на лошади. Медведь намного крупнее, даже не обхватить спину ногами, как на лошади. Сначала я вообще не шевелилась – сидела как прибитая, согнувшись и поджав под себя ноги. Как только он начал двигаться, я инстинктивно схватилась за шерсть у него на загривке, чтобы не упасть.

Но через несколько часов мои мышцы затекли и ноги одеревенели. Поэтому я набралась храбрости и начала ворочаться, пытаюсь найти положение поудобнее. В конце концов я подогнула одну ногу под себя, а другую свесила. Держаться ногами не было необходимости. Несмотря на приличную скорость, движения медведя были на удивление плавными, а спина настолько широка, что достаточно было крепко держаться за толстую шкуру, чтобы не упасть.

Мех медведя удивил меня. Он был мягкий, словно кроличий, но гуще и длиннее. Когда я погрузила в него руки, окоченевшие от холода, мех скрыл их до локтей.

Он был таким теплым! Пальцы тут же согрелись. Ноги, погруженные в него, тоже не мерзли.

Но верхняя часть туловища продрогла, и я накинула плащ. Вспомнила о том, что Недди не поленился и сколол куски материи, и из глаз полились слезы. Лучше не думать о Недди.

Вместо этого я стала думать о звере, на спине которого ехала. Я вспомнила, как выдумала себе товарища для путешествий в детстве. Как часто я представляла себя едущей верхом на замечательном белоснежном медведе!

Он двигался намного быстрее, чем можно было ожидать от такого огромного животного, и к рассвету мы ушли очень далеко – в местность, которую я никогда раньше не видела. Кругом был глухой лес: елей и сосен становилось все меньше, стеной стояли лиственные. Мы по-прежнему шли на юг.

Путешествие длилось семь дней.

На это время я впала в какое-то странное состояние – может, действовало заклинание или

чары. За все семь дней я не поела, не попила, не поспала. Самое странное, что я не чувствовала ничего, кроме сильного волнения. Мне все казалось интересным, я все запоминала: живую зелень неизвестных растений, далекие песни необычных птиц и даже приближающийся запах моря.

Когда медведь наконец остановился, я даже удивилась; соскользнула со спины и приземлилась на песок. Затаив дыхание, я села и огляделась. Мы остановились на берегу – волны плескались чуть ли не в двадцати футах от нас. Светало: с востока едва показались первые лучи солнца. Судя по тому, что мы шли на юг, это, видимо, было южное побережье Северного моря. Мне стало жутко интересно. Мой дедушка плавал по этому морю, а до него – прадедушка. Я уже давно обещала себе, что когда-нибудь доберусь до Северного моря, хотя, конечно, и не предполагала, что все произойдет таким образом.

Краем глаза я заметила, что медведь вертит в лапах что-то маленькое и темное. Потом он развернул предмет лапой. Тот стал растягиваться и расти.

Я зачарованно наблюдала за ним, а медведь подошел ко мне. Не успела я сообразить, что происходит, как оказалась упакованной с головы до пят во что-то мягкое и гибкое. Оно было коричневое, пахло рыбой и мускусом, и я решила, что это тюленья кожа. Потом медведь натянул ее мне на голову, и я почувствовала, как меня легонько похлопывают по бокам, словно я маленькое дитя и мама подтыкает одеяло со всех сторон, чтобы было тепло и уютно. Вдруг что-то надавило мне на шею и плечи. Меня подняли, и мы пошли дальше. Свет и звуки изменились, стали глуше.

Даже ничего не видя, я поняла, что мы под водой.

Сначала меня охватила паника, я испугалась, что не смогу дышать. Но скоро обнаружила, что дышу как обычно и сосредоточилась на ощущении подводного путешествия, стала думать о том, что меня, запеленатую в тюленью шкуру, несет большой медведь, видимо осторожно схватив зубами.

Мы пробыли в море недолго. Плавал медведь еще быстрее, чем двигался по суше. Странная печаль охватила меня, когда я почувствовала, что мы вышли из воды и я лежу на берегу. Медведь быстро вытащил меня из кокона, и вот я уже снова сидела у него на спине. Мы шли по совершенно незнакомой земле.

Только однажды он заговорил. Это случилось вскоре после того, как мы вышли из моря. Мы пробирались через каменистую, покрытую буйной растительностью долину, в которой было множество стремительных ручейков со скользкими камешками.

– Тебе страшно? – донеслись слова глубоко из груди зверя.

– Нет, – ответила я.

Это была правда. Я внимательно все осматривала, прислушивалась, впитывала все ощущения: от дуновения ветерка и мерного колебания подводного мира до разнообразных цветочных запахов в воздухе южного края. Я была так этим увлечена, что даже и не думала о том, куда мы направляемся и что там должно произойти.

Но потом, на шестую или седьмую ночь, я вдруг об этом задумалась. Должно быть, почувствовала, что путешествие скоро закончится.

Когда мы уходили с фермы, луна убывала. Сейчас она еще ярко светила, поэтому все вокруг было хорошо видно. Местами встречались горы – маленькие и зеленые, не высокие и зубчатые, как в Норвегии. Сосен вообще не было. Вокруг буйно росли лиственные деревья, некоторые ярко цвели. И запахи носились в воздухе совсем другие: густой и сильный запах земли, цветов и зрелых фруктов.

Вдруг я почувствовала сильный голод, захотелось пить. Интересно, медведь тоже был голоден? Мне пришло на ум, что он, должно быть, собирался съесть *меня* в конце путешествия. Я задрожала, хотя было тепло.

Мы шли вдоль подножия небольшой горы, пробираясь через густой лес, заросший какими-то кустами с острыми колючками, которых раньше я не встречала. Я не видела никакой тропинки, но медведь шагал очень уверенно. Мне казалось, что он ходил здесь много раз.

Внезапно он остановился – через семь дней и ночей постоянного движения. У меня даже голова закружилась. В ушах стоял звон, в желудке урчало, а горло пересохло.

Медведь опустил на передние лапы, как тогда, когда я прощалась с Недди, и я поняла,

что он хочет, чтобы я спустилась. Это оказалось труднее, чем в прошлый раз: после семи дней и ночей без еды, питья и сна я очень ослабла и просто съехала на землю.

Медведь отступил на шаг и глухо зарычал – я разобрала даже несколько слов, но не смогла понять, чего он хочет. Но тут раздался легкий свист, и часть горы внезапно развернулась, как будто это была огромная дверь. Вход в гору оказался открыт, внутри мерцал приглушенный свет.

– Иди, – сказал медведь.

Я осторожно поднялась на ноги, поколебалась мгновение и побрела вперед, не отрывая взгляда от теплого света.

Медведь впустил меня и зашел следом. Если бы я не была столь озабочена тем, чтобы идти самостоятельно и при этом держать равновесие, то, наверное, испугалась бы. Но, перешагнув порог, я тут же вдохнула чудесный аромат, какой мог исходить только от большого горшка с сочным мясом с овощами, кипящими на медленном огне. Я сглотнула слюну, охнула и напрочь забыла про все страхи.

– Сюда, – сказал медведь, и я пошла за ним. Нюх подсказывал мне, что зверь ведет меня к источнику запаха.

Мы прошли по длинному коридору мимо нескольких комнат. У меня осталось поверхностное впечатление от коричневого и золотого, оленьих рогов на стенах и меховых ковров на полу. Это напомнило мне рассказы о хоромах богатых охотников.

Наконец мы пришли в комнату с большим камином и длинным столом, на котором стояли различные по форме и размеру блюда, накрытые салфетками. А в камине над огнем висел большой черный горшок, из которого и доносились такие вкусные запахи.

Я остановилась и вдруг услышала голос медведя.

– Угощайся, – сказал он и вышел из комнаты.

Я взяла миску, подошла к камину и налила в нее похлебку. Опустилась на пол около камина и отправила ложку сочного мяса с овощами в рот.

Когда миска опустела, я наполнила ее снова, нетвердой походкой подошла к столу и упала на стул.

Вторую миску я опустошила с помощью большого ломтя мягчайшего хлеба, который я нашла в корзине под салфеткой. Потом заглянула под другие накрахмаленные белоснежные салфетки и обнаружила печеные яблоки в тесте, клубнику, жирные, густые сливки и разные вкусные пирожные. Все было такое заманчивое, но внезапно я почувствовала усталость, глаза стали слипаться сами собой. Я съела несколько маленьких кусочков пирога с ежевикой и выпила полчашки свежего холодного молока. Рядом с камином стоял диван, обитый темно-красным бархатом. Я села на него и поняла, что не в силах даже пошевелиться. Я подумала о белом медведе. Интересно, где он сейчас? Потом я уснула.

Королева троллей

Хотя я была совсем юная, когда писала в своей Книге о Зеленых Землях и о мягкокожем мальчике, я уже знала, что мне придется делать.

Я очень сердита на отца. Мы уезжаем завтра, а он не позволяет мне взять мальчика с собой. Говорит, что мы не можем брать детей. Особенно этого – из-за его положения, – по словам отца, он так же важен для людей из Зеленых Земель, как я для жителей Ульдра.

Отец – король, его нужно слушаться. Сейчас. Но мои способности развиваются, и скоро я буду поступать так, как нужно мне. Я вернусь в эти края и найду мальчика. И тогда он станет моим.

Белый медведь

Пришли.

Так долго длилось ожидание.

Ее карие глаза.

Разорванный плащ.

Кожа бледная, чистая, как лед.
Устала, но не боится.
Нужно помнить.
Условия, правила.
Так давно.
Играли.
Мячик.
Голос, как камни.
Потом...
Тело расколосось, вытянулось.
Боль. И...
Все изменилось за одну секунду.
Потерял.
Но теперь...
Надежда.

Поуз

Когда я проснулась, голова моя была словно свинцом налита. Но я прекрасно помнила, где нахожусь. Дома у нас даже летом по утрам было холодно. А матрас, на котором мы спали с сестрой, не был таким пухлым и мягким.

Я села, потянулась и увидела, что стол прибран. На нем стояли только корзинка, накрытая салфеткой, горшочек с маслом и большой белый чайник. От чайника поднимался пар. В желудке у меня заурчало: я опять была голодна.

Я встала и подошла к столу. Подняла белую салфетку, вдохнула запах корицы и горячего хлеба. Отломив кусочек, намазала его маслом и с наслаждением отправила в рот. Потом выпила чашку ароматного чаю, необычного, фруктового, – я такого никогда не пробовала.

Проглотив хлеб с маслом, я стала гадать, откуда взялась еда. Где находилась кухня с суевающейся прислугой? Или это было колдовством?

Насытившись, я встала из-за стола и пошла осматривать комнаты.

Вспомнила про белого медведя и поежилась, испугавшись, что он может идти за мной. Но никаких следов его не обнаружила.

Я начала с коридора со сводчатым потолком. Стены его были из отполированного камня, на них через равные расстояния висели канделябры с масляными лампами, а рядом с ними – большие картины и гобелены. Гобелены сразу привлекли мое внимание. Они были выполнены в ярких красных и синих тонах и изображали лордов и леди в старинных одеяниях. Это была очень изящная работа.

Я подошла к открытой двери и вошла. Это была комната для рисования. На стенах также висели картины. На полу лежал широкий зеленый ковер, стояла мягкая мебель. Как и в коридоре, свет шел от масляных ламп, расставленных на столе и висящих на стенах. Я взяла одну лампу на случай, если забреду в какое-нибудь не слишком освещенное место. И пошла дальше.

В следующей комнате обнаружилось множество книжных полок. Библиотека, подумала я. Но ошиблась. Оказалось, что во многих комнатах имеются книги. В конце концов я пришла в ту, которую точно можно было назвать библиотекой. Никаких гобеленов – каждый дюйм стены занят полками от пола до потолка. Я перевела дух. В Норвегии, насколько я знаю, только в монастырях можно найти так много книг. *Если бы Недди мог это увидеть*, подумала я и тут же отогнала прочь эту мысль. Не буду больше думать о Недди.

Кроме книг в тех комнатах, куда я заходила, были музыкальные инструменты. Тот, кто обставлял эти комнаты, несомненно, очень любил музыку.

Потом я нашла комнату, которая полностью была посвящена музыке, как библиотека – книгам. Завораживающее зрелище: в центре стоял большой рояль, украшенный резьбой. В огромном шкафу собралась удивительная коллекция свирелей и флейт, которые, видимо, прибыли сюда со всего мира. Там была лакированная флейта из бамбука в виде дракона – явно

с Востока, были дудки из слоновой кости, тростника, мыльного камня; некоторые с изящной резьбой. Но среди всех явно выделялась одна – она лежала в красивой коробке, обтянутой синим бархатом. Достаточно простая, классическая, но очень красивая.

Повсюду лежали стопки нот, перевязанные лентами, а вдоль стен расставлены стулья, которые при случае можно было сдвинуть в ряды и на которых можно было рассадить слушателей. Я закрыла глаза и живо представила хорошо одетых леди и джентльменов, занимающих здесь свои места воскресным днем и с восторгом аплодирующих музыкантам. Мне очень понравилась эта комната, хотя стало немного грустно, наверное, из-за того, что никого в ней не было.

Я ходила из одной комнаты в другую. Сначала я их считала, но потом сбилась. Здесь было столько всего, и я решила, что нахожусь в огромном замке.

Вероятно, его выстроили прямо в скале, хотя сложно такое представить. Но я уже привыкла к необычному. Я не нашла ни окон, ни дверей, ведущих наружу, кроме той, через которую мы вошли. Многие комнаты выглядели так, словно ими давно не пользовались, но не из-за пыли или грязи (на самом деле все блестело), а из-за общего настроения пустоты и одиночества.

Во время этой прогулки я вообще забыла про медведя.

В моей голове начал складываться образ того, кто жил здесь. Это похоже на игру, когда вы по кусочкам должны собрать единый портрет кого-либо, в данном случае – мужчины, живущего здесь. Не чувствовалось женской руки в этом месте.

Он любил музыку. И книги. Я снова вспомнила библиотеку. *Недди*.

Внезапно меня охватила тоска по дому. Я настолько увлеклась путешествием, а потом исследованием замка, что едва ли вспоминала о семье. Но вот я здесь, за тысячи миль от тех, кого люблю больше всего на свете, в странном пустом замке, и где-то рядом находится огромный белый медведь.

Меня прошиб озноб, и я покрепче закуталась в разорванный плащ. *Ох, Недди!..*

Я не плакса, но слезы сами брызнули из глаз. Не знаю, сколько я там просидела, вытирая их плащом и чувствуя себя жалкой и несчастной.

Но в конце концов голод дал о себе знать, и я поднялась и пошла дальше. Со времени завтрака прошло немало часов. Я не знала, как вернуться в ту комнату, где я ела, поэтому пошла вперед по коридору, не обращая внимания на комнаты по сторонам. Я хотела найти лестницу, чтобы вернуться на тот этаж, с которого я начинала осмотр.

Вскоре я заметила лестничный пролет и направилась к нему, как вдруг мельком увидела нечто: дверь была приоткрыта, и внутри горели лампы. Я вошла в комнату и, потрясенная, встала на пороге.

Станок. Это был самый красивый станок из всех, какие я видела в жизни, какие могла себе представить. Он был сделан из дорогого дерева, отполированного до блеска; перекадины, как и валки, украшала замысловатая резьба. На раму были натянуты нити основы зеленого, как ранняя травка весной, и фиолетового цветов – изумительная шерсть.

Я благоговейно коснулась нитей пальцами. Как во сне опустилась на маленький табурет перед станком: он как будто ждал меня. Мне казалось, что я сплю и вижу себя со стороны. Я взяла челнок и трепало и принялась ткать. Хотя я работала на этом станке впервые, – ход челнока был непривычен, как и натяжение нитей, – я почти сразу поняла его. И тут же погрузилась в мир цвета, ткани и тех движений, которые я так любила. Даже чувствовала, как трава ласкает мои голые ноги, а вокруг витает запах фиолетовых ирисов.

Этот станок отличался от станков вдовы Озиг, как чистокровная верховая отличается от старой рабочей клячи. И ткать на нем было приятнее – с такой разницей, какая бывает между работой по обязанности и работой по призванию.

Я даже не заметила, сколько времени просидела за станком.

Без окон во внешний мир я не могла следить за временем. Может, я ткала целый день или еще дольше. Очнулась я только тогда, когда чувство голода стало нестерпимым. Но голова была ясная, хотя немного звенело в ушах. Я не могла остановиться. Пальцы продолжали двигаться, а я осмотрела комнату.

Здесь стоял не один станок, а несколько – маленькие ручные станки, вертикальный станок

– для гобеленов, я таких никогда не видела, только слышала, как вдова Озиг про них рассказывала. Кроме того, было еще несколько прялок (которые я обязательно рассмотрела бы во всех деталях, если бы не устала так сильно). На стенах висели полки, забитые всякими мелочами, какие могут понадобиться тому, кто придумывает и шьет одежду.

Целая полка была отведена под нитки – самых разнообразных цветов и оттенков. Нашлись среди них даже катушки с шелковыми нитями блестящего золотого, серебряного и бронзового цветов. Внизу стояли корзины с чесаной шерстью, с пряденой шерстью и шерстью, готовой для вязания. На другой полке стояли бутылки с жидкой краской для тканей. На отдельной полочке были разложены острые ножницы, иголки для шитья и спицы для вязания, различной длины и толщины. Я онемела от удивления.

Но в конце концов решила, что нужно что-нибудь съесть, пока я не умерла с голоду. Я снова вышла в коридор и пошла к лестнице. Голова кружилась, и от одного взгляда на винтовую лестницу у меня зазвенело в ушах и подкосились ноги. Но я все равно начала спускаться. К концу пролета я уже съезжала сидя, как маленький ребенок.

Внизу мне удалось поставить себя вертикально. Я стала приноживаться в надежде учуять запах тушеного мяса, но ничем не пахло. Я заволновалась, что ушла слишком далеко от той комнаты, где завтракала. Или, что еще хуже, еды нет и не будет.

В конце коридора я свернула за угол, а там стоял белый медведь. Теперь он казался еще белее и больше, чем я его помнила. Я вскрикнула и сползла на пол. Чуть было не потеряла сознание, но несколько раз глубоко вздохнула, и слабость прошла.

Медведь смотрел на меня печальными черными глазами. А потом сказал своим глухим, глубоким голосом:

– Еда там. Пойдем.

Я встала и, покачиваясь, пошла за ним.

– Возьмись... за мою... шерсть.

– Спасибо, – слабым голосом проговорила я. Голод пересиливал страх. Я подошла и схватилась руками за шкуру медведя.

Он снова двинулся в путь и привел меня в ту самую комнату, где я завтракала. Я спотыкалась, но не падала, потому что держалась за его шерсть. Медведь не возражал.

На огне уже стоял горшок с супом из чечевицы с грудинкой. Белый медведь остановился в дверях, посмотрел на меня, повернулся и исчез.

Я ела и размышляла – о станке, о вкусной еде, которая появлялась ниоткуда, и больше всего о медведе.

Королева троллей

Прежде чем забрать мягкокожего мальчика, я возвращалась в Зеленые Земли несколько раз. Я ездила туда на собственных санях и брала с собой только Урду. Больше я не заговаривала с мальчиком, только смотрела на него и изучала его жизнь. В своей Книге я записала:

Кажется, эти мягкокожие постоянно умирают; их жизни укорачиваются из-за огромного количества болезней и несчастных случаев. Мальчик, за которым я наблюдаю, – пятый ребенок в семье, двое из его старших братьев уже умерли. Ничего удивительного не произойдет, если он тоже канет в вечность.

Все было просто. Я выбрала самого некрасивого тролля в качестве жертвы – вряд ли по нему будут скучать в Ульдре, а потом с помощью простого волшебства изменила форму.

Только бы отец не злился!

Недди

Жизнь иногда выкидывает такие штуки! Овца, от которой ожидают легкого потомства, умирает, рожая двухголового ягненка. Или вы с легкостью бежите по лыжне, о сложности которой говорят все кому не лень.

Следующий после ухода Роуз день был такой тяжелый, что я и представить себе не мог. Отец напоминал привидение – бледный, глаза ввалились. Он с отсутствующим видом бродил

по ферме. Избегал всех нас, особенно маму. Та проводила все время около Зары, как будто думала, что, ухаживая за ней, сможет оправдать жертву Роуз. Но, конечно же, это было невозможно. Даже если бы Зара неожиданно вскочила с кровати совершенно здоровая. Как бы то ни было, лучше сестре не стало.

Я находился в каком-то сумрачном оцепенении и думал только о Роуз. Лишь о том, что она ушла навсегда, я старался не думать.

Как и раньше, мы занимались сборами. Сосед Торск – добрый человек – помогал нам. Думаю, по-своему он понимал, что дела в нашей семье совсем плохи. Мама сказала ему, что Роуз уехала на юго-восток пожить у родственников. А мы поедем вслед за ней, как только Заре станет лучше.

Отец был в таком состоянии, что сначала всю тяжелую работу на ферме делали мы с Виллемом – чинили, чистили, разбирали. Но через несколько дней папа с головой бросился в работу, как будто непосильный труд мог спасти его от сумасшествия. К концу недели ферма выглядела так великолепно, как могла, учитывая обстоятельства.

За день до передачи фермы новому владельцу мы уложили вещи: у нас почти ничего не осталось из того, что стоило брать с собой. Я стоял на улице, около курятника, и кормил тощих цыплят, которых мы оставили. И вдруг услышал шум колес. Вскоре показался красивый фургон, который тащили две холеные лошадки. Я позвал отца, который находился поблизости. Мама с Зарой были у Торска.

Повозка остановилась, и из нее вышел высокий, хорошо одетый джентльмен. Он оглядел ферму. Вид у него был внушительный, а взгляд – хозяйский, и я сразу понял, что владелец земли прибыл на день раньше.

У меня замерло сердце. Хотя я давно ждал этой минуты, все равно стало больно. Человек подошел к нам с отцом, на лице его было любезное выражение.

– Вы, должно быть, Арни, – протянул он руку отцу.

– Мистер Могенс? – сказал отец, поколебавшись, и пожал протянутую руку.

– Нет, Могенс работает на меня, присматривает за моими владениями. А я Гаральд Сорен, владелец этой фермы.

– Приятно познакомиться, мистер Сорен. Это мой сын Недди.

Я пожал ему руку, против собственной воли впечатленный добротой и умом, которые чувствовались в этом человеке. Последние месяцы я все время представлял, как я его ненавижу и даже презираю. Но вот он стоял передо мной; наступил день, когда он должен забрать наш единственный дом, а я только и мог думать о том, что он добрый и порядочный мальчик.

– Надеюсь, вы будете довольны тем, как мы привели здесь все в порядок, – сухо сказал отец.

– О, не сомневаюсь... – начал мистер Сорен. – Но сначала позвольте извиниться за слишком раннее прибытие. Путешествие заняло меньше времени, чем я рассчитывал. Карта подвела, – нахмурился он. – Тяжело найти карту хорошего качества. – Он возмущенно пожал плечами. – Я снял комнаты в Андалсьинах. Если желаете, я могу вернуться завтра.

– Нет, нет, что сегодня, что завтра – все равно, – вежливо ответил отец. – Давайте я покажу вам двор фермы.

– Это было бы весьма любезно с вашей стороны.

Интересно, о чем думал отец, когда водил мистера Сорена по ферме? Для себя я решил, что сложно ненавидеть человека с таким добрым взглядом, хоть он и осматривал мой дом, словно кобылу, которую только что купил.

Потом мы пошли в кладовку. Отец еще не унес те карты, которые развесил здесь, – карты собственного изготовления времен ученичества у моего деда. На рабочем столе еще лежали рисунки наших роз ветров, рисунок Роуз – сверху.

Я услышал, как мистер Сорен шумно выдохнул. Он быстро подошел к ближайшей карте, приколотой к стене, и принялся внимательно ее изучать.

Я видел, как он провел пальцем по папиной подписи, потом повернулся и спросил с сияющим взглядом:

– Вы сами сделали эту карту?

– Да, хотя было это давным-давно...

– Вы случайно не ученик ли Осбьёрна Лавранса?

– Да, – ответил отец и улыбнулся впервые за много дней. – Осбьёрн был отцом моей жены. Несколько лет назад он умер.

– Да, я знаю. Великая потеря... – Сорен замолчал. – Я слышал, что у него был ученик, но никто о нем ничего не знает. После смерти Осбьёрна я стал получать карты из Дании – это очень сложно и дорого. И они либо уже устарели, либо неполные. А карты Норвегии... – Он презрительно фыркнул.

Потом он увидел наши розы ветров. И опять глаза его загорелись.

– Можно?

Отец молча кивнул. Мы оба стояли и наблюдали, как мужчина с благоговением рассматривал каждую из роз.

– Потрясающе! – воскликнул он, положив последний рисунок в коробку. – Как могло случиться, что я никогда прежде не слышал о вашей работе?

– Потому, что я ничего не делал, – ответил отец. – Только для собственного удовольствия, когда время позволяло. Теперь я фермер.

Гарадьд Сорен взглянул на отца, в маленькой комнатке повисла тишина. Когда он наконец заговорил, в голосе его звучало негодование:

– Но для вас это позорная трата времени!

Я подумал, что отец тоже рассердится, но он ничего не сказал.

Потом Сорен улыбнулся и сказал теплым голосом:

– У вас такой талант! А вы сидите тут и убиваете время на возню со свиньями и кобылами. Нет, фермерство, конечно, тоже благородное занятие... Но производство карт! Пойдемте сядем и поговорим про карты. Может, вы угостите меня стаканчиком грога или чем-нибудь в этом роде.

Отца как будто оглушили.

– Конечно, я и сам должен был предложить вам...

– Я схожу, – сказал я отцу.

– Спасибо, приятель, – улыбнулся Сорен. – А теперь, Арни, покажите мне ваши карты, рисунки и чертежи. Я должен посмотреть все.

Так и случилось, что, пока я подавал им чашки с водянистым элем, черствый хлеб и сыр, они склонили головы над драгоценной кипой папиных карт. Они были похожи на играющих детей. Я уже давно не видел отца таким счастливым.

Сорен на самом деле был очень хорошим человеком. Это его помощник, Могенс, решил выставить нас с фермы. Сорен страстно увлекался путешествиями и большую часть дел передал Могенсу. Но сейчас он решил сам посмотреть ферму, которой очень долго владела одна семья. Прежде чем выгонять людей, ему захотелось узнать подробнее про обстоятельства, вынудившие семью продать ферму.

– Могенс хорошо соображает, – объяснил Сорен, – но бывает слишком суров, думает только о прибыли.

Сорен много о чем спрашивал отца. К вечеру он знал о нашей семье намного больше, чем некоторые из соседей. Когда он узнал о болезни Зары, то выразил искреннюю заботу и сочувствие. Только о Роуз и белом медведе отец не рассказал Сорену. Вместо этого он поведал историю, которую мама придумала для соседей: младшая дочь, Роуз, чья роза ветров особенно восхитила Сорена, гостит у родственников на юге. Возможно, Сорен что-то заподозрил, но, во всяком случае, расспрашивать дальше не стал.

Уезжая вечером в Андальсины, Сорен сказал:

– Завтра я вернусь, и мы продолжим разговор, Арни. И не говорите больше об отъезде с фермы.

Мы с отцом стояли и смотрели, как повозка Сорена выехала на дорогу и скрылась из виду. Потом мы повернулись и ошеломленно уставились друг на друга – как будто только что проснулись.

На следующее утро Сорен не вернулся.

Я подумал даже, что эта встреча нам приснилась или это была жестокая шутка. Но Сорен прикатил в своем фургоне после обеда и привез с собой доктора из Андальсинов. Я отвел

доктора к Заре на ферму Торска, а отец остался поговорить с Сореном.

Доктор Тринд попросил нас выйти из комнаты и стал осматривать Зару. Пока мы ждали, я рассказал маме, Виллему и Зорде про Сорена.

Потом мама сказала:

– Неужели это правда, Недди? Нам не нужно уезжать с фермы?

Я кивнул. Побледневшая мама закрыла глаза, крепко сжала руки и замолчала. Потом открыла глаза, наклонилась ко мне и загадочно улыбнулась.

– Это все из-за белого медведя, – тихо сказала она.

Я посмотрел на нее с удивлением, которое тут же превратилось в злость. Выходит, она использовала счастливый поворот событий, чтобы оправдать жертву Роуз... Я вздрогнул и отшатнулся от нее.

– Мама... – начал я с болью в голосе, но тут появился доктор.

– Вот список трав, которые понадобятся, чтобы поставить Зару на ноги, – сказал он.

Я попытался сосредоточиться на его словах.

– Вы должны знать, – продолжал доктор Тринд, – что еще несколько дней ее жизнь будет висеть на волоске, но... – он сделал паузу, – думаю, есть все основания полагать, что Зара поправится.

У мамы на глаза навернулись слезы, она подошла и крепко обняла меня.

– Видишь? – прошептала она. – Все было к лучшему.

Я резко отодвинулся, схватил список трав и вышел из комнаты, хлопнув дверью.

Роуз

Я снова заснула на красном диванчике около камина. Должно быть, еще не прошла усталость от долгого путешествия и многих часов, проведенных за ткацким станком.

Проснувшись, я почувствовала себя какой-то липкой, даже вдруг унюхала запах тюленя на коже. Больше всего на свете мне хотелось помыться.

Но я понятия не имела, есть ли здесь комната, где можно искупаться.

Я не знала, откуда появляется еда, кто следит за лампами и камином. Было ли это волшебством? Или в замке находились слуги, исчезающие при моем появлении?

Сперва я решила найти кухню. Должна же здесь быть кухня. А где кухня, там вода и, возможно, большая бочка для купания.

Я отправилась на поиски. Пока бродила, составляла в голове план и запоминала, что где расположено. Через некоторое время я поняла, что на втором этаже было несколько комнат, под которыми на первом комнат не было. Возможно, замок и был выстроен прямо в горе, но я решила исследовать его дальше. Потом я обнаружила на первом этаже большой и тяжелый гобелен, на котором был изображен господин в красной накидке, предлагавший свое сердце даме в голубом платье и с жемчужной короной на голове. Я подняла гобелен и увидела дверь. Нажала на ручку, уверенная, что все равно заперта, но ручка легко повернулась. Я проскользнула внутрь и оказалась в просторной кухне.

В центре за кухонным столом стояла женщина. Высокая, на голову выше меня, одетая в простое черное платье и передник. Ее руки были в муке. У нее была белейшая кожа – почти такая же белая, как мука. Волосы также отливали белизной и спускались по спине, заплетенные в косу. Женщина была немолода, но красива – с удивительно правильными чертами лица. Большие черные глаза смотрели на меня.

– Здравствуйте, – сказала я.

Она что-то ответила, но я не поняла. Она говорила на другом языке, голос ее был грубым и скрипучим.

Должно быть, ей почудилось, что я испугалась, и она замолчала. Я заметила мальчика, который прятался за женщиной, такого же белокожего, только с темно-каштановыми волосами.

Женщина что-то сказала мальчику шепотом – как будто когтистой лапкой процарапали по неровной поверхности. Мальчик отошел к корзине, которая стояла неподалеку, и вытащил оттуда булочку. Потом вернулся и протянул ее мне.

– Спасибо, – поблагодарила я, принимая булочку.

И поняла, что это совсем не мальчик. Он был немного ниже меня, но с чертами лица взрослого человека и как у белокурой женщины, у него были великолепный нос и большие черные глаза. Он смотрел на меня еще более внимательно, чем женщина.

– Меня зовут Роуз.

Маленький человечек не ответил, но и глаз от меня не отвел. Внезапно он подошел и дотронулся до моей руки. Отдернув пальцы, он глянул на женщину широко раскрытыми глазами. Потом с благоговением потер руку, которой касался меня.

Женщина скользнула по нам взглядом и нежно похлопала его по плечу, качая головой и издавая гортанные звуки.

Он робко отступил.

– Не беспокойтесь, – сказала я. – Он не причинил мне вреда.

Женщина только покачала головой. Затем взяла стакан и показала на него.

– Спасибо, я не хочу пить. На самом деле мне очень хочется помыться.

Она беспомощно посмотрела на меня.

Я попыталась объяснить жестами, но, похоже, у меня не получилось. Человечек издал скрипящий звук – наверное, захихикал.

В конце концов женщина догадалась, подошла ко мне, взяла за руку и повела через дверь за гобеленом. Меня поразило ее прикосновение – такое же жесткое и неприятное, как ее голос. Я посмотрела на ее ладонь: кожа была словно кора дерева – в рубцах и трещинах. Я испугалась, но виду не подала.

К счастью, в коридоре она отпустила меня. Я поняла, что должна следовать за ней.

Мы поднялись по лестнице и прошли по коридору, который я изучала накануне. Остановились перед дверью рядом с ткацкой комнатой, она повернула ручку, и мы вошли.

Это была очень красивая комната, теплая и уютная. В большом камине горел огонь, рядом стояли стулья с мягкими сиденьями. В глаза сразу бросилась огромная кровать из темного полированного дерева. На ней высились горы подушек и стеганых одеял. А рядом с кроватью стоял вещевой мешок, который я принесла с собой из дому.

Я повернулась к белокожей женщине, но она уже ушла.

Осмотревшись, я нашла кувшин с водой, кусок белого мыла и достаточно большой таз для купания. Я взяла чайник, нагрела воды над огнем и устроила себе чудеснейшую ванну. Потом надела чистую рубашку и села у огня. Хотела было сразу отправиться к станку, но вместо этого устроилась поудобнее и задумалась.

Я вспоминала все, что произошло. Неожиданное появление белого медведя. Его просьбу. Ложь родителей. Обида, которая довела меня до того, что я ушла с медведем. Путешествие. Этот замок с уютными комнатами, каминами, вкусной едой. Белокожую женщину и карлика. Но больше всего я думала о медведе. Он привел меня сюда, но я не знаю, зачем и что мне нужно делать.

Может, я должна стать здесь служанкой и помогать белокожей женщине? Но комнату, в которую она меня привела и где лежали мои вещи, едва ли можно было назвать комнатой прислуги. Я подумала о станке. Может, меня привели сюда, чтобы я соткала что-нибудь для белого медведя? Что-нибудь необычное. Такой великолепный станок явно предназначен для чего-то необычного. Но почему я? Без сомнения, в мире сыщутся мастерицы и получше.

Станок. Мне захотелось снова его увидеть. Но я не двинулась с места. Мне нужно было подумать.

Возможно, у медведя на примете были другие мастерицы, но только моя семья так жаждала расстаться со мной.

Я поднялась со стула. Бесполезно пытаться объяснить необъяснимое. Только белый медведь знает ответы на все эти вопросы, именно к нему я и должна пойти. Выйдя из комнаты, я остановилась в нерешительности. Где мне его искать?

Сначала я отправилась к парадной двери. Но там никого не было, и дверь оказалась запертой.

Не успела я дотронуться до нее, как услышала звук, похожий на вздох или порыв ветра. Я повернулась, но никого не увидела.

Он где-то здесь, рядом.

И я начала обыскивать замок, комнату за комнатой, коридор за коридором. Я думала, что обошла его весь, но теперь обнаруживала все новые и новые коридоры. Когда я очутилась у комнаты со станками, мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы не прекратить поиски и не остаться там.

Я пыталась открыть дверь за гобеленом, ведущую на кухню, но в этот раз она оказалась заперта. Я постучала, но никто не открыл. Вряд ли белый медведь там, решила я и пошла дальше.

Наконец, обойдя весь замок дважды, я остановилась. Медведя нигде не было.

Я разозлилась. Какое он имел право расхаживать на воле, оставляя меня взаперти! Наверное, я выглядела глупо, и счастье, что я не нашла медведя, иначе наговорила бы ему лишнего и он съел бы меня.

Обеденное время прошло, но я не чувствовала голода, мне не хотелось ничего из того, что наверняка ожидало меня в комнате с темно-красным диванчиком. Тогда я вспомнила про станок и больше не колебалась.

Я начала ткать полотно с рисунком, изображающим поле около нашей фермы: весенняя зеленая трава, а на ней лиловые ирисы и бурлящий ручей на переднем плане. Думаю, это будет одной из лучших моих работ. Вдруг я услышала какой-то звук. Я повернулась: белый медведь лежал на ковре неподалеку и смотрел на меня черными глазами.

Королева троллей

Я принесла мягкокожего мальчика в Ульдр и записала в Книге:

Готово. Наконец он здесь, и радость моя невыразима.

Но отец в ярости. Он говорит, что нужно вернуть мальчика.

Я напомнила ему, что смерть есть смерть и в Зеленых Землях, и в Ульдре.

–Тогда ты будешь наказана, – говорит он. – Ты не сможешь иметь то, что украла, пока не выполнишь ряд моих условий.

Я никогда не видела, чтобы отец так сердился. Но я не беспокоюсь. Условия будут выполнены. И я получу то, что хотела.

Недди

После приезда Гаральда Сорена все произошло очень быстро.

Зара начала поправляться. С каждым днем она крепла, вскоре стала садиться с нами за стол, ела с аппетитом. Доктор сказал, что, возможно, она всегда будет легко простужаться, а больше волноваться не о чем. Маминой радости не было предела, но она никогда больше не говорила мне, что выздоровлением Зары мы обязаны белому медведю.

Отец и Сорен проводили все время вместе над картами, планами и схемами.

Однажды вечером они вошли в гостиную, и по их лицам сразу стало ясно, что произошло нечто важное. Отец прокашлялся и сказал:

– Было решено... что... Ну, скажите им, Гаральд.

– Конечно. Суть в том, что мы открываем для Арни собственное дело. Изготовление карт.

Мама радостно вскрикнула, Зорда и Зара подбежали к отцу, стали его обнимать и целовать. Я остался на месте, но радостно улыбнулся отцу. Сорен рассмеялся и продолжил:

– Я пытался убедить Арни, что вам всем нужно переехать в Тронхейм. У меня там есть великолепный домик, который вам очень подошел бы. И я живу совсем рядом... Но ваш отец и слышать не хочет о том, чтобы уехать с фермы. Никак не могу понять, почему он упрямится.

Я-то знал почему. Из-за Роуз. Отец хотел, чтобы все было так, как до ее ухода.

– Честно скажу, я бы предпочел, чтобы работы велись в Тронхейме, – продолжал Сорен. – Но согласен немного подождать. Мы прикинули, как можно увеличить кладовую, чтобы у Арни появилось нормальное рабочее место. Как только я вернусь в Тронхейм, я закажу все, что нужно, и доставлю сюда.

За обедом Сорен и отец подробно рассказали нам о своих планах.

– Вы знаете, какую удивительную штуку изобрел ваш отец? Он назвал это «маршрутной

картой». Я хочу, чтобы он начал их выпускать в больших количествах. Вряд ли я сильно ошибаюсь, ведь в этих картах заложены потрясающие возможности.

Мы все, как и большинство наших соседей, хорошо знали папины карты. Он вырезал их на узких деревянных дощечках – по ним было легче справляться, чем по огромным пергаментам, да и срок службы у них был несравненно дольше. На этих деревянных картах указывались ориентиры, перекрестки, изгибы дорог и прочее. Они идеально подходили для коротких путешествий по дорогам между деревнями. За годы жизни на ферме отец сделал множество карт близлежащих земель.

– Я даже составил контракт. – Сорен протянул листок бумаги. – По нему Арни будет получать добрую половину любых доходов, какие смогут принести его маршрутные карты.

– Тебе придется много ездить? – спросил я отца, зная, насколько тот не расположен к путешествиям.

Отец кивнул.

– Да, придется, – ответил за отца Сорен. – Я настоял на этом. Моя цель – составить карту всей Норвегии. – Он рассмеялся. – Знаю, знаю. У меня большие амбиции.

Я удивился, что отец так легко принял это условие, учитывая его сильную нелюбовь к дальним поездкам. Но потом он объяснил мне:

– Я надеюсь найти Роуз.

– Тогда я поеду с тобой, – выпалил я.

– Нет, – твердо сказал он. – Ты должен остаться и позаботиться о семье. Вы с Виллемом будете вести дела на ферме. Сорен предложил упрощенный план сбора будущего урожая, так что работы будет меньше. Еще он пообещал достать свежих семян и новых лошадей для вспашки земли.

Итак, не успели мы опомниться, как работа над папиной мастерской закипела, а сам отец уехал в первое путешествие вместе с Сореном.

Спустя несколько недель прибыла повозка с ящиками, в которых находилось все, что было необходимо для производства карт. К собственному удивлению и радости, я обнаружил среди чернил, пергамента и инструментов несколько книг для себя. Наверное, отец рассказал Сорену о моем увлечении наукой. И я снова с восхищением подумал о доброте и щедрости этого человека, превратившегося в нашего ангела-хранителя. Нам очень повезло.

Соседи удивлялись нашему неожиданному везению, но радовались за нас. Чтобы поблагодарить Торска за доброту, мама пригласила его отобедать, когда папа вернулся из первого путешествия, оказавшегося крайне полезным для разработки карт, но не принесшего известий о Роуз.

Пока мама разливала по тарелкам наваристый картофельный суп, Торск от всей души поздравлял нас с удачным поворотом дел.

– Теперь вы сможете послать за мисс Роуз, раз дела у вас налаживаются, – широко улыбнувшись, сказал он.

Отец побледнел, молча встал и вышел из-за стола.

Мама попыталась сгладить неловкость и предложила Торску хлеба.

– Роуз действительно скоро вернется к нам, – произнесла она. – Знаете, я как раз встретила сегодня вдову Озиг. Она сказала, что зима нынче будет мягкая...

Утром отец уехал, хотя следующая поездка была запланирована только через две недели. Он попросил меня проследить за работами в мастерской и сказал, что надеется вернуться с хорошими новостями.

Роуз

Сидя за ткацким станком, я почувствовала, что в комнату кто-то вошел и встал рядом со мной. Но я не могла оторваться от работы и, забывшись, решила, что это Снурри, мой песик, пришел составить мне компанию. Он любил полежать у моих ног, пока я шила или ткала.

Но когда я поняла, что это не Снурри, а белый медведь, я вскочила с табурета и уронила челнок. Он легко покатился по полу, распуская темно-красные нити, и остановился только возле медвежьих лап.

Страх мой тут же сменился негодованием, и, забыв обо всем, я подошла и подобрала челнок.

– Как ты посмел притаиться здесь?! – сердито сказала я медведю. – Я искала тебя повсюду, в каждом уголке этого замка, а теперь ты просто появился и сидишь здесь, как будто... как будто... – Я умолкла, не найдя слов. Потом снова заговорила с тоской в голосе: – Где я? Зачем ты привел меня сюда?

Медведь медленно поднялся – слегка сконфуженно, как будто не хотел лишний раз напоминать о своих размерах.

Он был такой большой, что, казалось, комната сжалась. Все остальные слова замерли у меня на губах.

– Пойдем, – прорычал он.

И я спокойно пошла за ним в комнату, где обедала. Про себя я назвала ее комнатой красного диванчика.

На огне стоял горшок с едой, но я едва его заметила и села на диван. Медведь остановился у камина.

– Тяжело... говорить... Я могу... лишь немного. – Он перевел дыхание. – Твои вопросы... невозможно... дать ответ.

Я тихо сидела, словно загипнотизированная глухими звуками его голоса. Они доносились из его груди. Губы двигались, но не так, как у людей при разговоре. Я видела, как мелькал черный язык.

– Все, что тебе нужно... шерсть, разные цвета, – он снова тяжело перевел дыхание, – проси.

– Сколько я здесь пробуду? – не выдержав, спросила я: мне нужно было знать.

– Не могу... сказать. – Это все, что он ответил. Потом добавил: – Останься... со мной...

– Мне нельзя уйти?

– Останься... я не обижу. – Казалось, ему все труднее говорить, как будто требовалось необычайное напряжение, чтобы находить слова.

– А женщина на кухне – кто она?

Медведь неуклюже направился к двери.

– Ты хочешь, чтобы я что-то соткала на станке?

Медведь не остановился, но в дверях он повернул голову и снова пробормотал «не обижу».

Я осталась сидеть, глядя на пустой дверной проем и думая, почему он привел меня именно сюда, чтобы поговорить. Но тут вдруг поняла, что очень проголодалась.

Забавно. Медведь позаботился о том, чтобы я не пропустила ужин.

Сложно объяснить, но после разговора с ним я немного успокоилась.

Ничего не изменилось, я не стала понимать больше, чем раньше, и все еще находилась взаперти. Но по какой-то причине слова «не обижу» утешали меня и не выходили из головы. Почему-то я верила им.

Я съела вкусную похлебку с черным хлебом и выпила стакан козьего молока. Затем вернулась к станку и продолжила ткать, пока не устала. Я понятия не имела, какое сейчас время суток. Когда я вышла в коридор, большинство ламп было погашено.

Видимо, была ночь – по крайней мере, в замке. Около двери для меня оставили гореть маленькую лампу. Я подняла ее и пошла по темному коридору. Было немного страшно, но я мысленно повторяла слова «не обижу».

Вернувшись в комнату, где лежали мои вещи, а распаковала вещевой мешок. Кровать выглядела намного удобнее, чем красный диванчик. Наверное, это была самая лучшая кровать из всех, на каких я раньше спала. Она была такая огромная, что, пожалуй, вся моя семья могла бы здесь разместиться.

Несколько масляных ламп освещало комнату. Масло отличалось от того, какое я видела в Норвегии. Оно пахло слаще и горело чище и медленнее. В замке мне не требовалось зажигать лампы самой, потому что каждый раз, когда я входила в комнату, они уже горели.

Я приготовилась лечь в кровать и загасила все лампы, кроме одной, чтобы не было кромешной тьмы.

Утонула в мягких перинах и подушках и подумала о своей семье. Дома я привыкла спать с двумя сестрами, и здесь мне стало одиноко и непривычно лежать одной в такой большой кровати.

Я заснула. Потом проснулась – сестра Зара залезла в постель, и я немного придвинулась к ней, потому что ноги ее замерзли, а я была такая сонная и теплая...

Внезапно я проснулась окончательно. Я была не дома, и это не моя сестра забралась ко мне в кровать.

Королева троллей

Вот приговор отца, записанный в моей Книге.

Моя дочь, принцесса, ослушалась меня и забрала мягкокожего, имеющего знатное происхождение. И вот что она получит в наказание.

Мальчик, украденный из Зеленых Земель, будет превращен в белого медведя. Он поселится в замке, вырубленном в скале в Зеленых Землях, которые мы называем Сууделла¹⁰. Он получит все необходимые способности и умения, чтобы выжить. Слуги из Ульдра отправятся с ним. Они будут выполнять все его просьбы, но не смогут освободить его от волшебных чар. Чтобы освободиться от заклятия, медведь должен принять и выполнить ряд неоспоримых условий, с которыми его знакомят.

Так я решил, и пусть это наказание послужит уроком тем, кто не слушается своего короля.

Роуз

В комнате было темно. Я лежала в этой темноте: сердце сильно билось, ноги и руки ооченели, и я с ужасом думала, что схватить, чтобы защищаться. Но тот, кто забрался в кровать, сидел достаточно далеко. Он подоткнул одеяло и тихо улегся.

Из всего того, что со мной случилось за последнее время, это больше всего сбивало с толку. Сначала я подумала, что это медведь забрался ко мне. Но хотя кровать и была огромной, она вряд ли вместила бы меня и медведя одновременно, да еще на таком расстоянии друг от друга. Немного придя в себя, я подумала о том, что, судя по тому, как прогибается матрас, тот, кто лежит рядом, не должен весить больше, чем моя сестра. Хотя я могла и ошибаться.

Время шло, а существо не двигалось. Сперва я судорожно пыталась представить, кто или что это было. Белая леди или карлик с кухни? Или кто-нибудь еще из замка, кого я пока не знаю? Был ли это человек или животное? А может, какое-нибудь привидение? Но постепенно мысли разбежались и страх ушел. Удивительно, но я заснула.

Когда я проснулась, в комнате стало светлее. Дверь была приоткрыта, и свет шел от ламп, горевших в коридоре. В постели, кроме меня, никого не было, и я уже решила, что все это мне приснилось. Но с другой стороны кровати простыня оказалась смята, и я поняла, что это был не сон.

В комнате с красным диваном меня ждал завтрак. Я рассеянно поела каши с фруктами – все не могла перестать думать о странном ночном происшествии. И весь следующий день я о нем размышляла, пока сидела за станком. Несмотря на собственные догадки, я не могла отделаться от чувства, что это *медведь* лежал со мной. Я и боялась, и хотела одновременно, чтобы поскорее настала ночь. Боялась, потому что все могло повториться, и поэтому же хотела – вдруг в этот раз все станет ясно. И решила не гасить свечи в комнате на ночь.

Пока я сидела за станком, медведь не приходил, и меня это, как ни странно, разочаровало. Вряд ли я получила бы ответы на свои вопросы, на мне не терпелось расспросить его о моем ночном госте.

Закончив ткать, я поужинала, взяла масляную лампу и отправилась спать. Лампы в

¹⁰ Вообще-то они должны были называть эти земли Раиска (Ranska – по-фински значит «Франция»)

коридоре уже погасили.

Я помылась и надела ночную рубашку, которую принесла из дому. Оставила гореть несколько ламп, улеглась и стала ждать. Я была решительно настроена дожидаться ночного гостя, чтобы увидеть его лицо.

Не знаю, сколько я так пролежала – с открытыми глазами, но вдруг все лампы разом погасли. Я села в постели; масло в них не могло закончиться – его должно было хватить на всю ночь. Но в следующий миг у меня мороз пробежал по коже: кто-то опять забирался в кровать и натягивал одеяла. Я пожалела, что у меня нет кремня, чтобы зажечь лампы снова, и поклялась себе найти его утром.

В этот раз у меня сна не было ни в одном глазу, и я смогла лучше оценить размеры ночного гостя. Мои вчерашние догадки подтвердились – существо было крупнее моей сестры, но, конечно, не такое большое, как медведь. Это не мог быть белый медведь.

Я хотела заговорить с ним, но вдруг почувствовала что не стоит. Происходило что-то таинственное, и голос мой прозвучал бы фальшиво.

Как и в прошлую ночь, незнакомец не шелухнулся устроившись далеко от меня. Опять все напряжение куда-то утекло, и я заснула с ощущением покоя, как будто я дома рядом с сестрой.

А наутро я снова проснулась одна.

Отец

В третий раз я направился на юг. До этого я ездил на север и северо-восток. Сорен хотел, чтобы я исследовал южное направление, потому что именно там оставались самые нехоженые земли.

Нанося на карты ориентиры земель, по которым проходил, я часто беседовал с местными жителями. Спрашивал про реки, города, озера, дороги между населенными пунктами и прочее. Под конец разговора я всегда задавал вопрос про белого медведя: говорил, что их видели в этих краях, и спрашивал, не проходил ли здесь недавно один из них. Я не решался спросить, не видели ли они девочку рядом с ним, иначе люди решили бы, что я сошел с ума. Но мои слова удивляли людей, особенно в самых южных районах, до которых я добрался. *Белый медведь? На юге?* – вытягивались их лица.

Хотя я был целиком поглощен работой, мысли о Роуз не покидали меня.

И вдруг в одном маленьком городке неподалеку от побережья мне улыбнулась удача.

Я встретил одного мужчину, который вел по проселочной дороге двух коров. Мы пожелали друг другу приятного дня, он с интересом оглядел инструменты, которые я ношу с собой в поездках. Мы немного поговорили, я объяснил, что занимаюсь составлением карт, а потом задал обычный вопрос о том, не встречались ли ему в этих краях белые медведи.

– Только такие, каких видишь после большого количества вина. Сиг Эверхарт всегда видит медведей после попок, – ответил человек с улыбкой.

– Да, после вина можно увидеть кого угодно, – рассмеялся я вместе с ним, и интерес мой возрос. – А где бы мне найти этого мистера Эверхарта?

– Он в городе живет, – подмигнул мне собеседник.

– Не могли бы вы указать мне путь?

Он согласился и напоследок предупредил:

– Сиг – хороший парень, но уж слишком выпить любит.

Я поспешил в указанном направлении и легко отыскал Сига Эверхарта. Он находился в конюшне – чистил щеткой костлявую лошадь. У него, точно, было тяжелое похмелье.

Я не хотел откладывать разговор, поэтому подошел к нему и сразу спросил:

– Вы тут не видели белого медведя за последний месяц-два?

Он нахмурился и с подозрением произнес:

– Решил посмеяться надо мной, незнакомец? Кто тебя подослал? Аза? Или Иона?

Я нетерпеливо объяснил ему, что никто меня не подсылал, что мне просто нужно услышать ответ на вопрос.

Сиг Эверхарт оглядел меня, потом развернулся и плюнул в опилки.

– Видел я белого медведя – в прошлое полнолуние скорее всего. После полуночи. Я

заблудился в лесу за городом. Конечно, был пьян как сапожник. Но, клянусь, я видел его. И еще, у него кто-то сидел на спине.

У меня чуть сердце из груди не выскочило. Я схватил человека за руку:

– Куда он направлялся? И с какой скоростью? Вы видели, кто у него на спине?

Он отпрянул от меня и насторожился:

– Может, это всего лишь... Как вы там называете?.. Галлюцинация. Я же пьянющий был.

С тех пор так не напиваюсь. Хотя вчера вечером чуть не допился до того же...

– Пожалуйста, – хрипло попросил я. – Просто расскажите мне.

Может, он почувствовал мое отчаяние, поэтому успокоился и продолжил:

– Конечно, конечно. Что бы там ни было, галлюцинация или нет, оно быстро двигалось.

Но чтобы перебраться через речушку Риллинг Крик, замедлило ход. Оно направлялось на юг. Что там на спине, я не рассмотрел. Может, грязь или листья.

Вот и все, что я смог вытянуть из пьянчужки Сига, но этого хватило, чтобы зародилась надежда.

Я не сомневался, что он видел мою Роуз на спине у белого медведя. Поэтому я направился к Риллинг Крик и оттуда – на юг.

Дни шли и превращались в недели, но я не встретил больше никаких следов Роуз и белого медведя. Я обошел каждую деревушку, расспрашивая всех, кого встречал. Бродил по полям и лесам.

В конце концов я вышел к морю. Я исследовал все побережье. Я спрашивал у прохожих, стучал в чужие дома.

И вот я стоял у воды и смотрел на волны. Уже два месяца, как я не был дома. А единственный ключик к тайне Роуз был получен из рук горького пьяницы. Но это был тончайший лучик надежды, и я уцепился за него как утопающий за соломинку.

Роуз

Я тщетно искала кремень. Пыталась сама придумать какое-нибудь устройство, но не получилось. Когда наступила ночь (или, по крайней мере, казалось, что в замке ночь), я не смогла зажечь свет в спальне, как ни старалась. Свечи, лампы – все гасло перед приходом моего гостя. Каждую ночь происходило одно и то же: наступала темнота, матрас прогибался. И странно – я начала привыкать к этому.

Решила, что это колдовство. Видимо, я не должна увидеть, кто или что мой гость.

Однажды ночью я попыталась поговорить с ним, но язык прилип к небу и вместо слов раздался хрип. Да и что было говорить? Я чувствовала, будто нарушаю секретное правило или условие. И больше не делала попыток.

Пару раз меня охватывало сильное желание перелезть на ту сторону кровати и потрогать того, кто там лежит. Но и это, я чувствовала, строго запрещено, еще строже, чем разговоры. Почему-то я знала, что нельзя рисковать.

И все равно я не переставала думать о госте. Чем больше я думала, тем сильнее я уверялась, что это медведь. Размером он становился меньше, видимо, потому, что на ночь сбрасывал мех. Я ездила на его спине и знала, какая толстая и тяжелая у медведя шкура. Эту догадку подтверждало и то, что, как я заметила, существо рядом со мной часто дрожало, натягивало поплотнее одеяло – как будто хотело согреться. Я не могла представить, как медведь выглядит без шкуры, но эта мысль не выходила у меня из головы.

Со временем моя жизнь в замке подчинилась определенному режиму. Я измеряла время длиной сотканного материала, а дни отмечала по календарю, который сама нарисовала на куске материи. Каждый день я вышивала на ткани галочку. Когда набиралось тридцать галочек, я меняла цвет нитки. Я совершала прогулки по коридорам замка. Выучила наизусть, куда какая дверь ведет, запомнила все картины на стенах, все ковры. А однажды обнаружила то, что помогло мне легче переносить заключение.

На верхнем этаже за каким-то темным гобеленом в конце коридора я обнаружила дверь. За дверью оказалась маленькая винтовая лестница, которая не была освещена. Я сходила за свечкой и поднялась по лестнице. Наверху – видимо, это была самая высокая точка замка – я

обнаружила маленькое оконце. Через него были видны лишь кусочек неба и одинокая ветка дерева, но мне удалось приподнять раму на дюйм. Свежий прохладный воздух ворвался внутрь вместе с настоящим ощущением ночи и дня, а не тем, который давали свечи и лампы. Я приходила каждый день к этому окну.

Еще одним местом, куда я заходила каждый день (помимо комнаты со станками), стала библиотека. Большинство книг было на французском языке. Мама немного учила меня французскому в детстве, поэтому я смогла читать.

Были книги на латыни, которую я знала только по домашней Библии, нашлось две книжки и на норвежском. Одна из них состояла из старинных рассказов, которые я слышала от Недди, – про Фрейю, Тора, Одина и Локи.

Белокожая женщина и карлик вели хозяйство в замке. Они готовили мне вкусную еду, зажигали лампы и огонь в каминах, убирали после меня и белого медведя (единственный его недостаток состоял в том, что он линял, – я иногда замечала клочья белой шерсти на мебели и полу). Они старались проделывать все это незаметно. Дверь на кухню была все время заперта. И если мы и встречались, то они тут же поспешно исчезали. К тому же разные языки делали невозможным наше общение.

Медведь приходил ко мне каждый день, когда я сидела за станком. Обычно это происходило после обеда. Я привыкла с ним разговаривать, хотя он редко отвечал. Я рассказывала ему про семью, про жизнь на ферме и про те места вокруг фермы, которые я успела изучить. Еще я рассказывала ему истории, которые слышала от Недди и которые прочитала в книге, найденной в замковой библиотеке.

Я не знала, как он относится к моей болтовне, но была склонна верить, что ему нравится слушать мой голос. Если я была не в настроении, он с надеждой поднимал голову, словно ждал, когда я заговорю.

Я привыкла к его присутствию, его размеры больше не смущали меня. Мы понимали друг друга без слов. Я угадывала его настроение по тому, как он держал голову, и даже по тому, как на нем лежала шерсть. Самыми выразительными были глаза – черные, глубокие. Я чувствовала что-то человеческое в нем, какую-то тонкую дрожащую струну, какой не могло обладать животное. К тому же он мог говорить.

Наверное, когда-то он был либо полностью животным, либо полностью человеком, а потом две эти сущности в нем смешались; вероятно, животное стало в нем сильнее, поэтому и слова давались с таким трудом.

Временами я чувствовала его ненависть к тому человеческому, что сидело в нем, и как он хочет уничтожить его. А иногда я понимала, что он изо всех сил цепляется за это. Потом я догадалась, что эта человеческая струна удерживала его, не позволяла разорвать меня на куски или проглотить целиком.

Как-то раз я выходила из комнаты, чтобы идти в мастерскую к станку. Я только что искупалась и еще не остыла после горячей воды. Медведь стоял у самой двери, и я чуть не врезалась в него.

Я услышала, как из глубины его груди раздалось глухое рычание, и заглянула ему в глаза. К своему ужасу, я наткнулась взглядом на пустые, почти неузнаваемые, голодные глаза зверя. Я отступила на шаг, сердце готово было выпрыгнуть из груди. Медведь обнажил зубы – первый раз за все время, что я знала его, – и рычание стало громче. Он шагнул ко мне.

Не раздумывая, я бросилась назад в комнату и захлопнула дверь. Тщетно нащаривала рукой замок или задвижку – ничего такого не было. Я прижалась спиной к двери, хотя понимала, что мои усилия смехотворны. Выбить эту дверь для медведя было бы детской шалостью. Я услышала скрежет, а потом дикий вой.

Он разнесся по замку эхом, и все стихло. Я очень долго стояла и ждала, прежде чем снова покинуть свою комнату.

После того как я закончила вышивать гобелен с полем, я принялась делать иллюстрацию к рассказу из норвежской книжки. Это была история про жестокую шутку, которую Локи сыграл

с Идунн, хранительницей золотых яблок, дающих богам бессмертие¹¹. Я изображала Идунн в том месте, куда ее утащил великан Тиасси, – в пещерном зале со столпами огня, вырывающимися из земли.

Когда я закончила эти две работы, меня переполняла гордость. Я задумала их как две картины, вдохновленная гобеленами замка. Но потом, когда я внимательно их разглядывала, почувствовала какое-то неудовлетворение, хотя не было ни ошибок, ни погрешностей. На первую работу было приятно смотреть, но не хватало чувства. Хорошенький пейзаж, если смотреть издали. А во второй работе затаилось зло, что огорчало меня.

Я решила, что пора отдохнуть от стайка и сменить род занятий. Поэтому уселась приводить в порядок свой плащ. Это была последняя вещь, которую мне дал Недди. Странно, но мне не пришла в голову мысль сделать новый плащ. Старый напоминал мне о доме, и я не хотела нарушать эту связь, несмотря на обман, который был вплетен в его рисунок.

С помощью острой иглы и крепких ниток я быстро справилась с задачей. А медведь, как обычно, смотрел на меня. Когда я приступила к той части розы ветров, где отец спрятал правду, я почувствовала, как слезы навернулись на глаза. Подумала об отце, о той боли, какую я причинила ему своей жестокостью. Может, он и был неправ, что соглашался с маминым обманом, но делал это с неохотой. Я вспомнила имя, каким он звал меня в глубине души. *Ниам*. И слезы потекли ручьем.

– Ты грустишь, – донесся до меня глухой голос.

Я вздрогнула, потому что медведь не разговаривал со мной уже неделю или больше. Но потом кивнула и утерла слезы краешком плаща.

– Почему?

Я рассказала ему про обман, связанный с моим рождением. Затем мы оба помолчали. Наконец он сказал:

– Роуз... Ниам... Север... Запад... Восток... Юг... Ты...

Я рассмеялась.

– Ты хочешь сказать, что я гожусь для *всех* направлений?

Он кивнул.

– То есть ты считаешь, что суеверие, связанное с направлением родов, чушь?

– Нет, – ответил медведь.

Но когда я попросила его объяснить, что он имеет в виду, мой собеседник лег и закрыл глаза, как будто наш разговор вымотал его до предела.

Я сидела и смотрела на него, совершенно сбита с толку. И чувствовала симпатию к нему, несмотря на то, что он увез меня от родных.

– А Зара выздоровела? – выпалила я.

Он приоткрыл глаза:

– Да.

Слово как стрела вылетело из его груди. А потом он ушел.

Я подумала о Заре. Хорошо, что она поправилась. Я верила в это. Почему-то я не могла даже представить, что медведь обманывает меня.

Я отнесла починенный плащ в свою комнату, аккуратно сложила его и сунула в свой вещевой мешок. Затем вернулась к станку и стала думать, что делать дальше.

Мне на глаза попались золотые, серебряные и жемчужные нитки, и я вдруг решила соткать себе платье. Забавно. Я еще никогда не делала вещей просто так, без особой нужды. Конечно, на далекой ферме вряд ли кому-нибудь могло понадобиться бальное платье. И все равно я решила его сделать. В конце концов, здесь мне вообще ничего не было нужно. Все – уборку, еду, питье – делали за меня. Так почему бы не заняться чем-нибудь необычным?

Сначала я не могла выбрать нитки. Я больше склонялась к жемчужным с перламутровым отливом, но остальные тоже были красивые. Потом мне пришла в голову совсем смешная

¹¹ *Идунн* – богиня вечной молодости. У нее есть корзина с яблоками, дарующими бессмертие, которыми она угощает богов. Это волшебная корзина: она никогда не пустеет, так как взамен каждого вынутого яблока в ней сразу же появляется новое.

мысль. Сотку-ка я три платья.

– А почему бы и нет? – сказала я себе.

Времени у меня хоть отбавляй, а из ниток каждого цвета выйдет прелестное платье.

Я начну с серебряных, потом золотые, а жемчужные останутся напоследок.

Я дрожала от нетерпения, пока вдевала тонкую, но на удивление прочную серебряную нить в станок. Я опасалась сложностей, но станок был такой замечательный, что работа шла великолепно.

Решила сначала соткать полотно, а потом придумать выкройку.

Я ткала, а в голове носились десятки возможных моделей платьев. Я не очень хорошо знала, что сейчас носят, зато в норвежской книжке было много картинок, и мне нравились одежды Идунн, Фрейи и Сиф.¹²

Сверкающая ткань выходила из-под пальцев и заставляла меня трепетать от удовольствия. Чем дольше я ткала, тем больше меня мучили сомнения, стоит ли делать такое платье для себя. Оно больше подходило для принцессы или знатной дамы, а совсем не для дочери бедного фермера. Если – нет, *когда* (твердо поправила я себя) я уйду из замка, в моей жизни не будет повода надевать это платье.

Я решила, что продам его. За такое роскошное платье можно получить небольшое состояние. И этими деньгами мы покроем все накопившиеся на ферме долги, а Недди сможет поехать в Берген или Осло и заняться наукой, как он всегда мечтал. На эти деньги отец мог бы даже открыть свое дело по производству карт.

Поэтому я ткала и думала о выкройке. А если иногда и представляла себя в платье... Ничего ужасного в этом не было.

Когда сверкающего материала стало достаточно, я села за выкройку. Дело продвигалось медленно, потому что я была очень аккуратна: впервые имея дело с дорогой тканью, не хотелось наделать ошибок.

Работа была сложной, требовала повышенного внимания, и я стала меньше разговаривать с медведем. А он беспокоился, ходил по комнате взад и вперед со странным выражением во взгляде черных глаз.

И вот я закончила. Встряхнула и разложила платье. Выкройка была проста: от завышенной талии вниз расходились серебряные волны. Я решила примерить платье, чтобы посмотреть, как оно сидит. Вспомнила, что в моей комнате есть высокое зеркало, и понесла туда платье. Немного нервничая, я надела его, стоя спиной к зеркалу. Когда же я повернулась, то с трудом узнала себя и рассмеялась.

Я выглядела забавно, как неуклюжая девчонка, примеряющая мамино свадебное платье. Я состроила себе рожицу, потом поморщилась и сказала:

– Вот что значит одевать в сказочные платья девочку, которая привыкла к грязным сапогам и разорванным плащам!

Как бы то ни было, мне понравилось шить, и я целиком погрузилась в изготовление второго платья – теперь из золотых ниток. Эти нитки тоже были необычные, не толще нити паутины, но прочные, как и серебряные. Мне казалось, будто они попали ко мне из волшебной сказки. И золотое платье получилось еще прекраснее, чем серебряное.

Так я дошла до жемчужных ниток. Когда я ткала полотно, я рассказывала медведю сказку про девушку с севера и про то, как поющая Вэйна обманула Сеппо, который сотворил небо. Она заставила его пойти в ледяные земли, спев ему про гигантскую сосну, у которой на ветвях висели звезды и луна. По наклону головы и выражению глаз медведя я поняла, что он внимательно слушает.

Ткань рождалась в моих руках и удивляла меня все больше и больше. Золотая и серебряная были прекрасны, но красота жемчужной вообще не поддавалась описанию. Это было что-то неземное, похожее на северное сияние. Помню, как я первый раз в жизни увидела его, – у меня даже дыхание перехватило, и я решила, что вижу путь в совершенно иные миры, в сам Асгард, где жили Фрейя, Идунн и бог грома Тор.

¹² *Сиф* – красавица богиня плодородия. Красивее ее только Фрейя. Волосы Сиф сделали из золота гномы.

Я не поняла, когда папа объяснял про феномен полярного сияния. Для меня это было настоящее волшебство. А ткань, которую я сделала, получилась похожей и на северное сияние, и на лунный свет. Она блистала изумительными, как будто живыми, жемчужинами, когда ее освещали сбоку.

Пришло время делать выкройку, но я не стала смотреть в книги, а позволила ткани самой вести меня.

Я работала с полотном очень внимательно и осторожно. Случайно нашла моток жемчужных лент и коробочку жемчужных пуговиц, которых раньше не замечала, и украсила ими платье. Я была так увлечена, что не обращала внимания на медведя.

Как только я пришила последнюю пуговицу, тут же помчалась в свою комнату. И даже забыла закрыть за собой дверь.

Я надела платье и встала перед зеркалом. На секунду поняла, насколько я красива, и улыбнулась своему отражению. Мечтательно представила, как можно было бы поднять волосы наверх и завязать их жемчужной лентой.

Вдруг раздался какой-то звук. Отрывистый вздох, какой я однажды уже слышала, когда еще только поселилась в замке. Я обернулась и увидела, что в дверях стоит белый медведь.

У меня мороз пробежал по коже. Первый раз за все это время я испугалась. Казалось, целую вечность на меня смотрели свирепые и печальные черные глаза. Наконец медведь опустил голову, постоял немного, потом развернулся и ушел.

Мои щеки пылали, сердце бешено колотилось. Я подошла к двери и захлопнула ее. Заметила, что руки дрожат.

Я быстро сняла обновку и надела старую одежду. Рядом с сияющей жемчужной тканью мое старое шерстяное платьишко смотрелось особенно убого. Вместо того чтобы тратить время на ненужные бальные платья, мне следовало бы сшить себе новую повседневную одежду.

«Хватит сказочных платьев», – сказала я себе твердо. Но лицо продолжало гореть, и я не знала почему.

Белый медведь

Сияние.

Тяжело дышать.

Сердце вот-вот разорвется.

Луна сквозь дверь.

А в ее свете...

Надежда.

Недди

Когда отец вернулся из поездки, он рассказал про свои поиски и про мелькнувший лучик надежды. Нелепо было доверять пьяным бредням, но мы оба ухватились за них.

Тем временем удача повернулась к нам лицом. «Маршрутные карты» оказались даже более успешным и выгодным делом, чем рассчитывал Сорен. Спрос на них рос, требовались все новые маршруты. Мы с братом и сестрой взялись помогать отцу делать новые карты на основе планов, которые он привозил из поездок. Папа руководил нами и проверял, а потом снова уезжал. Я разрывался между этой работой и ведением хозяйства на ферме, времени на чтение книг почти не оставалось.

Я заметил, что в папино отсутствие мама стала еще более суеверной. Еще мы все заметили, что мама подружилась с вдовой Озиг. Неприятная старуха зачастила к нам, как только почувствовала, что дела у нас пошли на лад. Сначала нас удивляла эта дружба, но потом мы обнаружили, что вдова не менее суеверна, чем наша мама. Роуз как-то говорила мне об этом, но тогда я не обратил внимания. К тому же мама нашла траву, которая облегчала ревматизм вдовы, что их немало сблизило.

Однажды я подслушал их разговор об амулете, который носят на лодыжке и который должен привести к тому, что было потеряно. Мне показалось, что вдова прошептала имя Роуз,

но мама покачала головой, покосившись на меня. Я понял, насколько мама доверилась вдове, и мне стало неприятно от этой мысли.

Отец вернулся из далекой поездки, но в этот раз не привез никаких новостей. Он казался очень уставшим. Вскоре я услышал, как они с мамой ссорятся. Она заставляла его взять с собой амулет, когда он поедет в следующее путешествие. Отец, судя по голосу, с трудом сдерживал ярость.

– Мне не нужны твои амулеты, Ольда. Из-за этих суеверий мы потеряли дочь, так что хватит с меня!

И он ушел.

Я сперва хотел броситься к маме и утешить ее. Она стояла грустная и растерянная. Но потом я увидел, как она пожала плечами и на лице появилось спокойное выражение. Тогда я повернулся и тоже ушел.

К тому времени у нас появились деньги, чтобы получше обустроить ферму и кое-что прикупить. Одной из первых покупок стал станок вдовы Озиг – тот, что мы починили. Хотя мне казалось, что вдова могла бы подарить его нам. Ведь если бы не мы, он стоял бы и гнил до сих пор в кладовке вдовы. Но, несмотря на дружбу с мамой, старуха оставалась такой же жадной, как и всегда. Мама намыла и отполировала станок и поставила его на почетное место в нашей гостиной, где он ждал возвращения Роуз.

Вдова взяла привычку сопровождать маму в поездках по магазинам. Больше всего времени они проводили в лавке Сикрама Ралатта, бродячего торговца, который недавно осел в Андальсинах. Он продавал различные снадобья и травяные настои, а также всевозможные амулеты и талисманы. Папа много путешествовал и работал в своей мастерской, поэтому обращал мало внимания на то, что делала мама. Но я-то видел и беспокоился.

Роуз

Я принялась за платье из простой серой шерсти. Грубая нить под пальцами успокоила меня. Я повесила золотое, серебряное и лунное платья в большой шкаф в моей комнате рядом с остальными вещами. Каждый вечер перед сном я рассматривала их и каждый раз приходила в смущение. Я все время напоминала себе, что сделала их для продажи, но сама же себе не верила.

Однажды вечером я поняла, что больше не могу на них смотреть, и решила запаковать платья, чтобы взять с собой, если... нет, *когда* я уйду отсюда. Ничего другого из замка я не собиралась брать, а платья почему-то, не раздумывая, считала своими. Я ведь сделала их сама, а нитки... Ну это была небольшая компенсация за мою потерянную свободу.

Я положила серебряное платье на кровать и начала складывать его. Оно было немаленькое, юбки доставали до пола. В мой вещевой мешок оно не поместилось бы. Но тут случилось кое-что удивительное. Тончайшая ткань сжалась и с каждым моим движением становилась все меньше. Я продолжала складывать платье, дивясь странному свойству ткани, и наконец оно уместилось у меня на ладони. Я недоверчиво уставилась на крошечный серебряный сверток.

Потом я заволновалась, что с платьем что-то случилось, что оно рассыпалось и его невозможно будет надеть, и принялась разворачивать его. И что же я увидела? Платье снова было большое, красивое и совсем не мятое. Тогда я опять его сложила и проделала то же самое с золотым и лунным платьями.

Я разложила три свертка на кровати и решила проверить, влезут ли они в кожаный кошелек, который сделал Недди. У меня не было денег, поэтому я держала в нем швейные иголки, булавки и несколько катушек с нитками.

Я вытащила его из мешка и вытряхнула из него набор для шитья. Платья разместились в кошельке, как будто он был предназначен именно для них. Я положила кошелек обратно в мешок, который закинула в шкаф.

Серое платье я закончила быстро, хотя работать над ним было скучнее, чем над тремя предыдущими платьями. Потом я сделала толстые шерстяные чулки, варежки, шапку и шарф – из той же серой шерсти. Это было похоже на возвращение к черствому хлебу с водой после

шампанского и пирожных со сливками. Может, конечно, эта одежда и впрямь была скучной, но работа принесла мне пользу, и я осталась ею довольна.

Однажды ночью я заметила, что мой гость дрожит сильнее обычного. Я чуть было не заговорила, собираясь предложить ему еще одно одеяло, но прикусила язык. Зато в это мгновение поняла, что дальше сделаю на станке.

Я изготовлю мягкую теплую ночную рубашку для моего бесшерстного мишки, как я прозвала его про себя. А для ткани возьму его собственный мех, тогда рубашка будет очень теплой. Если найду клочки белой шерсти в замке, буду собирать их. Как во время нищеты, когда я берегла каждый клочочек овечьей шерсти, который находила на кустах, на заборе.

Шерсть медведя была такая роскошная, мягкая, и я насобираала ее целую корзину. Я никогда еще не пряла медвежью шерсть, но решила, что сумею управиться с нею. Я смешала шерсть медведя с мягкой белой ниткой овечьей шерсти, которую нашла в ларе, и вскоре напярала достаточно для выполнения задуманного. Вдела нить в станок и принялась ткать.

Белый медведь почти не появлялся все это время. Судя по моему календарю, пришла весна, хотя я не могла сказать, есть ли почки на ветке, которую я видела из окошка.

Работая над ночной рубашкой, я решила, что нужно получше выучить французский язык. Мама говорила, что у меня есть талант к языкам, но я не использую его, потому что не могу усидеть за книжкой. На самом деле, я занималась французским только потому, что собиралась объехать весь мир на спине моего воображаемого мишки, поэтому должна знать как можно больше иностранных языков. Мама научила меня еще немецкому и гренландскому наречиям. Мне самой всегда нравилось подхватывать иностранные словечки от незнакомцев, которые проходили через наши края.

Я уже почти закончила ночную рубашку, когда меня вдруг стала одолевать тоска по дому. Наверно, это из-за весны или просто я пробыла в замке слишком долго. Я старалась побороть уныние и сосредоточилась на белом мягком полотне.

У меня получилась длинная рубашка большого размера. Я решила не пришивать пуговицы или ленты, а сделала так, что рубашку можно было надевать через голову. Если мой гость оказался бы не медведем, а человеком, то ворот можно было бы пристегивать брошкой. Такую брошку я обнаружила в музыкальном зале. Это была маленькая серебряная флейта, очень похожая на ту, что лежала в коробке, обтянутой синим бархатом.

В один из вечеров, закончив рубашку, я аккуратно разложила ее на дальней части кровати вместе с брошкой.

Мне было очень интересно, что мой гость сделает. Изменится ли что-нибудь в его поведении? Наденет ли он рубашку? Может, наконец он заговорит со мной? Или даже не заметит белую ткань в абсолютной темноте?

Я лежала и с нетерпением ждала. Вот едва слышно скрипнула дверь. Свет не просочился в комнату, потому что в это время в коридорах было темно. Как обычно, в полной тишине гость подошел к кровати. Теперь я должна была почувствовать, как прогибается матрас и натягивается одеяло, но этого не произошло. Я прислушалась. Что он делает?.. Да, кажется, рубашку взяли в руки. Раздалось шуршание, как будто ее натягивали на тело, руки – в рукава, голову – в ворот, а потом тихонько звякнуло что-то металлическое – видимо, пристегивали брошь.

Далее матрас прогнулся, как всегда, одеяло натянулось, и все. Я не ждала слов, например подходящей по случаю благодарности, поэтому тишина не огорчила меня.

Утром рубашка оказалась аккуратно сложенной в ногах кровати с дальней стороны, брошь была приколотая к вороту. Это меня очень порадовало. Значит, рубашкой попользовались и оценили ее. Да и прошлой ночью я не заметила, чтобы гость дрожал.

Пока я одевалась, я все смотрела на сложенную рубашку. Потом не сдержалась, подошла к ней, развернула, прижала к лицу и вдохнула запах.

Она пахла белым медведем. Такой запах был, видимо, из-за того, что я смастерила рубашку из его шерсти. Кроме того, я почувствовала еще один очень слабый запах непонятного происхождения – приятный запах.

Я снова сложила рубашку и положила ее на место.

Каждую ночь я клала рубашку на кровать и каждое утро находила ее, сложенную, в ногах

кровати. Теперь мой гость больше не дрожал.

Я стирала рубашку каждую неделю вместе со своей одеждой. Эту работу я с самого начала делала сама, устроив специальную комнату для стирки. В ней был огромный камин для подогрева воды и камни, которыми я наловчилась гладить. Белокожая женщина и карлик помогали мне и всегда разводили огонь в камине, когда у меня была стирка. Ночная рубашка никогда не бывала грязной и все время пахла так, как в первый раз, когда я понюхала ее. Но мне хотелось, чтобы она была свежей.

Как-то раз я стирала рубашку и уже последний раз прополоскала ее и расправила, чтобы вода стекала с ткани. И вдруг услышала звук. Опять тот самый вздох... В дверях стоял медведь и смотрел на меня алчным, почти голодным взглядом. Я испугалась, уронила рубашку обратно в чан, обрызгалась горячей водой и вскрикнула. Медведь сделал несколько шагов ко мне. Он посмотрел мне прямо в глаза, завыл, как будто от боли, мотнул головой и быстро пошел прочь.

Тоска по дому становилась все невыносимее. Думаю, из-за того, что мне больше нечего было делать на станке. А может, наоборот, из-за этой тоски мне не хотелось работать, шить, пряхть. Сидение за станком вдруг стало для меня скучным и утомительным занятием.

Я постоянно думала о семье, пыталась представить их всех весной на ферме. Точно я не знала, там ли они сейчас. Возможно, уже и нет – ведь они собирались уезжать. Но я все равно представляла родных дома, в знакомых местах.

Я вспоминала лес вокруг фермы, подснежники, которые должны появиться у ручья, ковер из вереска, застилающий западные холмы. Я часами сидела на красном диванчике, рассеянно глядя на огонь в камине, и вспоминала, как ветер гладил мою кожу, а солнце припекало голову.

Если я не сидела в своей комнате, то стояла у окошка наверху. Я ясно различала на одинокой ветке почки, которые начинали раскрываться. Тщетно пыталась просунуть руку в окошко и дотянуться до листочков – ветка была слишком далеко. Иногда становилось больно смотреть на синее небо и свежие зеленые листья, и тогда я возвращалась в свою комнату.

Белый медведь приходил ко мне. Я знала, что ему тоже тяжело. Черные глаза печально смотрели на меня, как будто он вместе со мной тосковал и не находил себе места.

Я больше не разговаривала с ним и не рассказывала ему историй. Я злилась. В конце концов, именно из-за него я выпала из привычной жизни. Когда мысли об этом переполняли меня, я вставала и уходила из комнаты. Бродила бесцельно по коридорам и комнатам замка. Медведь не ходил за мной.

У меня началась бессонница. Я ворочалась, металась во сне. Мне стало безразлично, не беспокою ли я невидимого соседа. Хотя, несмотря на свое состояние, я не нарушала негласных правил и не разговаривала с гостем. Что-то удерживало меня. И я так же раскладывала рубашку на ночь, но теперь уже по привычке.

Я мало ела и похудела, но мне было все равно. Ничего не хотелось, разве что сидеть и смотреть на огонь или бродить по замку. Я потеряла интерес к календарю и не знала, какой теперь день и месяц. В конце концов из всех чувств у меня осталась только досада на медведя, но и она со временем притупилась.

Однажды я сидела на диване и смотрела в никуда. В комнату вошел медведь. Он не лег, как обычно, а встал напротив меня и заговорил. Я давно не слышала его голос.

– Ты... больна?

– Нет, – вяло ответила я.

– Не ешь... бледная.

– Не хочу есть.

– Несчастливая... – начал он угрюмо. – Одиноко?

Я взглянула на него:

– Мне нужно домой. Или я умру.

Из глубины его груди вырвался стон.

Я почувствовала, как во мне просыпается что-то прежнее.

– Ты должен отпустить меня. Я вернусь. Пожалуйста.

Он опустил голову и так знакомо кивнул головой. У меня забилося сердце. *Домой. Свежий воздух. Ветер.* Я чуть в обморок не упала.

– Когда? – Я с трудом сдерживала волнение.

– Завтра.

Недди

Стояла замечательная весна. Дни были ясные, голубое небо сияло. Но красота этих дней еще сильнее заострила тоску по Роуз.

Только овцы начали ягниться, как я заметил, что мама и вдова опять что-то задумали. Они все шептались и часами пропадали в лесу. Думаю, они готовили что-то вроде амулета – либо для того, чтобы вернуть Роуз, либо для того, чтобы примирить маму с отцом. Если бы папа был дома, я бы поговорил с ним, но он опять уехал.

Сорен рассказал мне, что в Тронхейме живет один ученый, которому нужен ученик. Услышав обо мне, он захотел со мной встретиться. Я знал, что Сорен мечтает перевезти мастерскую в Тронхейм, потому что он подбивал меня помочь ему. Мне очень хотелось встретиться с ученым, но я чувствовал то же, что и отец. Мы не могли уехать с фермы из-за Роуз. Поэтому я сказал Сорену, что еще не готов, и поблагодарил за столь великодушное ко мне отношение.

Как-то я возвращался из мастерской домой на обед. Мы с Виллемом и Зордой завершили один из последних заказов Сорена, и я собирался посидеть вечер над книжками, которые тот прислал. И тут увидел, что кто-то в сером стоит па крыльце. Она смотрела в другую сторону, но я сразу ее узнал.

– Роуз! – крикнул я, не веря своим глазам.

Она повернулась ко мне. Я подбежал к ней, обнял и заплакал. Потом отошел от нее и долго смотрел, как она стоит на крыльце, настоящая, живая. Сестра как будто немного похудела, но выглядела счастливой.

– Роуз, неужели ты вернулась? Не могу поверить, – проговорил я.

Ее губы дрогнули.

– Я ненадолго, Недди, – тихо сказала она.

– Почему?

– Я пообещала.

– Белому медведю?

– Да.

– Где он?

– Ушел, но вернется за мной.

– Сколько ты побудешь с нами?

– Месяц.

– Так мало! Конечно... – Я замолчал, когда увидел выражение ее лица.

Зорда и Виллем услышали наши голоса и вышли из дому. Их радость была неопишуема. Вскоре на дороге показалась Зара с мамой и вдовой Озиг.

– Роуз? Это Роуз? – закричала Зара.

И мама, Роуз и Зара кинулись друг к другу в объятия, пока вдова стояла и смотрела.

– Зара, ты хорошо выглядишь! Ты полностью выздоровела? – спросила Роуз.

Зара улыбнулась и кивнула.

– Я так рада тебя видеть! – И Роуз снова принялась обнимать сестру.

– Но, Роуз, ты так исхудала! – воскликнула мама со слезами на глазах и прижала ее к себе. – Пойдем в дом. Суп на плите. А потом все нам расскажешь.

Но Роуз уже опять рассматривала ферму и двор и едва слышала мамины слова.

– Все изменилось! Новая мебель, свежие краски. Что случилось, пока меня не было?

– Долго рассказывать, – ответила мама. – Садись, я налью тебе супчика. Зара, дай Роуз яблочного меда.

Роуз послушно села. И тут увидела станок.

– Ой, это же станок вдовы Озиг! Как мило было с вашей стороны отдать его нам, – сказала она вдове.

Та немного смутилась, но мама пришла ей на помощь:

– Теперь он твой, Роуз. Я знала, что ты вернешься.

Они с вдовой обменялись взглядами, когда мама ставила миску с супом перед Роуз.

– Прости, мама, но... я не голодна. Где папа?

– Папы нет, Роуз. Теперь он занимается картами и уехал исследовать далекие края.

– И искать тебя, – добавил я.

– Занимается картами? Я так рада! – воскликнула Роуз с воодушевлением. – Когда же он вернется?

– Мы не знаем, – ответил я. – В прошлый раз он ездил почти два месяца.

– О нет! – огорчилась Роуз. – У меня нет столько времени...

– О чем это ты? – резко спросила мама. – Ты ведь вернулась навсегда, правда, Роуз?

Роуз покачала головой. Я увидел, что она стиснула пальцы.

– Роуз пришла нас навестить, – объяснил я. – Она может побыть с нами только месяц, не больше. Пойдем, Роуз, я покажу тебе новую мастерскую папы.

Сестра быстро поднялась, одарив меня благодарным взглядом.

– Я потом поем, мама, – пообещала она, выходя во двор.

– Папа на самом деле занимается картами, Недди? – спросила Роуз. – Расскажи мне обо всем!

Мы шли, и я рассказывал ей по порядку о том, что случилось после ее отъезда. Мастерскую я так и не показал, потому что мы решили прогуляться до нашего любимого места – склона холма, где Роуз впервые показала мне плащ с розой ветров.

Она слушала меня с изумлением. Когда рассказ был окончен, я взял сестру за руку.

– Теперь твоя очередь. Расскажи мне, где ты была и что с тобой происходило.

Она молчала.

– Не могу, Недди, – сказала она наконец.

Высвободила руку из моей и отвернулась.

– Как хороню дома! – прошептала она.

Я улыбнулся. Лотом Роуз наклонилась, сорвала веточку вереска, поднесла ее к носу и глубоко вдохнула.

– Потрясающе, Недди. Ты даже не представляешь, как здорово! – И она пошла дальше, притрагиваясь к траве, кустам и вдыхая их аромат.

Наконец она села рядом со мной.

– Прости, Недди. Мне очень хочется рассказать тебе все, но я не могу. Там было кое-что очень хорошее. По бывало и очень трудно. – Она закрыла лицо вереском. – И одиночество. Когда ты заперта... – Роуз вздрогнула, но сразу же просияла. – Недди, там здорово. Я не против вернуться туда, если иногда смогу бывать здесь.

– Но почему ты должна вернуться? Ты ничего не должна белому медведю.

– Зара выздоровела, – ответила Роуз. – И папина работа... удача вернулась в нашу семью, потому что я...

– Ты как мама! Роуз, это не связано с медведем. Это было случайное стечение обстоятельств, не более. Гаральд Сорен помог нам, а не медведь.

Роуз посмотрела на меня. У нее во взгляде было такое желание поверить мне!

– Наверняка никто не знает, Недди, – проговорила она медленно. – Кроме того, я пообещала.

– Медведю.

Она кивнула, глаза ее заблестели. Она, наверное, хотела заплакать, но не стала.

– Давай больше не будем об этом говорить, Недди.

– Хорошо, но если ты захочешь о чем-нибудь рассказать, я всегда буду рядом.

– Спасибо, – нелепо ответила Роуз.

И мы пошли назад к ферме.

– Кстати, что тут делает противная Озиг? – тихо спросила Роуз, увидев, как мама и вдова выходят из дому.

– Они с мамой теперь лучшие подруги.

– А папа что думает об этом?

– Вряд ли он замечает, его все время нет. И вообще... – Я замолчал. – У мамы с папой не очень ладится.

- Из-за меня? – быстро спросила Роуз.
- Скорее всего, – неохотно ответил я.
- Мне горько это слышать. Как хочется, чтобы папа приехал!
- Да! – горячо воскликнул я. – Как бы он обрадовался, что ты вернулась!

Роуз

Я всегда считала, что время – очень переменчивая штука. Когда вы несчастны и делаете что-то скучное, время едва тащится. Но когда вы счастливы, оно несется быстрее, чем лыжник с заснеженной горы. Дома время пролетело незаметно. Мне так хотелось, чтобы папа вернулся! Он узнал бы, что я жива и невредима, а я могла бы извиниться за свою жестокость к нему. Когда я представляла себе, как он бродит где-то далеко и ищет меня, радость от пребывания дома меркла.

Путешествие из замка с медведем очень напоминало дорогу в замок, только теперь медведь не спешил, а я не смущалась и не пугалась. Когда я вышла из замка в гору, то чуть не расплакалась. Потом долго стояла и вдыхала свежий воздух впервые за полгода, упивалась запахом весенних цветов. Это было высшее блаженство.

Медведь понаблюдал за мной, давая время насладиться, а потом сказал:

– Пойдем.

Я забралась ему на спину. Теперь, когда я хорошо узнала его, мне было странно ехать у него на спине, как будто он был моей лошадью. Как если бы я забралась на спину Недди. Но я быстро отвлеклась от таких мыслей, потому что медведь задвигался, и мне пришлось сосредоточиться, чтобы не упасть.

Иногда мы останавливались поесть и отдохнуть – вдалеке от человеческого жилья. Медведь находил ягоды и фрукты и даже приносил мне свежее мясо: тюлень, когда мы были около моря, и барсучье в глубине полуострова. Я готовила его на огне. Appetit вернулся ко мне.

В этот раз я даже получала удовольствие от путешествия. Я снова изумилась ощущениям, которые испытала, находясь в шкуре тюленя. Это было самое необычное – плыть под водой, ничего не видя, когда тебя несут, словно ребенка.

Он несколько раз со мной заговаривал. Наверное, поэтому мы двигались медленно. Разговоры всегда утомляли его, и потом он передвигался уже не так быстро.

После того как мы переплыли море, у нас был первый привал. Он сказал мне тогда:

– Только ненадолго... Если ты не вернешься... великое горе.

На слове «горе» он сделал особое ударение, хотя это не было похоже на угрозу. Как будто на этом его власть заканчивалась, а начиналась чья-то еще.

– Месяц... один цикл луны... не дольше.

– Поняла.

– Они... семья... захотят, чтобы ты осталась... Сделают что-нибудь...

– Даю слово, – сказала я, раздраженная тем, что мою семью подозревали в нечестном поведении.

Медведь с великим усилием продолжал:

– Не говори... Они спросят... не рассказывай.

Он был печален, глаза его смотрели на меня с мольбой.

– Я обещаю.

– Твоя мать... Будь осторожна... Не говори... про белого медведя.

Разговор измотал его, я видела. Ему приходилось бороться за каждое слово.

– Не оставайся... наедине с матерью... не слушай.

Он завыл как от боли, развернулся и медленно пошел прочь. Скрылся из виду в большой роще. Немного спустя вернулся с двумя зайцами. Мы не разговаривали, пока я готовила их.

Он оставил меня неподалеку от фермы, около ручья с ивами.

– Я... дальше не пойду... Через месяц... здесь... я буду ждать. – Его глаза пристально изучали меня, как будто он старался надолго запомнить мой облик.

Мне почему-то хотелось обнадежить его.

– Я приду сюда. Через месяц.

Потом я подняла глаза и увидела новую круглую серебристую луну.

– Когда луна опять станет круглой.

Он опустил голову, повернулся и побрел назад. В то мгновение было невозможно представить, что у такого зверя может быть что-то общее с невидимым гостем, который спал рядом со мной каждую ночь. И тут я вспомнила, что в последнюю ночь в замке мой гость опять дрожал – впервые после того, как я сделала ему рубашку.

– Роуз?

Это была мама. Я жила дома уже почти две недели и в тот день ходила прогуляться одна. Я сказала, что иду набрать цветов к обеденному столу. Я была погружена в свои мысли, когда мама нашла меня около ручья. Я вздрогнула и уронила несколько веточек вереска. Она наклонилась и подобрала их.

– Прости, что испугала тебя, – сказала мама, – но я хотела побыть с тобой наедине. С тех пор как ты вернулась, мы почти не бываем вдвоем.

Я взяла у нее цветы.

– Уже пора ужинать, да? Давай лучше вернемся, – сказала я и быстро пошла к ферме.

Но мама схватила меня за руку, и я замедлила шаги.

– Роуз, не спеши. Я должна поговорить с тобой. Это очень важно.

Голос ее дрожал, и я с удивлением посмотрела на нее.

– Я хочу объяснить тебе. Про твое рождение. Я встревожилась.

– Ты так внезапно ушла, у меня не было возможности... – Голос ее сорвался, но она собралась с силами и продолжила: – Я знаю, ты очень рассердилась из-за того, что мы скрыли от тебя правду. Теперь я поняла, что правду я скрывала от себя самой. Я так настроила себя на обман, что не могла принять ничего другого. Твой отец пытался убедить меня, но я не слушала. Я признаю, что у тебя есть черты северного ребенка.

Я открыла было рот, но она остановила меня.

– Хорошо, возможно, ты целиком и полностью северная. Я не знаю – слишком тяжелые были роды. Но скажу тебе, что была причина, почему я не хотела, чтобы ты родилась на север. Причиной тому любовь, а не упрямство. Я очень люблю тебя, Роуз, независимо от того, в каком направлении ты родилась.

Мои глаза наполнились слезами. До этой минуты я и представить не могла, что моя мама способна произнести такие слова. Но именно их я страстно желала услышать.

Она увидела слезы у меня на глазах, обняла меня и нежно погладила по голове. И я снова почувствовала себя маленькой девочкой, которую жалеют и успокаивают.

– Какие причины, мама? – спросила я наконец.

Она немного поколебалась:

– Слова гадалки. Она предсказала, что...

– Что? – Я сжалась и отпрянула от нее.

– Что все мои северные дети умрут, – неохотно проговорила мама. – Погибнут под снежными обвалами.

– Понятно.

– Нет, это мне понятно теперь, что поверить таким словам было верхом глупости. Вот на днях я слышала, что у Агнеты Гутбьёрг родилась девочка, хотя та самая гадалка предсказывала мальчика.

– Я рада это слышать, – просто сказала я, и мы улыбнулись друг другу.

Потом направились к дому.

– Хоть бы отец поскорее вернулся! – вздохнула мама. – Недди, наверное, говорил тебе, что у нас с отцом последнее время не ладится. Думаю, если он увидит, что ты дома, отношения наши улучшатся.

– Мне бы очень этого хотелось.

Мы немного помолчали.

– Можно я... – она замаялась, – спрошу про то, как ты жила эти последние месяцы? Ты ни в чем не нуждалась? Еда у тебя была? Ты так похудела.

– Это только из-за тоски по дому. Там не так уж и плохо, мама. И очень сытно кормят.

– А белый медведь? Он живет там же, где и ты?

– Да. Мама, я не могу рассказывать об этом. Я обещала.

Она внимательно посмотрела на меня, как будто пыталась угадать, действительно ли я была в безопасности.

– Белый медведь добр ко мне, – сказала я.

– А что это за место?

– Я называю его замком, хотя он больше похож на просторное охотничье жилище, как у богатых людей из Андалусинов в горах.

– А прислуга есть?

– Да, вроде того. Я их почти не вижу.

– И чем ты там занимаешься?

– Тку или шью. Там просто потрясающий станок. Я сделала это платье. – Честно говоря, показывая на свою одежду, я сразу вспомнила про бальные платья, которые лежали в кожаном кошельке, но его, к сожалению, я оставила в замке.

– Оно симпатичное, Роуз. Я рада, что у тебя есть станок. А ты видишься с медведем каждый день?

– Обычно да, – кратко ответила я и попыталась идти быстрее, но мама крепко держала меня за руку. Она не спешила.

– А где ты спишь? У тебя удобная кровать?

Я насторожилась:

– Очень.

Заметив, что Недди выходит из новой мастерской отца, я вздохнула с облегчением. Вытащила руку из маминой и помахала Недди, выкрикивая его имя.

Мама, по-моему, даже поморщилась, когда Недди подошел к нам. «Она хотела порасспрашивать меня еще, – подумала я. – Белый медведь был прав».

Медведь оказался прав и еще кое в чем. В первый же вечер за ужином каждый из семьи, кроме мамы и Недди, что-нибудь да сказал о том, что вовсе не из-за медведя выздоровела Зара и удача вернулась к нам в дом. Это все Гаральд Сорен помог – и еще, конечно, папин талант. Появление белого медведя, его просьба и мой уход с ним были лишь случайным совпадением. Даже Зара сказала, что белый медведь – хоть и говорящий – не мог вылечить ее. Ее вылечил доктор с помощью лекарств. Таким образом, единодушно решили они, мне не нужно возвращаться. Я должна остаться дома.

Я повернулась к маме:

– Что ты думаешь? Это было совпадение?

Мама поставила на стол кувшин со сладкими сливками для свежей клубники, которая лежала у нас в тарелках, и в упор посмотрела на меня.

– Нет. Не думаю, что это совпадение. Удача вернулась, потому что мы дали медведю то, что он просил. Но, Роуз, я считаю, что теперь ты можешь думать, что твое обязательство выполнено.

– Белый медведь просил меня вернуться. И я пообещала.

– Я не понимаю... Сикрам Ралатт ясно сказал... – Мама выглядела озадаченной. – В таком случае, хоть мне невыносимо больно говорить об этом, ты должна вернуться.

– Мама! – закричала Зара.

– Как ты можешь, мама? – возмутилась Зорда.

Я слушала, как они хором выражали протест и разочарование, а потом сказала с улыбкой:

– Впереди еще столько времени. Давайте не будем вспоминать о расставании раньше срока. Мама, можно еще клубники?

Недди

Я чувствовал, что от маминых слов Роуз стало больно. Или это мне стало больно? Я не мог поверить, что мама опять идет на поводу у суеверий. Хотя мама и Роуз придерживались одного мнения – что Роуз должна вернуться к медведю, – убеждения эти происходили из разных соображений. Для Роуз это было делом чести: она обещала. А мама... Ну не желала она

поступать вопреки своим дурацким суевериям. Если бы только папа был здесь!

Мы ждали его каждый день, а он не возвращался. Мы освободили Роуз от домашних обязанностей на ферме, но она все равно работала с нами. Она шепнула мне на секрету, что соскучилась по ежедневной работе по хозяйству, и рассказала, что ее прачечная в замке была единственным местом, где она могла делать все сама. Время от времени она делилась какими-нибудь мелочами из ее жизни в замке, и постепенно у меня в голове сложилось определенное представление.

– По твоим рассказам складывается впечатление, что медведь тебе нравится, – сказал я однажды, после того как Роуз описала мне ее обычный вечер у станка с рассказыванием сказок.

Она немного удивилась:

– Ну да, наверное, в какой-то степени. Иногда мне его жалко. Когда я вижу в его глазах что-то человеческое, изо всех сил пытающееся зацепиться, остаться... Для тебя это все бессмысленно, должно быть.

– Ты сочувствуешь ему.

– Да. – Роуз посмотрела вдаль. – Особенно когда он дрожит... – Она виновато замолчала.

– Дрожит?

– По ночам. Понимаешь... – Она опять замолчала. – Ты должен пообещать, что никому не скажешь, – произнесла она очень серьезно. – Особенно маме.

Я пообещал.

– Мне кажется, я не должна рассказывать о том, что было в замке по ночам, хотя он никогда мне не запрещал... Это так странно и неловко. Может, если я расскажу тебе, то сама что-нибудь пойму. – И она поведала мне про своего ночного гостя и про темноту, которую нельзя осветить. И еще про ночную рубашку, которую она ему сделала. И наконец, про подозрения, что это белый медведь спит рядом с ней.

– Иногда меня раздражает неведение. Хочется подойти и посмотреть на него. Но я не осмеливаюсь. Я пробовала зажигать разные лампы и даже сама делала фитилек. Но ничего не получается. Думаю, это волшебство, Недди. Что скажешь?

Я не знал, что сказать. Ее история была фантастична, как те сказки, которые я сам рассказывал Роуз, когда она была маленькой.

Я покачал головой. Но внезапно меня осенило.

– Поэтому ты вернешься туда? Чтобы разрушить колдовство?

Роуз рассмеялась:

– Так смешно слышать это от тебя! На самом деле, я чувствую, что мне что-то нужно сделать, но не понимаю что. Если я догадаюсь, то смогу помочь белому медведю.

– Может, хватит того, что ты просто там находишься? Может, ему одиноко? А когда ты с ним, человеческое в нем не угасает.

Роуз улыбнулась:

– Недди, ты очень умный. Думаю, их лучше поставить в воду. – Она наклонилась и подняла охапку цветов, которые нарвала до этого.

В это мгновение краем глаза я заметил, как среди деревьев мелькнуло что-то зеленое – очень похожее на мамин плащ. Я догадался, что мама подслушивала наш разговор. Интересно, что она успела услышать? Я решил не говорить Роуз, не хотел, чтобы она злилась на маму.

Это было очень-очень глупое решение.

Королева троллей

Нужно быть готовой предвидеть и планировать события, которые дадут желаемый результат в нужное время. И если есть условия – какая безумная трата времени! – значит, необходимо использовать свои умения, чтобы все произошло так, как нужно мне.

Вселить в деревню мягкокожих лекаря совсем не сложно – переодеть молодого тролля, который горит желанием послужить своей королеве. Дать ему товары и научить словам, которые заманят пару глупых мягкокожих женщин.

Даже если она воспротивится собственной природе и вернется к нему, я все равно одержу победу в этой битве. Как и полагается королеве.

Скоро все закончится.
И у меня будет муж.

Поуз

Оставался всего один день до моего отъезда, а отец не возвращался. Родные уговаривали меня остаться и подождать его. Я на миг представила, как приду к медведю и скажу: «Еще немножко. Только отца дождусь». А потом вспомнила его глаза.

Горе, о котором он говорил, – интересно, с кем оно случится? Со мной или с ним?

Я представила, как за мной закрываются двери замка в горах, и задохнулась, а сердце бешено забилося в груди. Я вспомнила свое отчаяние, безразличие ко всему в последние дни и испугалась. А вдруг на этот раз я умру!

Я сказала себе, что месяц свободы даст мне сил надолго. И может, медведь позволит мне вернуться домой снова – даже больше чем на месяц. Хотя сама не верила в это.

В любом случае не важно. Я обещала.

Я была в комнате с сестрами, собирала вещи. Вошла мама. После того единственного разговора мы больше не оставались наедине, и поэтому я чувствовала себя немного виноватой. Когда она вошла, у меня сердце ушло в пятки, но я улыбнулась ей.

– Я тебя не побеспокою, – сказала она. – Я просто принесла кое-что тебе в дорогу.

Она протянула мне кувшинчик, положила на кровать какой-то пакет и развернула его.

– Это мед от соседа Торска. И смотри, вдова Озиг сделала для тебя рубашку.

– Ой, какая хорошенькая! – сказала я и с удовольствием провела рукой по мягкой шерсти цвета вереска. Наверняка мама щедро заплатила вдове за работу.

– И еще ириски, которые ты любишь. Новый платок. Несколько лент для волос от Зары... У тебя волосы стали такие длинные, дорогая, и такие красивые. Ах да, еще свеча и кремень. Это особый кремень, и свеча не простая. Мне сказали, что она не погаснет даже на сильном ветру. Так это или нет, сказать не могу, но, думаю, может пригодиться по дороге в замок.

Я посмотрела на свечу кремового цвета, потом на маму. Неужели Недди рассказал ей про темноту в моей спальне?! Я не верила, что он мог так сделать. Хотя свеча, которая не гаснет... Мамино лицо выражало спокойствие и умиротворение. Никакого намека на хитрость или обман.

– Спасибо, мама.

Я обняла ее. Потом взяла то, что она принесла, и положила в свой мешок.

Я не знала, как избежать прощальных объятий. Подумала о том, чтобы незаметно уйти ночью, но это было бы трусостью. Да и не хотелось уходить раньше даже на минуту.

Когда настало время прощаться, все были подавлены. Глотая слезы, я обняла всех по очереди.

– Позволь мне проводить тебя... хотя бы до того места, где вы встречаетесь... – попросил Недди.

Я кивнула и с благодарностью почувствовала его руку на своем плече. Мы вышли со двора, и слезы, которые я долго сдерживала, потекли ручьем.

Я нашла платок, который дала мне мама, и сказала:

– Недди, пожалуйста, когда увидишь отца, скажи ему... что я люблю его и прошу простить меня за те злые слова, что я наговорила тогда. И еще скажи, чтобы он простил маму, если сможет. Он нужен ей.

– Я передам, – ответил Недди.

– И приглядывай за вдовой, Недди. Я ей не доверяю.

– Я тоже.

– Жаль, что я не встретила с вашим Сореном. Поблагодари его от меня за все, что он для нас сделал. И еще, Недди... – Я повернулась и посмотрела брату в глаза. – Поезжай в Тронхейм и займись наукой. Не жди меня. Я знаю теперь, как тебя найти.

Недди молчал.

– Пообещай мне.

– Не могу...

– Недди!

– Я подумаю о том, что ты сказала, – с неохотой ответил брат. – Но ты ведь скоро вернешься, – убежденно добавил он. – Ты тоже можешь приехать в Тронхейм... Роуз, если... Если что-нибудь случится, если я тебе понадобится, обещаю, что ты меня позовешь. Я приду к тебе хоть на край земли.

– Спасибо, Недди. Не беспокойся обо мне.

Пора было прощаться. Я крепко обняла его и побежала прочь.

Медведь стоял там, где мы расстались месяц назад, – около ручья с плакучей ивой. Казалось, он так и простоял на этом месте все время, пока меня не было.

Я не знала, – как приветствовать его, поэтому ничего не сказала. Он долго на меня смотрел, и я увидела нечто похожее на радость в его бездонных глазах. Мне стало стыдно за следы от слез на лице.

Потом он сказал:

– Пойдем.

И я опять уселась на его широкую белую спину.

Белый медведь

Ждать.

Полный цикл луны.

Один месяц.

Голодный, брожу.

Внутри все замерзло.

Придет ли она?..

Идет через рошу.

Великое облегчение, освобождение.

Надежда.

Чувствовать ее на спине.

Ноги уперлись в мою шкуру.

Идти через поля, под водой.

Когда мы останавливаемся, упиваюсь ее голосом, карими глазами.

Она вернулась.

Роуз

После полуночи он снова заговорил. Мы шли по узкому ущелью, я дремала.

– Что? – пробормотала я сонно.

– Они... твои родные... просили тебя... сделать что-нибудь?

Я подумала немного и честно призналась:

– Они просили меня остаться.

– И все?

– Да.

– Ты уверена?

– Да, я уверена.

Интересно, что скрывалось за этим вопросом? Ведь это было то, чего он так боялся.

– Твоя мать... не просила тебя... давала советы?

– Я очень мало ей рассказала. Только чтобы уверить ее, что я в безопасности. Ведь это так, правда? – храбро спросила я.

Медведь издал звук, похожий на смешок:

– Ты... в безопасности.

Что именно я почувствую, когда за моей спиной закроются двери замка, я не знала, но все оказалось не так страшно, как я представляла.

Воспоминания о лунном свете и холодном ночном воздухе были еще свежи. Я спустилась со спины медведя и встала перед ним на пороге замка. Повисла неловкая тишина, как будто ни

он, ни я не знали, что сказать или сделать.

Мы вошли, и он все-таки сказал:

– Спасибо... что ты вернулась. – И собрался уходить.

– Подожди, – остановила я его. – Не мог бы ты... – Я подбирала слова. – Пожалуйста, скажи мне... почему я здесь и что мне нужно сделать... чтобы помочь тебе?

Он повернулся и посмотрел на меня:

– Не могу.

– Позволишь ли ты мне еще раз навестить семью?

Он немного опустил голову и произнес:

– Не будем говорить... об этом... сейчас.

Сказал и пошел прочь. Его огромные лапы бесшумно скользили по толстым коврам.

По крайней мере, он не сказал «нет», утешила я себя и пошла в комнату с красным диваном.

Я была рада снова сесть за станок. В голове витало множество идей: мне хотелось надеть одежду для семьи. Но я отложила работу на некоторое время, потому что во время путешествия в замок поклялась себе разгадать тайну медведя.

Узнать о нем побольше мне, очевидно, могли помочь слуги замка.

Я начала шпионить за ними, стараясь делать это так, чтобы они не заподозрили о моих намерениях.

Я покорно садилась за станок, как они и ожидали, а потом тайком ходила по коридорам замка, чтобы посмотреть, где эти двое. Со временем я заметила, что у них есть свой распорядок, и начала составлять карту их ежедневных перемещений. Но сначала я написала список их дел по хозяйству в замке – по крайней мере того, что я видела: разжигать и поддерживать огонь в каминах и очагах, следить за масляными лампами, готовить мне и себе еду (думаю, медведь сам добывал себе пищу, охотясь за пределами замка), убирать, вытирать пыль и так далее. Я понятия не имела, откуда они берут овощи, фрукты и мясо для приготовления обедов. Не было заметно, чтобы в замке разводили кур или выращивали овощи. Это все, по-видимому, доставлялось извне. Если так, то посыльные приходили очень редко и в ночные часы, потому что я никогда не видела, чтобы открывали входную дверь.

Или это все было колдовством. Даже живя в горном замке с говорящим медведем, я все еще не могла поверить в то, что колдовство существует. Ведь я не видела каких-то мистических превращений, летающих в воздухе предметов или чего-либо подобного. Только непроглядная тьма в моей спальне и лампы, которые гасли без видимых причин, служили доказательством тому, что вокруг происходит что-то магическое.

Я взяла за правило проходить по коридору мимо двери на кухню. Когда я встречала двоих слуг, я старалась быть дружелюбной. Я улыбалась и произносила два-три слова, предлагала жестами помочь им что-нибудь нести. Женщина в ответ всегда улыбалась мне, но и только, а вот карлик явно мной заинтересовался. Он кивал и тоже улыбался и однажды позволил мне отнести за него дрова. Женщина стояла рядом; она нахмурилась и сказала что-то на их языке. Он тут же забрал у меня дрова. Ясно: если я хочу подружиться с карликом, нужно застать его одного.

По моим расчетам, женщина разжигала огонь в очагах комнат, которыми я чаще всего пользуюсь: в столовой, в моей спальне, в импровизированной прачечной и в комнате со станком. Пока она занималась огнем, карлик должен был проверить, пользовалась ли я другими каминами накануне. Если пользовалась, что случалось крайне редко, то ему нужно было снова развести там огонь.

И вот как-то раз я взяла свечку и развела огонь в маленькой комнатке на втором этаже – самой далекой от кухни и других комнат, где работала женщина. Это была библиотека, хотя книг здесь было меньше, чем в большой библиотеке на первом этаже.

На следующее утро я встала пораньше и спряталась в маленькой комнатке. Я видела, как карлик вошел и оглядел камин, в котором осталась зола и обгорелые лучины для растопки. Он зажег в комнате лампы и вышел, а я уселась с книжкой в большое удобное кресло. Вскоре человек вернулся. С порога он увидел, что я сижу с книгой, и попытался, но я вскочила и с приветливой улыбкой сделала ему знак войти. Он бросил осторожный взгляд в коридор и

медленно вошел со связкой дров и лучиной в руках.

– Привет! – сказала я радостно. Он уставился на меня.

Тогда я сказала:

– Роуз, – и ткнула в себя пальцем. Он молча смотрел.

Я повторила снова:

– Роуз.

Что-то сверкнуло в его глазах.

– Туки, – сказал он и показал на себя.

Я не поняла, что значит «Туки» – его имя или национальность, но с радостью кивнула и указала на него пальцем:

– Туки.

К моему удовольствию, он ответил мне:

– Роуз, – и показал пальцем на меня.

Я с воодушевлением хлопнула в ладоши. Потом показала на книгу, которая была у меня в руках.

– Книга.

Он удивился, потом ткнул в книгу и сказал:

– Kirja.¹³

Так на его языке, видимо, обозначалась книга.

После этого он положил дрова, которые принес, и прошелся по комнате, указывая на предметы и называя их. Казалось, ему очень нравится это занятие, как будто это была веселая игра. Я подумала, что, несмотря на то, что его черты напоминают взрослого человека, на самом деле он мог оказаться ребенком.

Добравшись до камина, он внезапно вспомнил, зачем пришел, и быстро принес дрова с порога. Пока он возился с ними, я сидела в кресле и наблюдала за его работой. Когда все было готово, Туки вопросительно взглянул на меня.

Я кивнула, и в камине тут же запылал огонь. Я не видела у него ни огнива, ни свечи. Наверное, он наколдовал огонь.

Я показала на пламя, облизывающее поленья, и сказала:

– Огонь.

Он посмотрел на меня, усмехнулся и ответил:

– Palo¹⁴. – И вышел из комнаты.

– Пока, Туки, – крикнула я ему.

Я была довольна. Все началось очень хорошо.

Одной из моих любимых комнат в замке был музыкальный зал, хотя я не умела играть ни на одном инструменте. Иногда я садилась за рояль и нажимала на клавиши из слоновой кости, но извлечь из инструмента мелодию мне не удавалось.

Больше всего мне нравились флейты и рекордеры¹⁵, особенно флейта в коробке синего бархата. Она была такая красивая, что мне даже дотрагиваться до нее было страшно. Но однажды я набралась смелости и вытащила ее из футляра. Поднесла флейту к губам и дунула. Раздался громкий звук, испугавший меня настолько, что я чуть не выронила инструмент. Но я сдержалась и попробовала еще раз. Когда затихла вторая нота, в комнату вошел белый медведь. Я с трудом подавила желание спрятать флейту за спину – так часто ведут себя дети, которых застали за тем, что они трогают вещи взрослых. Медведь подошел ближе, и я увидела боль в его глазах. Он лег на коврик у моих ног и выжидающе уставился на меня.

– Я не умею играть, – смутилась я.

¹³ Книга (*фин.*). Здесь и далее Туки произносит финские слова, потому что тролли в этой сказке говорят по-фински.

¹⁴ Огонь (*фин.*).

¹⁵ Рекордер – вид деревянной флейты эпохи барокко (XVII – начало XVIII века).

– Играй, – сказал он.

– Я не умею.

Но он смотрел на меня с такой мольбой в глазах, что я решила попробовать.

Флейта звучала чисто и красиво, но я выдувала из нее что-то ужасное: как будто две птицы перекрикивали друг друга.

Медведь закрыл глаза и, прижав уши, помотал головой.

– Ну, я же тебя предупреждала...

Потом он встал и подошел к отполированному деревянному ящику. Огромной лапой откинул крышку, и я увидела стоику бумаг, перевязанных лентой. Я знала, что это за бумаги.

– Я не умею читать ноты, – сказала я.

Медведь вздохнул. Затем повернулся и вышел из комнаты.

После его ухода я подошла к ящику, села рядом и вытащила стопку нот.

Нужно научиться нотной грамоте. Мне повезло: я нашла книгу, в которой объяснялось, какой знак соответствует какой ноте и дырке на флейте.

Медведь иногда заглядывал в зал для занятий музыкой, сидел и слушал, как я учусь, отчего мне становилось неловко. Но он никогда не сидел долго. Наверное, ему неприятно было слушать, как я искажаю до неузнаваемости те мелодии, которые он знает и любит.

Тем временем ночью все продолжалось, как и раньше. В первый вечер я увидела, что рубашка лежит, аккуратно сложенная, в ногах кровати. Я взяла ее, встряхнула и осторожно положила с краю.

Когда свет погас (я настойчиво оставляла каждый вечер зажженную свечу или лампу – вдруг колдовство пропадет), я почувствовала, как мой гость лег в кровать и натянул одеяло. Мне послышался вздох – так вздыхает ребенок после того, как закончилась гроза, – вздох, говорящий, что снова все хорошо. Я почувствовала укол вины: в мое отсутствие в кровати, наверное, было так холодно и одиноко. Интересно, а рубашку он надел? Мне стали сниться сны про ночного гостя. Первый сон был очень приятный: как будто я проснулась утром и обнаружила, что рядом со мной спал белый медведь в ночной рубашке (которая волшебным образом растянулась до его размеров), и он сказал мне, что отвезет меня домой. Я забралась ему на спину, и мы поплыли по воздуху над землей к ферме моих родителей. Увидев ее, мы начали спускаться – слишком быстро, подумала я, но медведь сказал:

– Не бойся.

И мы мягко приземлились на поле среди подснежников.

Проснувшись утром по-настоящему, я ожидала увидеть рядом медведя, но в тусклом свете ламп из коридора увидела только пустоту.

Через некоторое время мне приснился еще один сон. В этом сне мне удалось зажечь одну из ламп. Когда я поднесла эту лампу к незнакомцу, то увидела, что его лицо было зеленым и покрытым чешуей, а когда он вдыхал и выдыхал, изо рта высовывался длинный змеиный язык. Я вскрикнула, существо открыло отвратительные желтые глаза. Оно раскрыло пасть и протянуло язык к моему лицу, я закричала и проснулась.

Было утро, мой гость уже ушел, но я содрогнулась. А что, если именно такое чудовище спало рядом со мной каждую ночь?

Должно быть, Туки и словом не обмолвился женщине про нашу встречу, потому что на следующее утро он снова пришел в комнату, где я его ждала.

Мы стали «играть» во вчерашнюю игру, называя друг другу новые слова. Я вовсе не была уверена, что когда-нибудь мы сможем вести настоящую беседу и я спрошу его про белого медведя, но нужно было попытаться. Главное, не сидеть сложа руки.

Такое общение с Туки продолжалось несколько недель. Я все время боялась, что женщина узнает о происходящем и положит нашим встречам конец. Казалось, что Туки доверяет мне. Я ему нравилась, да и он становился мне симпатичен. Он напоминал ребенка: всегда был рад угодить и всегда ждал похвалы или ласки.

В этой комнате у нас закончились предметы, но перебираться в другую нам не хотелось. Тогда я стала использовать книжки, показывать на картинки и называть новые слова. Туки тяжело давалось учение, но он очень старался и уже запомнил некоторые слова: *Роуз, привет, до свидания.*

Его язык казался мне трудным, но кое-что я уже понимала. Я сделала маленький словарь, в который каждый вечер перед сном добавляла новые слова. Я прятала его в шкафу, в своем вещевом мешке.

Наконец я решила, что настало время поговорить о белом медведе. Готовясь к этому, я перерыла все книги в двух библиотеках и нашла книжку о животных, в которой была маленькая картинка с белым медведем.

Когда мы начали игру в то утро, я невзначай взяла заготовленную книгу и начала ее листать. Сначала я показала на волка («sisu»), на бобра («majava»), на кролика («kaniini») и наконец перешла на страницу с медведем.

– Белый медведь, – объяснила я.

– Lumi karhu¹⁶, – повторил он и добавил: – Vaeltaa¹⁷. – И посмотрел на меня с непонятым выражением. Я подыскивала слова, чтобы расспросить о медведе. И тут поняла, что все слова, которые я знаю, – это предметы, а глаголов в моем словаре нет. Я рассердилась на себя, что так плохо подготовилась, и решила сперва узнать, какое из слов обозначает медведя.

– Lumi karhu? – спросила я. – Или vaeltaa?

Он кивнул оба раза, поэтому я подумала, что это два разных обозначения медведя. Если бы я могла поднажать на Туки! Но он забеспокоился, и, чтобы отвлечь его, я стала показывать на других животных, и мы продолжили игру.

В следующий раз я принесла книгу с картами, которую я тоже нашла в библиотеке. Это было чудесное издание под названием *География Птолемея*, в котором были представлены подробные карты разных стран мира. Я слыхала о Птолеме¹⁸ от отца. Это был древний грек, который первым начал рисовать карты. Я с болью подумала об отце. Как бы он оценил эту книгу!

Я открыла карту Норвегии и показала на то место, где была деревушка Андальсины.

– Роуз отсюда.

Он посмотрел и загадочно покачал головой.

– Туки откуда? – сказала я, пролистывая страницы атласа с вопросительным видом.

Он с улыбкой наблюдал, как мелькают страницы, а потом подошел и взял книгу, чтобы самому такое проделать. Он ликовал, когда страницы под пальцами зашелестели и каскадом посыпались вниз. Он проделывал это снова и снова – быстро, затем медленно. Вдруг его глаза что-то заметили, он остановился и перелистал страницы назад.

Улыбнувшись, он показал маленький рисунок рядом с картой далеких северных земель, лежащих за Полярным кругом. В книге эта земля называлась Ледяной. Мы называем ее Арктикой. На картинке, куда показывал Туки, были изображены высокие ледяные утесы среди заснеженных пустынь.

– Туки из Арктики? – спросила я. Он, не понимая, покачал головой.

– Туки из снежных земель? – Я сделала вид, будто дрожу от холода.

Он с радостью закивал, показывая, что тоже дрожит.

– Туки, – повторил он и снова показал на картинку. Тогда я показала ему на розу ветров в углу страницы.

– Север? – спросила я, указывая на букву «N». Он снова не понял. Я вздохнула.

В тот день я выучила слово «снег» – lumi, – первое из тех, которыми Туки обозначат белого медведя, и «лед» – jaassa. А потом появилось слово «Huldre». Я не была уверена, но, видимо, так называлась его родина. У меня даже сложилось впечатление, что Туки немного грустит по своему ледяному дому: на его лице появилось печальное выражение, и взгляд стал

¹⁶ Снежный медведь (фин.).

¹⁷ Бродить (фин.).

¹⁸ *Птолемей* – древнегреческий астроном. Его перу принадлежит энциклопедия астрономических знаний древних. В трактате «География» дал сводку географических сведений античного мира.

отрешенным.

Несколько дней спустя мы рассматривали другие книги, которые я принесла из большой библиотеки. В книге со сказками нам встретилось изображение большого дворца.

– Jaassa, – взволнованно сказал карлик, тыча пальцем в картинку.

Я удивилась и подумала, уж не называют ли они лед и дворец одним словом.

– Лед? – спросила я.

– Лед, – повторил он, жестами изображая холод. Может, он пытался сказать мне, что в своей ледяной земле живет во дворце? Меня охватило отчаяние. Если бы я только могла прямо спросить у него то, что хочу знать: *откуда ты? Кому ты служишь? Кто спит рядом со мной в кровати?*

Вдруг меня осенило. Я взяла книгу и пролистала до конца, где были пустые страницы. Я вырвала их и, пока Туки с интересом за мной наблюдал, нашла в камине уголек. Угольком я нарисовала три фигуры – двух женщин и одного мужчину. Указала на одну и сказала «Роуз», на мужчину сказала «Туки». Потом показала на третью фигуру, которой подрисовала передник, и повернулась к Туки и вопросительно на него посмотрела.

– Урда, – сказал он, просяив, потому что понял, какую новую игру я придумала.

– Урда, – повторила я с улыбкой.

Потом склонилась над бумагой и нарисовала кровать. На одной стороне ее я нарисовала фигуру, которая называлась «Роуз». Жестами я объяснила, что сплю. Затем указала на другой – пустой – край кровати.

– Туки? – спросила я, хотя знала, что он не может быть моим ночным гостем, ведь тот по размерам был не меньше меня.

Туки загадочно покачал головой. Тогда я спросила:

– Урда? – Сердце мое билось все сильнее. Я чувствовала, что вот-вот узнаю нечто важное.

Он снова помотал головой.

Мои пальцы слегка дрожали, когда я снова показала на пустое пространство в кровати рядом с собой.

– Lumi karhu? – спросила я. – Белый медведь?

Он подозрительно на меня посмотрел – как в тот раз, когда я принесла картинку с медведем.

– Белый медведь спит рядом со мной? – охрипшим голосом спросила я.

Внезапно дверь распахнулась: на пороге стояла женщина по имени Урда. Она посмотрела на нас. Потом быстро зашла в комнату, схватила Туки за руку и потащила его прочь, резко ему выговаривая. На меня она едва глянула.

Королева троллей

Она умная, намного сообразительнее, чем я думала. Но все ее попытки узнать правду бесполезны. Мне ее действия скорее нравятся, чем раздражают, – ведь очень скоро ее любопытство достигнет апогея, и тогда все будет кончено.

Он будет мой. Навсегда.

Но она вселила в него надежду. А я не могу не грустить из-за того, что скоро его постигнет сильное разочарование. (Как странно испытывать такое чувство! Если бы отец был жив, он сказал бы, что это все от чрезмерного общения с мягкокожими.)

Но разочарование рано или поздно исчезнет. На самом деле, это вопрос времени. Вскоре он вообще позабудет мягкокожую девчонку, которая занимает его сердце.

Недди

Отец вернулся домой через неделю после отъезда Роуз.

– Как вы могли позволить ей вернуться к медведю?! – в отчаянии воскликнул он.

– Она сказала, что должна, – объяснил я ему. – Мы не смогли ее переубедить. Ты же знаешь, если Роуз что-то решила...

– Может, ее околдовали?

Я отрицательно мотнул головой:

– Это было ее собственное решение, папа.

– У нее все в порядке?

– Да, она лишь немного похудела. Но мама быстро откормила ее своими супами и мясными пирогами.

– Значит, ее плохо кормят в этом... Как вы его назвали?

– Замок в горе, – ответил я. – Она сказала, что еда там сытная и обильная. Она потеряла аппетит из-за тоски по дому.

– А не затоскует ли она опять? Ох, ну почему меня здесь не было?..

Мы разговаривали в мастерской отца наедине. Вдруг дверь открылась: на пороге стояла мама, бледная и запыхавшаяся.

– Я сделала... О Арни... – Она упала на колени и зарыдала.

Я в замешательстве смотрел на нее, а папа подошел и склонился над ней.

– Что случилось, Ольда? Что такое? – Его тон стал мягче, чем раньше.

– Ты никогда меня не простишь! Я сама себя никогда не прощу, – проговорила она сквозь рыдания.

Папа поднял ее и усадил на стул.

– Почему, – простонала мама. – Почему я не дала ей только платок и ириски! Дура я, дура...

– Прекрати, Ольда, – мягко сказал отец. – Расскажи все по порядку с самого начала.

И она поведала свою историю.

Как я уже знал, мама и вдова Озиг частенько навещали Сикрама Ралатта, нового аптекаря в поселке, который продавал амулеты помимо обычных для аптеки травяных настоев. Мама купила у него их целую пригоршню.

– Когда Роуз была дома, Недди, – сказала мама, утирая слезы, – я случайно подслушала ваш разговор. Когда она сказала, что каждую ночь спит рядом с каким-то незнакомцем, я испугалась за нее. Я боялась, что это ужасное чудовище, или злобный колдун, или... тролль... – Мама бросила на нас умоляющий взгляд.

– Я знала, что, если заговорю об этом с Роуз, она скажет, что не о чем беспокоиться. Я так расстроилась, что не удержалась и поведала свои печали моей дорогой подруге, вдове. Она посоветовала мне пойти прямо к Сикраму Ралатту и попросить амулет для защиты моей дорогой Роуз. Так я и сделала. Я сказала Ралатту, что один близкий мне человек находится в опасности и что он спит в заколдованной комнате, которую нельзя осветить. Я спросила, чем можно помочь. Тогда он продал мне кремень и свечу.

Мы уставились на нее: папа заинтригованный, а я с ужасом.

– Я... я отдала их Роуз. Но ничего ей не сказала, решив, что она сама разберется, пользоваться ими или нет. Сознаюсь, я очень надеялась, что любопытство заставит ее зажечь ночью свечу и посмотреть, кто лежит рядом с ней.

– Ну, Ольда, – сказал отец, – наверное, не стоило вмешиваться, хотя в этом нет ничего...

– Ты еще не услышал самого плохого, – прервала его мама со слезами на глазах. – Сегодня я ходила в поселок и выяснила, что Сикрам Ралатт бесследно исчез и его лавка пуста. Я походила и поспрашивала про него. Узнала, что он исчез в тот день, когда ушла Роуз. И более того, по поселку ходят ужасные слухи. Что он был... был... – Она затряслась от рыданий. – О, что я натворила, что я натворила!

Роуз

После того как женщина по имени Урда утащила Туки, я редко его видела. И то урывками, – несмотря на все мое дружеское расположение и жизнерадостные приветствия, он все время отводил взгляд. Только по тому, что белая кожа его немного розовела, я понимала, что он меня слышит и понимает. Урда вела себя как всегда, не выказывала ни враждебности, ни злости – одно сплошное безразличие.

Хуже того, меня стал мучить новый ночной кошмар. В нем мне удавалось зажечь лампу, и, когда я подносила ее к моему гостю, я видела, что он отвернул от меня лицо. У него была

густая золотистая шевелюра. Я трясла его за плечо, чтобы разбудить. Тогда он поворачивался, и оказывалось, что у него совсем нет лица, только большая зияющая дыра. Я начинала кричать.

Когда я проснулась в этот раз, крик застрял у меня в горле, а в комнате было все так же темно. Я услышала шуршание и быстрые шаги. Я не осмелилась протянуть руку, чтобы проверить кровать, а пошла на ощупь на цыпочках по комнате к двери и увидела, что она приоткрыта.

Белый медведь

Ей снятся сны.

Кричит.

В страхе.

Я мечтаю.

О покое.

Скоро.

Наконец-то.

Рассказать ей.

Скоро все закончится.

Свобода.

Роуз

Из-за этих кошмаров я стала бояться ночей и темноты. Зато дни мы с белым медведем проводили просто великолепно. Мы общались как два близких друга, которые все понимают без слов. Казалось, что теперь человеческое присутствует в нем постоянно. Я с нетерпением ждала, когда он придет в комнату с красным диваном. Я садилась на коврик около огня с книжкой в руках, а он заходил и ложился рядом со мной. Я читала ему вслух, а он слушал, положив голову на лапы. Часто он закрывал глаза, но я точно знала, что он не спит, потому что, когда в рассказе намечался неожиданный поворот, он тут же открывал глаза. Если рассказ ему особенно нравился, он тихонько урчал или насмешливо фыркал, когда история казалась ему слишком неправдоподобной.

Я выбирала для него хорошие рассказы, поучительные и захватывающие. Когда я читала что-нибудь смешное, мы смеялись вместе, и это было так приятно, хотя смех огромного медведя не для ушей слабонервных людей. Когда я впервые услышала этот звук, то едва удержалась, чтобы не выбежать из комнаты.

Над одним рассказом мы особенно потешались. Это была старая норвежская сказка о капризном муже, который вечно жаловался на свою жену, что она сидит дома, пока он трудится в поле. Жене надоели его жалобы, и однажды она сказала:

– А ты справишься с домашней работой?

– Конечно, любой мужчина может сделать ее лучше, чем женщина, – ответил муж.

– Давай тогда поменяемся. Завтра я пойду в поле косить траву, а ты останешься дома и займешься хозяйством.

Муж согласился.

Естественно, пока жена косила в поле, несчастный муж наделал дел: ненароком убил свинью, разлил сметану по полу на кухне и вылил из бочки всё пиво. Медведя больше всего рассмешило, когда муж уронил только что выстиранное белье в грязь, запутавшись в бельевого веревке.

– Думаешь, у тебя получилось бы лучше? – сквозь смех спросила я у медведя, забыв, что разговариваю не с человеком, а с животным.

Он перестал смеяться. Я посмотрела на него и увидела в глазах тоску. Потом он ушел.

Я вспомнила, как он вздыхал, наблюдая, как я полоскала ночную рубашку.

Я постепенно училась играть на флейте. Я привыкла к присутствию медведя и давала ему концерты из простейших пьес для начинающих, которые нашла в нотах. Я садилась на маленький бархатный табурет, а он ложился на ковер у моих ног, закрывал глаза и слушал.

Похоже было, что одна мелодия нравилась ему больше других. Она называлась «Эстиваль». Я редко играла ее до конца без ошибок, но он не обращал на это внимания. Главное, что я старалась. А для меня было важнее всего удовольствие в его взгляде.

Однажды, когда прошло уже немало месяцев после моей поездки домой, я сыграла «Эстиваль» очень хорошо, и медведь вздохнул с чувством глубокого удовлетворения. Я посмотрела ему в глаза, которые сейчас казались скорее человеческими, чем звериными, и вдруг спросила:

– Кто ты?

Он даже не успел открыть рот, как я продолжила, не в силах сдерживаться:

– Откуда ты? Как давно ты здесь живешь? Ты заколдован? Если да, то как разрушить колдовство?

Я пожалела о своих словах еще раньше, чем закрыла рот. Та легкость и непринужденность, с какой мы общались, мгновенно исчезла. Глаза его потемнели, вновь появилось звериное безразличие. Он поднялся и вышел из комнаты.

На следующий день он не пришел ко мне в обычное время. Я долго его ждала и решила, что он больше вообще не придет. Я проклинала свой язык. Весь день мне было очень одиноко и неуютно. Я села было за станок, но вскоре бросила ткать. Потом увидела, как Туки тащится по коридору за Урдой. Я громко выкрикнула его имя, но он лишь подошел поближе к Урде, и они скрылись за кухонной дверью. Я подергала дверь, но она была заперта. Тогда я пошла к своему глазку в небо и села у окна. Я сидела неподвижно и смотрела на ветку. Ветка была голая. Приближалась зима. Если не считать месяца, проведенного дома, я жила в замке уже почти год.

В ту ночь меня сильно мучили кошмары. Я лежала и дрожала, раздираемая страхом и злостью. Гость сбежал, вспугнутый моим криком. И сколько еще мне так жить? Как мне все это выдержать? Я подумала, что наверняка сойду с ума, если не узнаю, кто спит рядом со мной в кровати каждую ночь. Что это было: чудовище, или безликое нечто, или сам белый медведь? Я чувствовала, что смогу жить дальше в замке, только если узнаю ответ.

Вдруг я вспомнила про свечу и кремень, которые мне дала мама. Что она говорила? Свеча не погаснет даже при сильном ветре, а кремнем можно высечь искру в любых условиях. Интересно, что произойдет, если я зажгу свечу ночью в спальне? *Осмелюсь ли я?*

Весь следующий день я думала об этом. Медведь пришел ненадолго после обеда, когда мы обычно читали, но я была рассеянна, а он не находил себе места, в глазах читалось звериное, а не человеческое выражение. Я пыталась сыграть «Эстиваль», но мне не хватало дыхания и пальцы не слушались. В конце концов медведь резко поднялся и, бросив на меня печальный взгляд, вышел из комнаты.

Я беспокойно бродила по замку, мысли мои путались, а голова болела. Мне опять не хотелось ткать. И ужинать не хотелось – пропал аппетит, – и я оставила еду почти нетронутой на столе, а сама перебралась на диванчик и долго смотрела на огонь. Я не могла решиться. Говорила себе, что свеча не загорится, и тут же возражала, что попробовать все же стоит. Еще я сказала себе, что это ужасная ошибка, потому что свет может нарушить равновесие, а возможно, причинить боль или вред. Но ведь это казалось таким простым и обыденным – зажечь свечу. Никто не узнает: я зажгу, быстро посмотрю, и все.

Я легла в кровать, как всегда, и вскоре свет погас. Я все еще сама не знала, что собираюсь сделать. Я не вынула свечку и кремень из вещевого мешка, хотя и переложила их на самый верх, чтобы при случае сразу найти.

Когда пришел гость, сна у меня не было ни в одном глазу. Я внимательно прислушивалась к его дыханию: прошло очень много времени, прежде чем оно стало ровным и глубоким. Он спал.

Я тихонько выскользнула из кровати и направилась к шкафу. Дверцу его я оставила приоткрытой, потому что она немного скрипела, а я не хотела рисковать. У меня дрожали руки, пока я доставала свечу и кремень. Они лежали там, где я их оставила. Я взяла их и вернулась к кровати.

Осторожно подошла к другому краю и немного постояла, прислушиваясь к дыханию гостя.

По телу пробежала дрожь, и я почувствовала, как подкатывает паника. *Не нужно мне*

этого делать!

Но я должна была знать.

Я повернулась спиной к кровати. Крепко зажала в левой руке свечу, а правой сильно нажала на механизм кремня. Сверкнула яркая искра, но я промахнулась мимо фитиля. Подвинула фитиль поближе и чиркнула еще раз. Получилось. Свеча медленно загорелась, и я повернулась к кровати.

Королева троллей

Сто пятьдесят человеческих лет (в Ульдре такой период называют *alkakausi*) мой мальчик должен был оставаться белым медведем. А потом, если никто не выполнял условий, он становился моим.

Эти условия были придуманы как наказание для меня и как вызов. Нелегкое, продуманное противоборство, затеянное моим отцом.

К сожалению, отец умер до того, как оно подошло к концу.

Но я за всем наблюдала. И терпеливо ждала.

Он делал отчаянные попытки. Хитрил, удерживая в себе и медведя, и человека. Хотя медведь пересиливал.

И вот сто пятьдесят лет на исходе, а тут еще одна попытка: эта мягкокожая девчонка с крепким телом и карими глазами. Она почти выполнила одно из условий.

Но не самое сложное. Я всегда была уверена, что любопытство способно разрушить все.

Поуз

Это было не чудовище, не безликий ужас. И даже не белый медведь.

Это был человек.

Со светлыми волосами, которые отливали золотом в свете свечи. У него были прекрасные, но незнакомые черты лица. Вот это да! Все эти месяцы я спала по ночам рядом с абсолютно неизвестным мужчиной. Меня бросило в дрожь так, что пришлось покрепче схватить свечу. Потом я заметила, что он спит в белой рубашке, которую я сделала. Она хорошо ему подошла – не слишком узкая, не слишком широкая; рукава доходили до запястий. Я удивилась, как точно угадала размер лишь по тому, как прогнулся матрас. А потом поняла, как нелепо стоять со свечой у кровати и думать о ночной рубашке.

Я посмотрела на его руки, которые он положил на одеяло. На мизинце сверкнуло серебряное колечко. Мне показалось, что он совершенно незащищенный. И мне стало стыдно, что я стою и смотрю на спящего незнакомца. Я смутилась. Подняла свечу, чтобы задуть ее, но напоследок еще раз глянула на лицо незнакомца.

И тут он открыл глаза.

Я вскрикнула. Это были они – глаза белого медведя. Меня затрясло, оттого что я смотрела в знакомые, даже любимые, глаза, но на незнакомом лице.

В это мгновение свеча потекла, и горячий воск капнул на плечо юноши.

Теперь он вскрикнул, и звук его голоса останется в моем сердце навсегда – настолько он был страшен. Он кричал не от боли, которую причинил расплавленный воск, – в этом крике слышалась глухая тоска, боль потери, смерти и предательства.

– Что ты наделала! – воскликнул он. В его голосе эхом отдавался голос белого медведя.

Но еще страшнее, чем крик, было выражение его глаз: полное отчаяние.

– Нет! – закричала я и поняла, что вокруг что-то происходит. В ушах стоял шум, который поглощал все другие звуки. Цветные осколки взрывались перед глазами, и пол ушел из-под ног. Как будто я падала, не двигаясь с места.

Я закрыла глаза и протянула руку к незнакомцу, но мои пальцы ничего не почувствовали. Вокруг вообще ничего не было, кроме пугающего головокружения.

Вдруг я почувствовала, что подул прохладный ветер, а ноги стоят на твердой поверхности. Я открыла глаза и увидела, что нахожусь не в замке. Замка не было. Я стояла около горы, которая нависала надо мной в ночной темноте.

Незнакомец стоял рядом со мной. Он был высокий, и мне пришлось запрокинуть голову, чтобы посмотреть на него. Над его головой светила луна, выпуклая и яркая, а мимо плыли облака.

– Что ты натворила! – прошептал незнакомец.

– Прости, – ответила я хрипло, но это слово показалось мне жалким и незначительным. Я хотела отвести глаза, чтобы не видеть его боли, но не могла.

– Если бы ты подождала всего один месяц... – Он замолчал, глядя на меня.

– Что... – с усилием проговорила я, не желая знать. – Что случилось бы тогда?

– Я был бы свободен. Я так долго ждал... даже не знаю сколько. Мне кажется, что несколько жизней...

– Ты был заколдован?

– Да. Днем белый медведь, а ночью мальчик... потом юноша. Я не мог об этом говорить. Чтобы освободиться, я должен был найти девушку, которая прожила бы со мной по собственной воле целый год. Но за это время она не должна была видеть мое человеческое лицо.

До меня донеслось далекое позвякивание колокольчиков. Но я не обратила на него внимания, потому что утонула в страшных словах.

– А теперь? – Я заранее боялась ответа.

– Я уйду с ней. Навсегда.

– С кем? С кем ты уйдешь?

Он покачал головой, скованный отчаянием.

– Ты не можешь сказать?

– Не важно. Я только знаю, что она королева и ее земля очень далеко.

– Где? – Мне обязательно нужно было знать.

Он неожиданно рассмеялся, и в его смехе я слышала скрипучий смех медведя.

– К востоку от солнца и к западу от луны.

Я уставилась на него, не понимая.

– Что ты имеешь – в виду?

– То, что сказал, – к востоку от солнца и к западу от луны лежит ее земля. – И он опять горько рассмеялся.

Колокольчики приближались.

– Это она, – сказал юноша. Схватил мою руку и что-то в нее вложил. – Ее могущество огромно, – сказал он, но губы его скривились так, как будто последнее слово не соответствовало истине. – Я не позволю ей причинить тебе зло.

К нам приближались сани, в которые были впряжены четыре великолепных северных оленя. Сани поблескивали, серебряные колокольчики звенели. Я взглянула на бледное лицо, холодное и прекрасное, а позади увидела Туки и Урду. Не успела я пошевелиться, как незнакомец с глазами белого медведя исчез, а вместе с ним и сани.

Я осталась одна в полной тишине.

Королева троллей

Нужно было взять слуг, чтобы править санями. Но мне всегда нравилось самой держать вожжи. Олени великолепны – лучшие из стада. Тяжело было достать снег, но я тем более довольна своей работой. Так лучше всего начать путь к его новому дому.

Я проследила, чтобы Урда и Туки как следует завернули его в шкуры и дали несколько глотков сланка. Ему, конечно, придется привыкать к холоду, но, думаю, он справится.

Его прекрасное лицо бледно и несчастно, но это не беспокоит меня, потому что время все излечит. В сланк я подлила gauha¹⁹ – это поможет облегчить его боль и сотрет воспоминания.

Она несовершенно, незрелое создание, она его недостойна.

Я легонько щелкнула хлыстом, и олени поднялись в небо. Мы были заколдованы так,

¹⁹ Покой (фин.).

чтобы мягкокожие с земли нас не видели.

Оглянулась на него, закутанного в шкуры. Глаза закрыты. Кажется, он спит. Меня переполняла невыразимая радость.

Роуз

Что я наделала?!

Я опустилась на колени и горько заплакала.

Очнувшись, я с ужасом обнаружила, что лежу на снегу в одной ночной рубашке.

Меня колотило от холода. Потом я вспомнила, что незнакомец положил мне что-то в руку. Я разжала окоченевшие пальцы и увидела его серебряное колечко. В лунном свете оно слабо поблескивало. Это было простое кольцо – отполированное, блестящее серебро, но внутри было выгравировано слово: *Valois*. Французское, подумала я, но не поняла, что оно означает.

В горле комом стояли слезы. Я надела колечко на большой палец (единственный, с которого оно не сваливалось) и сказала себе, что нужно что-то делать. Сперва надо найти укрытие.

Я встала и огляделась. Никаких признаков двери или входа в замок не было. Наверное, замка больше нет – он исчез вместе с медведем. Точнее, с юношей, чью жизнь я разрушила в один миг.

Я стояла и дрожала и вдруг увидела неподалеку на снегу свой вещевой мешок. Я подбежала к нему и обнаружила внутри все вещи, которые принесла с собой из дому. Еще там лежали кое-какие вещи из замка, включая словарик языка Туки. Мой кожаный кошелек тоже был на месте. Замерзшими пальцами я открыла его: внутри переливались и сверкали золотой, серебряный и жемчужный свертки. Вот и все, что осталось от замка в горе.

На дне мешка я нашла шерстяную рубаху, которую соткала вдова Озиг. Натянув ее на ночную рубашку, надела штаны, свитер, шерстяные носки и старые сапоги. Затем закуталась в свой плащ с розой ветров.

Застегивая плащ, я заметила свечу и кремень, которые валялись в снегу. Сначала я хотела подобрать их и зашвырнуть подальше, но вместо этого подняла, отряхнула от снега и положила в меток.

Меня так трясло, что я едва могла дышать. Я побрела вокруг горы и вскоре наткнулась на маленькую пещеру. Забралась в нее и поплотнее закуталась в плащ. Обследуя пол пещерки, нашла горстку сухих щепок и, поколебавшись, достала кремень и свечку.

В пещере перед крошечным костром моя дрожь постепенно унялась. В мыслях был полный беспорядок.

Что значит «к востоку от солнца и к западу от луны»? Это был ключ, путь к далекой земле, куда бледная женщина – королева – увезла его.

Как такое может быть? Ни солнце, ни луна не стоят на месте, откуда можно было бы начать отсчет. Они все время движутся по небу. То, что было к востоку от луны ночью, на рассвете окажется совсем другим направлением. Ерунда какая-то.

«К востоку от солнца и к западу от луны». Эти слова содержали загадку, но я решила, что обязательно должна ее разгадать. Я доберусь до этой земли. В тот миг, когда сани исчезли из виду, и звук колокольчиков затих, я поняла, что пойду за незнакомцем, который был белым медведем, и исправлю все, что натворила.

Мне даже в голову не пришло, что будет как-то иначе.

Конечно, я могла подумать: все, я свободна и возвращаюсь в семью! Могла на все махнуть рукой и помчаться домой. Но не помчалась. Вместо этого я занялась составлением плана, как добраться до неизвестных земель.

В тусклом свете маленького костра я перебрала все свои пожитки. Работая за ткацким станком, ты всегда должна знать, в каком месте рисунка находишься. Так и со мной. Прежде чем начать путь, я должна была понять, где нахожусь.

Нужно все привести в порядок. И я сделаю, как решила, чего бы мне это ни стоило. Отправлюсь туда, куда должна, и добьюсь своего.

Книга третья ЗАПАД

Она искала его.

*В землях, которые лежат к востоку от солнца и к западу от луны.
Но пути туда не было.*

Роуз

Те первые дни были самыми мрачными в моей жизни. Я не понимала, где я, не переставая думала о каплях воска на его коже, крике отчаяния и санях, исчезающих из виду. Я прокручивала эту картинку в голове до тех пор, пока чуть не сошла с ума.

Я простудилась после того, как полежала в снегу. Меня мучили жуткий кашель и насморк.

Я шла целых три дня и не встретила ни одной деревни или фермы. Шла наугад, представляя, что двигаюсь в направлении, куда укатили сани, – на север. Я все еще была в ночной рубашке, теплой рубахе, свитере и плаще. Но стало заметно теплее, большая часть снега растаяла.

На четвертый день я увидела большую ферму. Во мне затеплилась надежда: может, я получу хоть какую-нибудь помощь – еду или что-нибудь еще. В дороге я питалась только остатками меда, который подарил Торск, и конфетами, которые мне дала мама много месяцев назад. Но чем ближе я подходила к строению – большому голубому амбару, – тем яснее становилось, что ферма заброшена. Никаких признаков жизни. Хотя видно было, что ее оставили совсем недавно: дом был в хорошем состоянии, а на земле я заметила корыта с зерном и свежие кучи навоза. Внезапно мне пришла в голову мысль, что эта ферма и была источником продуктов, из которых готовили еду в замке. Мне стало интересно: неужели те, кто жил и работал на ферме, включая скот, тоже исчезли вместе с белым медведем?

Из еды я нашла только пару засохших морковин и горох на дне кадки в одном из сараев. Я сложила все в сумку и отправилась дальше.

Вокруг фермы рос дремучий лес, идти было трудно. Я пробиралась через этот лес почти два дня.

Наконец я оказалась в поле. Я очень ослабла, желудок изнывал от голода, кашель усилился. Но страшнее кашля и голода было то, что крик отчаяния человека, который был медведем, звучал внутри, отказываясь покидать меня. Я слышала его постоянно. Когда шла днем по зеленой траве, когда дремала ночью. Когда просыпалась на рассвете и смотрела на бледное зимнее солнце. Но я продолжала борьбу, говоря себе, что должна все исправить.

На седьмой день пошел дождь. Ночью я устроила себе лежанку из листьев в низком дупле дерева с широкими листьями. Я съела последнюю морковь, заснула и проснулась оттого, что меня лихорадило. Когда я поднялась на ноги, у меня начался приступ кашля, от которого я согнулась пополам. Я упала на колени, голова закружилась, перед глазами все поплыло. Тут мне вспомнился последний ужин в замке. Хрустящий свежий хлеб и сливочное масло, мясо с приправами и овощами...

Я застонала.

В тот день я прошла совсем немного. Слабость не давала мне долго идти. Вечером я свалилась под какой-то куст, чувствуя себя очень скверно, а когда очнулась, не смогла пошевелиться. Только я пыталась поднять голову, как мир вокруг начинал бешено кружиться, а нутро разрывалось от сухого кашля. Я заставила себя подняться на колени и поползла вперед, но приступ кашля свалил меня.

Я подняла пылающее лицо к небу и подумала: *я не могу, но должна*. И вдруг увидела тоненькую струйку дыма в сером небе.

Я с трудом поднялась на ноги и сделала несколько шагов. Споткнулась о куст и упала на землю. Кашель душил меня. Когда он наконец утих, я не смогла встать и закрыла глаза.

Я решила, что просто немного посплю, но вдруг крик человека, который был медведем, вновь прозвучал у меня в ушах. «Нужно подняться», – подумала я. Попыталась встать, но в

глазах потемнело, и я прекратила попытки. Силы оставили меня. Я услышала шаги по траве, но мне было уже все равно.

– Простите, – пробормотала я и потеряла сознание.

Белый медведь

Я плохо соображаю. Я снова человек, но совершенно обессиленный. Они подмешали мне что-то в питье. Я не хочу это пить, но мне холодно, меня знобит, а напиток согревает. Я не могу вспомнить. Помню только... ее. Ее лицо – белое от отчаяния и вины. Ее имя...

Роуз.

Должен помнить.

Красивая бледная королева управляет санями. Часто посматривает на меня. Мы высоко поднялись и быстро несемся по небу. Я вижу те места, где я бродил, когда был медведем. Покатые белые холмы. Бескрайнее серое море. Острозубые вершины под сияющим льдом.

Я завернут в шкуру. По это не *моя* шкура. Руки и ноги очень странные – тонкие, слабые и дрожащие. Лицо голое – я к такому не привык. Резкий ветер бьет по голой коже. Я забираюсь поглубже в шкуры, и тепло усыпляет меня. Я снова высовываю голову и пытаюсь вспомнить. Я хочу помнить.

Роуз.

Слезы текут и замерзают прямо на лице.

Роуз

Надо мной склонилось лицо девочки с темными волосами.

– *Maman, maman!*²⁰ – закричала она.

Я почувствовала запах еды. Я была в каком-то доме.

Девочке ответил женский голос, но я не поняла ни слова. Появилось еще одно лицо. Это была приятная женщина с золотисто-каштановыми волосами и широкой, дружелюбной улыбкой.

– *Comment allez-vous?*²¹ – спросила она.

Она говорила по-французски, я сразу поняла. Давным-давно я слышала, как на нем говорят. Когда я читала медведю в замке французские книги, я всегда переводила на норвежский. Воспоминания нахлынули, и я закрыла глаза, но тут начался приступ кашля, и я снова их открыла.

– Эстель! – Я услышана, как женщина сказала несколько слов, и темноволосая девочка ушла.

Грудь болела, я не могла перестать кашлять. Женщина положила мне на лоб холодную тряпицу, потом пришла девочка с чашкой, и женщина стала меня поить. Я выпила что-то очень теплое и вкусное. Похоже на чай с медом. Кашель утих, и я уснула.

Когда я снова проснулась, в комнате горел тусклый свет. Слышно было, как женщина тихонько напевает. Я повернулась и увидела, что она сидит у очага и шьет. Я лежала на соломенном тюфяке, накрытая теплым шерстяным одеялом.

Женщина заметила, что я проснулась, и, отложив шитье, подошла ко мне.

– *Comment allez-vous?* – спросила она снова.

Я поняла, что она спрашивает о моем самочувствии.

– Сожалею... – сказала я, – но я не говорю по-французски. – Мой акцент, наверное, был ужасен, она удивленно смотрела на меня некоторое время, но потом, видимо, поняла.

– Норвежский, – сказала я.

²⁰ Мама, мама (*фр.*).

²¹ Как вы себя чувствуете? (*фр.*)

Она кивнула:

– Oui, Njord.²²

Тут появилась темноволосая девочка.

– Maman?

– Estelle, elle est Njorden²³, – объяснила мама дочери, указывая на меня.

Я закашлялась. Мать бросилась на кухню и принесла чашку, которую наполнила из чайника, висевшего над огнем. Я снова выпила медового чая.

– Спасибо, – поблагодарила я. – Merci.²⁴

Несколько дней я пила этот чудесный чай, ела суп, женщина, которую звали Софи, и ее дочь Эстель ухаживали за мной, и у меня снова появились силы. На третий день я даже смогла сидеть. Меня все еще мучил кашель, но приступы становились все реже.

Мой французский, которому я научилась в детстве и вспомнила в замке, позволил мне довольно сносно общаться с Софи и Эстель. Я узнала, что мама и дочка живут вдвоем в отдаленной провинции Франции. Муж Софи умер несколько лет назад. Софи подумывала о переезде на побережье, где жил ее брат, но слишком любила свою деревеньку.

О себе я рассказала очень туманно. Не хотелось, чтобы добрая женщина подумала, что я помешанная, – так и случилось бы, если бы я рассказала ей о замке в горе и заколдованном медведе. Я сказала, что приехала погостить у родственников и заблудилась. Не знаю, поверили ли она мне: одета невесть во что, за спиной вещевой мешок, но Софи не стала задавать вопросы.

Девочка оказалась очень милой. Ей нравилось слушать, как я коверкаю французские слова, и она со смехом поправляла меня. На четвертый день Эстель вдруг спросила: а не пришла ли я из леса, «посещаемого призраками»? Я поинтересовалась, что это значит. Эстель поднялась на цыпочки и скорчила гримасу. Она бродила по комнате, выла и стонала. Я уставилась на нее в полном недоумении. Вошла Софи и принялась смеяться.

Она попыталась объяснить мне, что Эстель изображает призрака.

Наверное, она подумала, что я пришла из леса с привидениями. Я попросила их рассказать подробнее. Софи описала глухой лес, который находился от их дома на расстоянии нескольких дней пути. Говорили, что в этом лесу живут привидения, потому что за последние годы там необъяснимо пропали несколько человек. Рядом с ним мало кто живет, да и те стараются обходить его стороной.

Честное слово, не знаю, что на меня нашло в тот миг, но я выпалила:

– Да, я пришла через лес Призраков, а до этого почти год прожила с заколдованным медведем в замке в горе за лесом.

Мама и дочка молча уставились на меня. Наверное, Софи уже жалела, что приняла сумасшедшую, и думала, как бы поскорее меня выставить.

И в этот миг Эстель крикнула:

– Мама, это тот белый медведь!

– Да, да, – рассеянно ответила Софи. И рассказала, что за последние два-три года Эстель несколько раз говорила, что видела белого медведя, который бродил по окрестным полям. Софи не верила, полагая, что дочка придумывает.

– Это правда, – убежденно сказала я.

Софи удивленно покачала головой. Мне пришлось рассказать ей, что происходило в замке и про свой план найти ту землю, которая лежит к востоку от солнца и к западу от луны.

– Невероятно, – сказала в конце Софи и тут же твердо добавила, что, прежде чем думать о путешествиях, я должна восстановить силы и избавиться от кашля. Мне уже не терпелось

²² Да, норвежский (фр.).

²³ Эстель, она норвежка (фр.).

²⁴ Спасибо (фр.).

отправиться дальше, но я знала, что Софи права.

В углу комнаты стоял замечательный станок, на котором начали ткать что-то шерстяное. У меня не было денег, чтобы отблагодарить Софи за ее доброту и заботу, поэтому на следующий день я предложила помочь ей. Софи сказала, что никакой награды ей не нужно, но я настояла. Подошла к станку, села на маленький табурет и начала ткать.

Я была рада, что снова могу заниматься любимым делом, хотя поначалу это навеяло воспоминания о замке. Правда, этот станок больше походил на те, которые были у нас дома, поэтому я стана думать о Недди и Снурри, а потом меня затянула работа.

Вскоре я обнаружила, что соткала длинное полотнище. Софи и Эстель стояли рядом и смотрели на меня так, будто я была троллем с семью головами.

– Великолепно! – воскликнула Софи.

Она взяла полотно в руки и спросила, где я научилась так ткать. А Эстель добавила, что мои руки двигались так быстро, что она еле их замечала.

Я смутилась и сказала, что ничего необычного в этом нет, просто я начала ткать с младенчества. Софи опять изумленно покачала головой.

После обеда Софи пошла собрать сено в скирды, а я осталась с Эстель и помогла ей приготовить ужин. Мы справились быстро: сварили овощную похлебку с мясом и оставили ее над огнем в очаге. Эстель предложила сыграть в ее любимую игру. Она вытащила деревянную дощечку, на которой были нарисованы квадраты, и маленькую коробочку с фигурками для игры, мастерски вырезанными из дерева.

Эстель объяснила мне правила игры, которую называла шахматами. Но потом как-то быстро потеряла интерес к настоящей игре и стала придумывать свои правила и истории про фигурки.

– Их вырезал папа, – сказала она мне. – А я придумала для каждой имя.

Она показала на одну замысловатую фигуру:

– Это важная дама, королева Марабу!

По словам Эстель, королева Марабу была отважной юной леди, с которой много всего приключалось; однажды она даже победила огромное войско ужасных существ, среди которых была ведьма-тролль с двенадцатью головами, скользкое чудовище по имени Боунлесс, который воровал у людей кости, потому что у него своих не было, и огнедышащий волк-привидение.

Мой французский прошел хорошую проверку в этих сказках: мне удалось понять почти все и даже выучить несколько новых слов.

Эстель играла королевой Марабу, а мне досталась роль всех остальных фигур с доски, и тех, кто прислуживал королеве, и ее глупых врагов. Когда пришла моя очередь играть роль волка-привидения и завывания мои оказались не такими, как нужно было Эстель, она решила, что устала играть в шахматы.

И начала учить меня играть в хлопки. Это было похоже на игру, в которую мы играли с сестрами, только песня начиналась по-другому:

Старушка должна встать у бочки, у бочки,
Грязное белье постирать, постирать;
Когда оно будет красивым и чистым,
Наденет его и пойдет танцевать.

Эстель повторяла слова, когда мы ударяли друг друга правой рукой по правой руке, а потом левой по левой и вместе. А я думала о своей прачечной в замке, вспоминала, как аккуратно стирала каждую неделю белую ночную рубаху. Слезы навернулись на глаза, и я сбилась с ритма.

Эстель недовольно посмотрела на меня.

– Давай другой стишок, – сказала я, глотая слезы.

Она с легкостью перешла на другую песенку, и хлопки раздалась снова. Затем она вспомнила еще одну песенку и еще... Потом она спросила меня про серебряное колечко. Я рассказала, что человек, который был белым медведем, подарил мне его, прежде чем исчезнуть. Я сняла кольцо с пальца и показала ей надпись *Valois*. Эстель не знала, что это значит (как и ее

мама, которую я спросила позже). Я надела колечко на палец, и мы продолжили игру. Последний стишок был таким:

Солнце светит на востоке, луна на западе,
И свинки кувыркаются в кукушкином гнезде.
Овца по солнцу прыгает, луну поймала кошка,
И все едят клубничный джем золоченой ложкой.

Эстель повторяла его снова и снова, и казалось, никогда не остановится, но тут вернулась Софи, и мы пошли ужинать.

Когда я легла на соломенный тюфяк, в голове продолжали крутиться стишки. Овцы, прыгающие по солнцу, коты, охотящиеся на луну... Я, наверное, сама луну поймаю, если найду путь к той земле, что лежит к востоку от солнца и к западу от луны.

И вдруг до меня дошло, как будто обухом по голове ударило. Я даже села.

«К востоку от солнца и к западу от луны» ничего не обозначало. Это была присказка, вроде песенок Эстель. Головоломка, не имеющая ответа. Когда незнакомец сказал, что они отправятся «к востоку от солнца и к западу от луны», он имел в виду, что уйдет в никуда, в такое место, куда мне будет не добраться. Почему он выбрал именно эти слова? Может, только так ему было позволено сказать? Или так ему самому сказали?

Ну что ж, не важно. Я все равно отыщу его. Хватит сидеть, пора отправляться на поиски.

Утром я сказала об этом Софи.

– Слишком рано, – возразила она. – Подожди еще немного, чтобы окрепнуть.

– Мне нужно идти, – сказала я.

– Тогда мы с Эстель пойдем с тобой, – ответила Софи не менее решительно.

Я удивленно взглянула на нее:

– Я даже не знаю, куда пойду.

– Тогда я помогу тебе. Ты ведь точно знаешь, в каком направлении идти?

– На север. Сани умчались на север. А Туки говорил о земле, покрытой снегом и льдом.

Думаю, королева отвезла его туда.

Софи кивнула и сказала:

– У меня есть кое-что для тебя.

И вышла из комнаты. Вернулась она со свитком пергамента. Я сразу догадалась, что это. Карта. Она принадлежала мужу Софи, который привез ее из морского путешествия. Он был моряком, в море и погиб.

Это была хорошая карта португальского картографа.

– Теперь она твоя, – улыбнулась Софи.

– Нет, я не могу ее принять.

– Можешь, – сказала она.

Она развернула карту, разложила ее на столе в кухне и показала точку на юго-западе Франции.

– Мы здесь.

Я нашла на карте Норвегию и не поверила своим глазам. Как далеко ушли мы с медведем! За семь дней пересекли большую часть Франции, по меньшей мере половину Норвегии, Германию, Голландию и Данию. Мне для этого понадобится год или еще больше, не говоря о путешествии через Северное море.

Софи наблюдала за мной. Она заметила и удивление и смятение на моем лице, положила руку мне на плечо и сказала:

– Мужайся!

Я изучила карту и решила, что пойду к портовому городку Ла-Рошель, где постараюсь попасть на корабль, плывущий на север. Я не знала, как мне удастся сесть на корабль без денег, но другого выхода не было. Добраться по морю было бы намного быстрее, чем шагать пешком по земле. Оказалось, что брат Софи живет в Ла-Рошели и хорошо знает порт. Наверное, он мог бы помочь мне. Софи и Эстель собирались проводить меня до Ла-Рошели. Софи давно не видела своего брата, а теперь представился такой хороший случай навестить его.

Мы вышли на следующее утро.

Королева троллей

Наше прибытие во дворец оказалось таким, как я мечтала. Собралась большая толпа, все были нарядно одеты. Мне сказали, что Симка трудилась день и ночь над роскошным пиром, который ждал пас вечером. Единственное, что портило праздник возвращения, – это недоумение, читавшееся в глазах моих ближайших советников. Никто не осмелился сказать что-нибудь вслух, когда я повелела, чтобы мягкокожему мужчине отвели несколько комнат рядом с моими, по я чувствовала, что они не в восторге.

Урда – вечно недовольная Урда – одна осмелилась сказать, что я сделала ошибку, взяв себе мягкокожего. Всю дорогу в санях она без устали повторяла, что мой народ никогда не примет его во дворце. В конце концов пришлось заклеить ей рот колдовством. (Как ей это не понравилось!)

Урда ошибается. Я смогу склонить народ на свою сторону.

Я представлю его ко двору сегодня вечером. Но я не скажу им, что он станет их королем. Лучше подождать, дать им время привыкнуть к его присутствию. А потом я прикажу им готовиться к свадьбе.

Для меня видеть, как он входит в ворота моего дворца, было символом исполнения самых заветных желаний. Радость моя невыразима, она горит во мне, словно маленький кусочек солнца.

Роуз

До порта Ла-Рошель мы добрались менее чем за две недели. Я была рада, что Софи и Эстель пошли со мной, но меня беспокоило, что я не могу по-настоящему отблагодарить их за все, что они сделали. Софи и слушать меня не стала, но я поклялась, что найду способ вознаградить ее.

Однажды Эстель спросила меня:

– А тебе не страшно идти в Ледяную землю?

Так она называла Арктику. Я подумала немного и ответила «нет».

– Конечно, – широко улыбнулась она, – ты вылитая королева Марабу!

Я не обманула Эстель. Я действительно не боялась. Во мне давно зародилось тайное желание отправиться однажды далеко на север. Когда я была маленькой, отец объяснил мне, что земля круглая и на самых южных и северных точках земного шара простираются земли вечного холода. Меня очень удивило, что в мире есть места, где большую часть года солнце не показывается вообще, а в другой части мира оно, наоборот, не заходит в это время за горизонт. Там никогда не тает снег, а белых медведей и полярных сов больше, чем людей. Учитывая, что я родилась на север, меня должен был тянуть к себе этот край. Все северное было в моей природе.

Одним из моих любимых рассказов в детстве был рассказ про богиню Фрейю – как она путешествовала по миру и искала своего мужа, Ода.

Это была одна из историй, которую я рассказывала медведю в замке. Я знаю, что она ему очень нравилась. Он всегда поднимал голову и внимательно смотрел, особенно когда я добиралась до той части, в которой говорилось, как Фрейя добралась до далекого заснеженного севера – земли, которая называлась Нильфхейм²⁵, – и встретила на своем пути огромный ледяной дворец. Фрейя оказалась заперта в этом дворце, и если бы она не была бессмертной, то, конечно же, замерзла бы насмерть. Но ей удалось сбежать. Она надела плащ из лебединых перьев, и он понес ее по воздуху над северным сиянием и привез прямо домой, в Асгард. Она так и не нашла мужа. Я всегда считала, что она слишком легко сдалась.

²⁵ Нильфхейм – ледяная земля.

Я заставляла Недди рассказывать мне эту историю огромное количество раз, так что в конце концов ему надоело, и больше он не повторял ее. Но я все равно постоянно думала о дивном ледяном Нильфхейме и представляла, как я еду туда на моем белом мишке. Жизнь – странная штука, и наяву я отправляюсь в Ледяную землю не с медведем, а *за* медведем.

Брат Софи Серж обрадовался, когда увидел сестру и племянницу. Они с женой оказались очень добрыми людьми, накормили меня и позволили остаться у них. Серж пообещал узнать о корабле, который отправляется на север, хотя, по его словам, такое путешествие должно стоить немало. Когда я сказала, что могла бы работать вместо оплаты, Серж не рассмеялся вслух только потому, что был очень вежливым человеком. Он сказал, что молодых девушек редко берут в юнги.

Я немного помолчала, раздумывая, а потом спросила:

– Нет ли случайно в городе лавки, торгующей бальными платьями?

Серж и Софи удивленно посмотрели на меня. Я повторила свой вопрос.

– В центре города есть лавка галантерейщицы, – ответил Серж, взглянув мельком на сестру. – Но я не знаю...

– Скажите, пожалуйста, как туда добраться? – твердо попросила я.

Серж объяснил, а Софи и Эстель решили составить мне компанию.

Мы вошли в лавку. Это было чистое, уютное заведение. На стенах висели полки из темного дерева, забитые рулонами ткани всех мыслимых и немыслимых расцветок. На манекенах было выставлено несколько платьев. Я подошла к владелице лавки – тучной женщине в кружевном чепце.

– У меня есть платье на продажу, – сказала я.

Она недоверчиво оглядела мою потертую дорожную одежду.

– Я не торгую крестьянскими платьями, – холодно процедила она.

Когда я вытащила из вещевого мешка кожаный кошелек, ее взгляд стал еще насмешливее. Но когда я достала из кошелька серебристый сверток и начала его разворачивать, глаза женщины округлились.

Я встряхнула серебряное платье, которое даже не помялось и блестело так же, как и в замке. Эстель закричала:

– Роуз, какое оно красивое!

– Я не поняла... Извините, если... Платье, действительно, очень красивое, – запинаясь, проговорила хозяйка услужливым тоном. – Я буду очень рада купить его у вас.

Софи помогла мне поторговаться с ней, так как я не очень разбиралась в ценности французских монет, которые мне предлагала галантерейщица. Я вышла из лавки с ощущением, что сильно разбогатела, хотя Софи утверждала, что мне должны были заплатить больше.

Мы вернулись к Сержу.

– Что вы узнали о кораблях? – спросила я у него.

– Их всего два. Одно – ветхое судно с жалким подобием капитана. О нем не стоит даже думать. Другое – португальская каравелла с капитаном по имени Контарини. У Контарини великолепная репутация. Говорят, он немного суров, но зато отличный моряк. Контарини согласен взять тебя до Тонсберга, но плата будет высокой.

Я была разочарована: Тонсберг находился на южном побережье Норвегии. Я надеялась, что найду судно, которое шло бы еще дальше на север.

– А второе судно, о котором вы упомянули? Куда оно направляется?

– Думаю, старик Тор сам не сказал бы.

– Что это значит?

– Тор – печально известный пьяница. А прозвали его так потому, что он считает себя потомком знаменитого викинга. Его корабль, кнорр, знавал времена и получше.

– Кнорр?

– Так называются старинные корабли в стиле викингов. В этой бухте такой только у Тора. Единственное преимущество путешествия с Тором, – добавил Серж, – что денег он возьмет ровно столько, сколько нужно на бочонок нива. Но это не стоит даже обсуждать. Заплати Контарини, и будешь точно уверена, что доплывешь до Норвегии без особых приключений. А в Тонсберге найдешь другой корабль, который увезет тебя дальше на север.

Я согласилась, и на следующее утро мы с Сержем отправились на каравеллу. Но прежде я попрощалась с Софи и Эстель. Сначала Софи отказалась принять деньги от меня, говоря, что я вполне расплатилась с ними, когда ткала у них дома. Но я все же вручила ей несколько монет и сказала, что это за карту. Эстель крепко обняла меня и сунула в руку что-то маленькое. Это оказалась фигурка королевы Марabu. Я сказала ей, что не стоит нарушать коллекцию, но она ответила, что дядя Серж вырежет ей новую королеву, а эту я должна взять с собой в путешествие.

– Чтобы она помогла тебе найти твоего белого медведя.

Поблагодарив еще раз Софи и Эстель, я направилась к причалу.

Капитан Контарини был приземистым человеком с тяжелым взглядом. Он без особого желания согласился взять меня на борт при условии, что я плачу вперед полную стоимость и обязуюсь не попадаться ему на глаза.

– Это плохая примета, – сказал он, – брать на борт женщин. Ты не будешь покидать свою каюту до тех пор, пока мы не причалим в Тонсбергс.

Еду мне будут приносить, и это будет единственным общением с командой корабля. Серж помог мне расплатиться и проследил, чтобы меня не обманули. Я отдала капитану Контарини почти все, что получила за серебряное платье.

Пожелав Сержу удачи на прощание, я поднялась на борт, и капитан тут же повел меня в каюту. Мы долго петляли по каким-то узким проходам и наконец пришли в маленький чулан. Капитан вручил мне ведро, флягу с водой и тонкую подстилку вместо матраса.

– Не выходи отсюда, – хмуро сказал он и захлопнул за собой дверь.

Я с недоверием осмотрела чулан: он был темный, без окон. Я почувствовала, как корабль мягко качается на волнах. Все это вместе с духотой вызвало у меня тошноту. Серж сказал, что путешествие продлится не больше пяти дней. Конечно, пять дней можно вытерпеть все, что угодно, но здесь я задыхалась. Представила, что не буду дышать свежим воздухом целых пять дней... Ощущение неудобства возрастало. Это намного хуже, чем замок. Нет, я не смогу просидеть здесь так долго!

Я подошла к двери, но она оказалась запертой снаружи. Капитан решил подстраховаться.

Я почувствовала, как во мне закипает злость. Хватит с меня запертых дверей! Я вытащила из швейного набора иглу и открыла замок. Надела вещевой мешок и с большим трудом отыскала палубу.

Капитан пришел в ярость, когда увидел меня. Матросы с интересом наблюдали, как он схватил меня за руку и потащил к трапу.

– Я не буду сидеть взаперти под палубой! – заявила я.

– Тогда ты не поплывешь на моем корабле.

– Замечательно. Отдавайте мои деньги.

– Вот уж нет. Мы заключили сделку. Если ты не соблюдаешь условия, то меня это не касается.

Он оставил меня на причале и начал поднимать трап. Потом резко повернулся и посмотрел на меня.

– И не думай впутывать сюда своего Сержа. Я тут на короткой ноге с властями, и никто не станет слушать обвинения какой-то...

Последнее слово он произнес по-португальски, но по взгляду капитана я поняла, что это было ругательство.

Я стояла и злилась на капитана и еще больше на себя за поспешное решение. Мне совсем не хотелось возвращаться к Сержу и Софи.

Нужно найти другой корабль, пусть даже это будет капитан-викинг с плохой репутацией.

После долгих поисков я нашла-таки суденышко. Оно стояло в дальней, заброшенной части причала, но я сразу узнала его. Оно было длинное и узкое, с одной-единственной мачтой и очень низкой посадкой. Изогнутый нос корабля не отличался от кормы, только по рулевому веслу можно было определить, где задняя часть. Подойдя ближе, я увидела на носу фигуру в виде головы животного. Но годы и волны так потрепали судно, что невозможно было понять, какого именно. Я разглядела обнаженные клыки и пронзительный взгляд и решила, что это медведь. Что ж, хороший знак, сказала я себе.

Казалось, что рядом никого нет, поэтому я стояла и изучала судно. Несмотря на потрепанный вид, я сразу прониклась к нему симпатией. На ее борту лежал какой-то груз, накрытый шкурами.

– Эй, ты! – раздался грубый оклик у меня за спиной. Говорили по-норвежски. – Чего тебе надо?

Я повернулась и увидела высокого человека с длинной густой бородой и суровыми синими глазами. Волосы у него были такие же, как борода, – длинные и взлохмаченные, цвета сливочного масла, хотя кое-где обильно подернутые сединой. Одет он был в куртку с хитрыми металлическими застежками. На бедре висел длинный нож в кожаных ножнах, а на шее болталось ожерелье с серебряным молотом Тора.

– Извините, – быстро сказала я, – я любовалась вашим судном.

– Ты что, норвежка?

Я кивнула.

– Тогда топай к маме, порт не самое подходящее место для юной леди, – посоветовал он и достаточно ловко для своих размеров запрыгнул на суденышко.

– Мне нужно добраться до Норвегии, – обратилась я к нему.

– Я тебя не повезу, – сказал громила, даже не обернувшись.

– Я думала, что вы отправляетесь на север.

– Я перевожу только грузы, пассажиров не беру.

– Пожалуйста, сэр. Я буду работать. Мне нужно попасть...

– Нет! – Он поглядел на меня жестким взглядом.

– Простите его за ужасные манеры, мисс, – сказали по-норвежски у меня за спиной. – У Тора закончилось пиво.

Я повернулась и увидела двоих мужчин. Тот, который говорил, был невысокий, загорелый, худощавый, очень подвижный. Он спрыгнул на борт, подошел к сундуку и удобно на нем устроился, оперевшись на борт лодки.

Второй человек был светловолосый, высокий и медлительный. У него было широкое некрасивое лицо. Он ничего не сказал, но похоже было, что он спокойный и добрый. Он тоже запрыгнул на борт и кивнул мне.

– Спроси, Тор, может, она умеет готовить, – сказал коротышка. – Я не переживу, если на этот раз опять придется стряпать самим.

– Я умею готовить, – выпалила я. – Кроме того, я заплачу за поездку.

– Послушай-ка, она готовит и у нее есть приданое. – Коротышка ухмыльнулся. – Скажи, красавица, ты обручена? Если нет, то я стал бы замечательным мужем для такой...

– Я тебе язык вырву, Гест, если ты не примешься за работу! – проревел Тор.

Коротышка вскочил и начал возиться со снастями.

– Пожалуйста, – сказала я человеку, которого звали Тор.

И хотя он наводил на меня ужас, я заглянула ему прямо в глаза.

– У меня нет денег... – начала я.

Он фыркнул:

– Отстань. Я и так потратил на тебя слишком много времени.

– ... но зато есть вот что... – продолжала я, вытаскивая кожаный кошелек. Меня очень расстраивало, что приходится расстаться со вторым платьем вслед за первым. Но мне нужно было добраться до севера.

Когда я расправила золотое платье, все трое уставились на меня.

– И что мне делать с этим? – рявкнул Тор. Потом демонстративно повернулся ко мне спиной.

Тот, кого называли Гестом, сказал:

– Не глупи, Тор. Если продашь в Париже такое платье, сможешь купить новый кнорр. И еще заполнить его пивом так, что хватит до конца года.

Тор медленно повернулся, на его лице появилось некое подобие заинтересованности.

– Давай сюда, – сказал он, вылезая на причал. И схватил грубыми грязными ручищами тонкий сверкающий материал. – Идет, я отвезу тебя на север.

– Спасибо.

– Я его заберу прямо сейчас, – сказал он, унося платье. – Мы отчаливаем на закате.

Он неловко свернул золотое платье и зашагал в город.

– Да здесь ты и половины того, что оно стоит, не получишь, – крикнул ему Гест.

Но Тор не обратил внимания. Гест пожал плечами:

– Да, сильно же ему хочется выпить!

Он обернулся ко мне:

– Ну, добро пожаловать на борт. Как тебя зовут?

– Роуз.

– Роуз? А я Гест, к твоим услугам. Это мой товарищ Горан. (Высокий мужчина кивнул мне.) Надеюсь, мисс Роуз, вы умеете печь малиновый пирог из соленой свинины и черствого хлеба?

– Наверное, нет, но я могла бы попробовать, если у вас есть пшеничная мука.

Его губы расплзлись в широкой улыбке.

– Милое дитя!

– Можно спросить? – начала я. – Куда все-таки направляется этот корабль?

– Отчего же нельзя? Мы плывем на север, за Сюррой, но, когда старина Тор у штурвала, никто точно не может сказать. Если он много выпьет (благодаря золотому платью), то скорее всего потащит нас в бурное море на поиски Валгаллы.²⁶

У меня от волнения закружилась голова. Сюррой находился на самом севере Норвегии – о таком я и мечтать не могла, но меня встревожили слова Геста. Я могла лишь надеяться, что он преувеличивает.

Я решила, что до заката успею написать письмо домой. Сделав это, я вернулась к каравелле и, избегая встречи с капитаном Контарини, нашла одного доброго матроса, который за несколько монет согласился довести мое письмо до Тонсберга, а там проследить, чтобы оно попало в Андальсины. Конечно, я не могла быть уверена, что он выполнит мою просьбу, но в нем чувствовалась надежность.

Время приближалось к закату, когда я добралась до кнорра.

Когда я подошла к лодке, до меня донеслось громкое пение. Тор развалился на корме и пел, сжимая в руках штурвал. Гест радостно помахал мне, помог забраться на борт и предложил сесть.

– Будет сильная качка, – предупредил он.

Тор продолжал петь.

Гест ловко отвязал все канаты, удерживающие кнорр у причала, и они с Гораном оттолкнули его. Парус надулся, и лодка отчалила.

– Этот старый пьянчуга ни за что теперь штурвал не отдаст, – проворчал Гест, схватившись за снасти, которые висели над палубой.

Я с беспокойством посмотрела на волнорезы, защищавшие вход в порт. Казалось, мы напрямик направляемся к одному из них, но Тор вдруг крутанул штурвал, и лодка повернула. Он громко рассмеялся и запел снова. Мы вышли в открытое море.

– Нам повезло, – сказал Гест. – Ветер юго-восточный.

Этот ветер хорошо помог нам в первые два дня пути.

Удивительно, но я быстро приспособилась к жизни на борту. Гест предсказывал мне морскую болезнь, как сухопутному человеку, но ничего такого со мной не случилось. Нравилось, когда морской ветер обвевал лицо. Нравилось чувство скольжения по волнам.

На второй день плавания мы увидели на северо-западе белые утесы земли, которую называли Англией. Если бы я не знала, то подумала бы, что они белые, потому что покрыты снегом, но Гест объяснил мне, что это из-за известняка – меловые горы.²⁷

²⁶ *Валгалла* – в скандинавской мифологии – чертог Однна, рай, куда попадают воины, погибшие в бою или изнемогшие в борьбе с волнами, и те, кто умер не от старости на соломе. Попадают туда по морю пли по радуге.

²⁷ Обрывистые края меловых гряд образуют знаменитые «белые утесы». Отсюда, кстати, пошло поэтическое название Англии – Альбион. Известковые клифы видны даже за 32 км с французского берега.

Вскоре мы вышли из Северного моря, по которому я плавала в тюленьей шкуре с медведем.

Следующие пять дней прошли без особых событий. Я научилась готовить во время шторма, используя котелок, подвешенный на треножник. То, что у меня получалось, было даже съедобно, учитывая, из чего мне приходилось готовить. Но Гест щедро рассыпал мне похвалы, хотя, мне кажется, больше для того, чтобы позлить Тора. Гест был очень любезен, с ним не бывало скучно, а Горан чаще молчал. Тор разговаривал только со своими двумя матросами, делая вид, что не замечает меня.

В конце концов Тор немного протрезвел, и стало ясно, что он был бы превосходным капитаном, если бы не слабость к спиртному. Гест оказался прав: большая часть денег за золотое платье ушла на покупку пива. Оно хранилось в самой надежной части лодки – под палубой, и Тор часто туда захаживал, чтобы наполнить маленькую фляжку, которая всегда была при нем.

Как-то раз Тор, напившись, уснул у руля, и мы попали в зыбь. Горан взял штурвал и уверенно повел нас вперед. Казалось, что Горан и Гест привыкли к ненадежности Тора и спокойно относились к его выходкам.

Для навигации у Тора имелся магнитный камень, который он всегда носил с собой в маленьком кожаном мешочке. У моей мамы тоже был такой, поэтому я знала, как им пользоваться. Но не переставала удивляться каждый раз, наблюдая, как игла медленно передвигается на север, указывая на Полярную звезду.

На шестой день на горизонте показались Шетлендские острова, и Гест сказал, что Южная Норвегия лежит прямо к востоку от нас, но мы слишком далеко, чтобы ее увидеть. Если будем двигаться с той же скоростью, добавил он, то окажемся в Сюрое через восемь-девять дней.

Но на следующий день ветер стих. Мы простояли неподвижно несколько часов, и вдруг Тор крикнул мне, чтобы я взяла штурвал. До этого моя работа заключалась в приготовлении пищи и вычерпывании воды (из-за низкой посадки кнорра это было непрерывной и важной работой). Гест и Горан опустили парус, и Тор мрачно объяснил мне, как прямо держать руль. Он был самым крупным из троих мужчин и поэтому взял весло с одного бока, а Гест и Горан по веслу с другого.

Я довольно скоро почувствовала штурвал и приоровилась к нему, да и Тор постоянно выкрикивал указания. Грести было тяжело, и я посочувствовала мужчинам: от напряжения по их лицам тек пот. Ко времени обеда Тор вернулся к рулю, а я пошла готовить копченую рыбу и резать хлеб. Тор все время прикладывался к фляжке, и Гест за ним внимательно наблюдал.

На небе появились тучи, и я решила, что это хорошо – грести будет не так жарко. Но в воздухе чувствовалось что-то странное. Снова подул ветер, гоня по воде белые гребешки. Небо становилось все чернее.

Тор подпрыгнул, пролив содержимое фляги.

– Поднять парус! – рявкнул он.

Гест нахмурился:

– Надвигается большая буря, Тор. Лучше не рисковать парусом.

– Пусть! – крикнул в ответ Тор. – Мы ее оседлаем. И хорошо повеселимся!

– Но за последние минуты направление ветра поменялось несколько раз, – возразил Гест. – Ты знаешь, что это предвещает...

– Поднимай парус! – прорычал Тор. – «Лучше пойти ко дну, чем спускать паруса», – продекламировал он.

Горан и Гест с неохотой занялись парусом. Ветер бушевал, материя вырывалась из рук, но в конце концов парус взвился вверх, надулся, и мы помчались вперед сквозь бушующие волны.

Тор выхватил у меня штурвал. От него разило пивом, и мне вдруг стало страшно. Гест и Горан ходили по лодке, проверяли снасти. Мне ничего не говорили, но я взяла черпак для воды.

С неба лил дождь, смешиваясь с брызгами волн. Я тут же вымокла насквозь, но даже не заметила, увлекшись вычерпыванием. Вскоре Гест и Горан пришли мне на подмогу.

Волны становились все выше. Казалось, что вместо каждого вылитого в море черпака воды назад, на борт, возвращаются три.

Каждый раз, когда я видела огромную накатывающую волну, я была уверена, что это

конец, что корабль опрокинется. Но суденышку удавалось выскользнуть из-под волны.

Ветер ревел, но парус не поддавался. Снасти, сдерживающие его, натянулись до предела и в любой момент могли лопнуть.

Тор всем телом налегал на штурвал, борясь с ветром и мощными волнами, чтобы удержать судно. Глаза его горели, а лицо светилось от каких-то одному ему ведомых чувств. Казалось, он даже улыбается.

Гест что-то крикнул Горану. Они отбросили черпаки, побежали к парусу и спустили его. Я посмотрела на Тора и увидела, что его лицо исказилось от ярости.

– Труссы! – проревел он.

Я испугалась, что он набросится на них, но он остался на месте.

Парус вырывался и бился как живой, пока двое мужчин складывали его. Они как могли привязали его и снова принялись вычерпывать воду. Без паруса корабль немного успокоился. Я слышала, как Тор ругает команду.

Мы прорвались сквозь еще одну большую волну, и вдруг я увидела огромную гору воды, которая неслась на нас. Я закричала от страха, а Гест забормотал молитву. Потом я повернулась и увидела, что Тор пробирается ко мне, а штурвал бешено крутится у него за спиной. На лице Тора больше не было ярости – лишь какая-то фанатичная решительность. Ветер отбрасывал назад его волосы, отчего он стал похож на сумасшедшего морского бога. Он сгреб меня огромными ручища-ми, словно куклу, отнес на нос корабля и запихнул под доски палубы. Там я наткнулась на собственный вещевой мешок, который хранился здесь с другим грузом, и прижала его к груди. До меня долетали глухие крики и вой ветра, а потом раздался страшный грохот – гигантская волна обрушилась на кнорр.

Когда я очнулась, ветер еще бушевал, но корабль каким-то чудом остался на плаву. Слышны были только треск досок, плеск воды вокруг и затихающее завывание ветра.

В голове стучало, но я осторожно приподнялась и потихоньку вылезла из-под досок палубы. Села по пояс в воде и почувствовала легкое головокружение. Я закрыла глаза. Потом открыла.

Рядом никого не было.

Королева троллей

Он не может привыкнуть к отсутствию шерсти. Я вижу, как он трет кожу. И почти все время молчит.

Я зову его Мик. Похоже, он понял, что это его новое имя. Если не обращать внимания на печаль и молчаливость, то передо мной все тот же мальчик, которого я когда-то встретила в Зеленых Землях. Он – это все, чего я когда-либо хотела. Его голос, его мягкая теплая кожа, даже улыбка, которую сейчас я так редко вижу. Два дня назад он впервые улыбнулся – в ответ на шутку Туки. Это была все та же улыбка, которую я помню, – как солнышко на снегу, тающая, добрая.

Я продолжаю заниматься колдовством, пытаюсь смягчить собственную кожу, чтобы он чувствовал себя со мной как с обычным человеком. Пока что изменения временные, это меня расстраивает, но я не прекращаю попыток.

Туки странно ведет себя со мной. Он убегает, как только видит меня. Урда нервничает; она знает, что я сделаю, если от него будут неприятности. Может, было ошибкой послать его на юг, но Урде было бы одиноко без сына. В любом случае, это ее вина. Ей следовало получше за ним следить и не позволять ему проводить время наедине с мягкокожей девчонкой.

Перестановка в комнатах Мика почти закончена. У него будут книги и музыкальные инструменты. Может, не нужно было делать точно такую же флейту, какая была у него в замке. Я видела, как он посмотрел на нее, когда первый раз взял в руки: как будто воспоминание кольнуло его. Но оно прошло. И он с чувством поблагодарил меня.

Теперь осталось только подготовиться к свадьбе. Нужно столько всего сделать, но это приятные хлопоты. Мне очень хочется, чтобы он сразу стал моим мужем, но поскольку он уже здесь, то я могу потратить время на то, чтобы подготовить роскошный свадебный пир.

Это будет самая чудесная церемония из всех, какие бывали в Ульдре. Потрясающая.

Незабываемая. Самые высокие и важные гости придут со всех концов земли.

День, когда воздадут почести нам обоим – королеве и ее королю.

Поуз

Сначала я не могла поверить.

Я была одна, совершенно одна в огромном море, на разбитом корабле, который медленно тонул. Мачта исчезла, от нее остался только острый обломок с меня высотой. Парус частично покрыл палубу, другая его часть свисала за бортом и тянулась по воде. В середине зияла большая дыра. Штурвал тоже исчез, а вместе с ним, видимо, и большая часть груза. Меня пробрала дрожь.

Ветер стих до нежного бриза, и кнопр плыл по волнам, не подозревая, что единственным его пассажиром осталась взъерошенная, испуганная девочка. Потом я сказала себе, что нельзя поддаваться панике, и встала. Нужно было найти черпак. Во время шторма корабль набрал много воды, и борта угрожающе приблизились к уровню воды в море.

Я не нашла ни одного черпака. Что, если их смыло за борт? Может, хотя бы один остался под парусом? Я с трудом приподняла край мокрой тяжелой материи, посмотрела и вздрогнула: сперва мне показалось, что там какой-то мертвый зверь, но потом я сообразила, что это окровавленная нога. У меня заколотилось сердце, и я стала поднимать парус дальше.

Там лежал Тор. Нога его неестественно изогнулась. Я стянула с него капюшон и увидела, что глаза его закрыты, а лицо в крови, которая сочилась из глубокой раны на лбу. Казалось, что он мертв, но вдруг он пошевелинулся и тихо застонал.

Одна рука его тоже была странно изогнута, а ладонь сжимала обломки штурвала. Я склонилась над ним и стала щупать пульс. Он был слабым и неровным. Тор опять застонал.

Я собрала все силы, чтобы освободить его из-под паруса, потом стала искать что-нибудь, чтобы остановить кровь. Нашла несколько коробок с грузом под палубой. В одной из них лежал большой кусок парусины. Я поднялась вверх и достала нож, который Тор всегда носил с собой. Его глаза едва приоткрылись, когда я вытащила нож из ножен. Я вернулась под палубу и ножом отрезала кусок ткани. Поднялась к Тору и стерла кровь с лица. Рана на лбу была глубокой, с рваными краями, внутри белела кость. Нужно зашить, подумала я, вспоминая раны, которые видела за время жизни на ферме. Наложила ему на лоб тугую повязку и занялась ногой. Рана там была не такая глубокая, но нога явно сломана. И рука тоже.

Тор опять приоткрыл глаза, но тут же потерял сознание. Я перевязала руку и ногу так, чтобы они не двигались, и накрыла Тора сухой тканью, уложив его поудобнее.

Немного отдохнув, я обошла весь корабль от носа до кормы, оценивая поломки. Убедилась в том, что ни Горана, ни Геста на борту нет. Их смыло в море. С беспокойством я оглядывала море вокруг, хотя и чувствовала, что напрасно ищу. Вокруг была только вода. Никаких признаков человека, груза или земли.

Совершенно растерянная, я сидела и смотрела на воду. Хотела поплакать о двоих, которых смыло в море, но не смогла.

Я вспомнила веселые шутки Геста, медлительность и спокойствие Горана. Неужели они погибли?!

Что касается Тора... Он лежал при смерти. Удивительно, что я осталась невредима после удара волны. Это Тор меня спас. Я опустила на колени и закрыла глаза, слушая, как вода плещется за бортом. Потом потрогала пальцем серебряное колечко.

Вдруг я почувствовала тепло на затылке, подняла глаза и увидела, как солнечные лучи прорываются сквозь серые тучи. От этого на душе стало немного легче.

Я бросила взгляд на Тора. Если я собираюсь выжить и осуществить задуманное, то без него мне не обойтись. Взглянув на солнце, я поняла, что до наступления ночи осталось всего несколько часов.

Я вытащила из-под палубных досок свой вещевой мешок и подошла к Тору. Он лежал без сознания. Я сняла со лба повязку, которая насквозь пропиталась кровью, взяла иглу и льняную нить и зашила рану. Я уже делала такое раньше: на ферме папа просил меня зашивать раны у домашних животных. Затем взяла доски и тряпки и как смогла закрепила сломанные руку и

ногу. Пока я возилась, Тор очнулся. Когда я выправляла ногу, его тело содрогалось от боли. К тому времени, как я закончила, он опять был без сознания.

Я уложила его поудобнее и накрыла. Вытащила из его руки обломки штурвала и пошла к рулю, размышляя по пути, как привести его в порядок. Все было сломано, но починить, наверное, можно.

Но сперва парус, решила я. Сложно оказалось вытащить ту часть, которая висела за бортом, но все же мне удалось втянуть ее на палубу и разложить, чтобы она просохла на солнце. Весь низ паруса был разорван в клочья. Зато пока я возилась с парусом, нашла один из черпаков и вычерпывала воду, даже когда стало совсем темно.

Я думала, что корабль движется на запад, потому что солнце зашло прямо перед нами. Но на самом деле это было не важно, потому что я понятия не имела, где мы находимся.

Без солнца стало холодно. Я искала, но не нашла ни одного мехового мешка, в которых мы спали. Я сильно устала, поэтому легла рядом с Тором под парусину: вдвоем должно быть теплее. Скорее всего, я задремала, потому что внезапно проснулась с неприятным чувством, что на меня кто-то смотрит. Спросонья я подумала, что я в замке и лежу рядом с моим ночным гостем.

Но на меня смотрели голубые глаза Тора. Они были мутные.

Ночь стояла на удивление светлая. На небе сияла половинка луны и звезды мерцали, словно миллион свечей. Лицо Тора было отчетливо видно. Я села.

– Тор?

Он не ответил, но взгляда от меня не отвел.

– Вы ранены, – объяснила я.

Он моргнул и попытался поднести сломанную руку к лицу. Застонал и опустил ее.

– Гест, Горан...

Я с трудом разбирала слова.

– Их нет, – просто ответила я. Он закрыл глаза.

– Тор? – Я стала нащупывать его пульс. Его веки дернулись.

– Отдыхайте пока, – сказала я и опять устроилась рядом с ним.

Я внимательно слушала его дыхание: оно было прерывистым, но постепенно стало равномерным. И я заснула.

Проснулась я на рассвете. Дул свежий ветер, солнце сияло в безоблачном небе. Тор еще спал.

Я поднялась и потянулась. Если бы только мне удалось починить парус, чтобы можно было поднять его, тогда я смогла бы сама управлять лодкой. Но это невозможно. У меня не хватит сил и умения. Я пожалела, что недостаточно внимательно следила за моряками, когда они ставили и убирали паруса. Что я буду делать, если Тор не поправится?

К счастью, на корабле остались еда и вода. Я нашла все это, когда обследовала судно. Под палубой в ящике лежали запасы сухарей и бочонок с вяленой рыбой. Еще я нашла небольшую коробку с грушами из Франции и, самое главное, две большие фляги со свежей водой, четыре фляги с пивом и несколько с вином. Можно было догадаться, что Тор спрячет свое драгоценное пиво в самом надежном месте.

Нужно было попробовать разжечь огонь. Треногу с котелком я обнаружила еще накануне под парусом, но не было ничего сухого, что можно было бы использовать в качестве растопки. Я быстро съела кусок хлеба с вяленой рыбой и вернулась к Тору.

Он проснулся и смотрел в небо. Я налила в кружку воды и села рядом с ним.

– Тор, выпейте!

Он бросил на меня взгляд и снова уставился в небо.

– Оставь меня, – пробурчал он.

– Немного воды, – упрашивала я. Он не обратил внимания.

Его поведение пугало меня. В его глазах была пустота, словно он решил умереть. Я сидела и не знала, что делать.

– Тор... Нужно выпить воды.

Он не ответил.

Я поднесла кружку к его губам:

– Пожалуйста...

Он поднял левую руку и резко отшвырнул кружку. Вода разлилась и замочила одежду.

– Отстань, – повторил он.

Я разозлилась. Просто так разлить драгоценную воду!

Я ушла. Парус почти высох, и я принялась закатывать дыру. Ткань была толстая, и починка заняла почти весь день. Я часто подходила к Тору, предлагая воду или еду. Но он по-прежнему не обращал на меня внимания. Я видела такие глаза: так смотрит корова, потерявшая слишком много крови при сложном отеле. Или ягненок, который упал и сломал шею.

Мне было до слез жалко моряков, но я боялась и за себя.

Иногда на меня накатывали волны злости, когда я сидела и втыкала иглу в толстую парусину. *Пускай умирает, если хочет. Я сама справлюсь!*

Но потом мой взгляд падал на сломанную мачту, бескрайнее море вокруг, и я понимала, что не справлюсь.

Я сделала последний стежок и осмотрела свою работу. Мне никогда не поднять этот чертов парус! С проклятиями, которым подивился бы сам Тор, я встала и направилась к умирающему.

Я встала над ним и громко сказала:

– Ладно, валяй, умирай! Ты называл Геста и Горана трусами за то, что они опустили парус, но трус на самом деле – ты!

Он моргнул и посмотрел на меня. Мне показалось, что в глазах его что-то блеснуло.

– Не думала, что викинги подышают, как раненые ягнята, – продолжала я.

Тор пробормотал что-то – я не расслышала, но, похоже, он ругался.

– Можешь ругать меня сколько хочешь, но я не сдамся!

Он поднял голову и проговорил сквозь зубы:

– Я не трус.

– Тогда пей. – Я поднесла к его губам кружку.

– Иди ты со своей окаянной водой! – проскрежетал Тор. – Принеси мне пива.

Я побежала к фляге и наполнила кружку до краев. Поднесла к его губам, но он вытянул левую руку и выхватил кружку. Пока он пил, я принесла сухарей и вяленой рыбы. Тор схватил еду и стал запихивать ее в рот.

– Еще пива! – проворчал он, насытившись.

Недди

Письмо от Роуз пришло после того, как мы собрали осенний урожай.

Дорогой Недди!

Я пишу, чтобы сказать тебе, что я жива и здорова. Я не живу больше в замке с медведем. Это длинная история, надеюсь, что расскажу ее тебе в конце путешествия. Я сделала ужасную глупость и причинила кое-кому очень сильный вред. Теперь я должна отправиться в далекую землю – ту, которая лежит к востоку от солнца и к западу от луны.

Ты умнее, чем я, поэтому уже понял, что такой земли не существует. Тем не менее я отправляюсь туда. Мне кажется, есть смысл в том, что я должна найти место, которого не существует. Именно там в маминых кошмарах я умираю.

Передай, пожалуйста, маме, что свеча горела очень хорошо. И еще скажи, что я сама решила зажечь ее, я не виню маму.

Вина моя, мне и в путь отправляться. Я должна пойти одна. Поэтому не пытайся найти меня. Исправлю то, что натворила, и тогда смогу вернуться домой. Поверь мне, Недди, и постарайся не беспокоиться.

Скажи папе, что я люблю его, а маме, Зорде, Виллему и Заре – что я скучаю по ним и надеюсь, что скоро мы все снова будем вместе. С любовью твоя сестра Роуз

Роуз

Следующие несколько дней стояла ясная погода. Тор все еще лежал, а я приносила ему еду и питье – по большей части пиво. В конце концов он велел мне поставить флягу рядом с ним, чтобы он сам мог пить, когда ему вздумается.

Я сомневалась, что пиво, особенно в таких количествах, поможет его выздоровлению. Но, по крайней мере, он решил жить, а сложение у него было как у быка. С каждым днем силы его прибавлялись, и рана на лбу почти зажила.

Вскоре он смог сидеть, а потом даже встал и простоял несколько минут, опираясь на самодельный костыль, который я соорудила из сломанной доски.

Когда он снова лег, я спросила:

– Как ты думаешь, Гест и Горан могли спастись?

Тор фыркнул и сделал большой глоток пива.

– Можно ведь за что-нибудь зацепиться и остаться на плаву. Они хорошо плавали, и если где-нибудь поблизости земля... – Я обвела взглядом бесконечное морское пространство. – Неужели это невозможно?

– Возможно что угодно, – сказал Тор. Наполнил кружку и лег. Закрыл глаза. – Знаешь, у меня был сын.

– Да? – глупо проговорила я. Я не могла себе представить, что у Тора была семья и жизнь вне лодки.

– Его звали Эгил. Моего сына убила шайка воров. Вместе с матерью. Моей женой. – Голос Тора дрогнул.

Когда он открыл глаза, в них застыла горечь.

– Они остались бы живы, если бы я был рядом и защитил их. Но они умерли. Как Гест и Горан. И я умер бы, если бы ты меня бросила.

– Я не могла тебя бросить. Ведь ты спас мне жизнь. Это обычная вежливость в ответ на доброе дело.

Тор вдруг запрокинул голову и рассмеялся. Это был беспечный искренний смех, и мне он понравился, хотя я знала, что Тор пьян.

– Я рад, что ты вежливая, – сказал он.

Я тоже рассмеялась: наши отношения налаживались. После этого мы, конечно, не стали близкими друзьями, но он хотя бы перестал делать вид, будто меня вообще нет.

В тот день я спросила Тора, представляет ли он, где мы находимся.

Он допил последний глоток пива из кружки и посмотрел на меня с неким подобием улыбки. Глаза его почти смеялись.

– Hafvilla.

– Где?

– Hafvilla. Это старинное слово, – пояснил Тор. – Викинги использовали его, когда нужно было сказать, что они окончательно заблудились.

– Думаю, мы плыли в основном на запад с тех пор, как закончился шторм, – предположила я.

Он пожал плечами и вновь наполнил кружку.

– Можно ли как-нибудь починить мачту? – сменила я тему. – Я залатала парус.

– Ух и сообразительная ты морячка, – нелюбезно проворчал он.

– Тор!

Он снова пожал плечами и критическим взглядом оглядел судно.

– Мы могли бы приладить что-нибудь – не такое высокое, конечно, но хотя бы способное поймать ветер.

– Если ты скажешь мне, что сделать... Я сильнее, чем кажусь.

– Серьезно? – недоверчиво проговорил Тор, оглядывая меня с ног до головы.

– Я хочу научиться всему, что ты знаешь: как управлять лодкой, как вычислять курс, всему... – быстро сказала я.

Он немного помолчал, потом повернулся и посмотрел на меня, как будто увидел в другом свете.

– Тебя не очень воодушевляет вечное плавание по морям со старым пьяницей, да? Ну, может, я и научу тебя. Я не шибко хороший капитан, – усмехнулся он, – да и запасы спиртного

рано или поздно закончатся.

– Думаю, рано, – вставила я.

– Ты должна быть предельно внимательна. Я дважды не повторяю. К тому же я нетерпелив.

Это он явно преуменьшил. У него был ужасный характер и отвратительные манеры, и все это вместе зависело от того, сколько он выпил. Если слишком мало, то он был невыносим, если слишком много – беспечен и невыносим.

Но Тор великолепно знал морское дело и любил его, что сполна возмещало его грубость. Он рассказал мне, как починить штурвал и приспособить вместо мачты доску от палубы. Он научил меня управляться с парусом и даже объяснил в подробностях устройство кнорра.

В конце он добрался до навигации.

– Способов определять направление существует столько же, сколько на свете моряков. Почувствуй вкус побережья, прислушайся к изгибу берега, понюхай воздух...

Он объяснял, как читать по звездам, солнцу и луне, приливам, погоде, рассказал про жизнь птиц и рыб, про температуру воды и ее цвет. А потом торжественно показал, как пользоваться его драгоценным магнетитом.

На меня разом обрушилось огромное количество сведений, и временами я падала духом и думала, что мне этого никогда не запомнить.

К вечеру второго дня на руках у меня вздулись волдыри от снастей, спина разламывалась, а голова болела от несметного количества новых знаний. Я вспомнила, как в прошлый раз пересекала океан. Как в сказке: меня, завернутую в тюленью шкуру, нес, словно младенца, белый медведь. Да, без колдовства жизнь намного сложнее. Я втирала в покрытые волдырями ладони льняное масло и с тоской размышляла о том, как все просто, когда можно использовать магию. Наверное, поэтому она многих притягивает.

Но, с другой стороны, в сложностях и состоит вся прелесть жизни. Когда я сидела в замке – обители колдовства, – больше всего мне не хватало ежедневных дел. Именно поэтому я устроила прачечную и настояла на том, что буду стирать сама. На самом деле, это так здорово – сидеть дома за столом с мамой и сестрами и чистить картошку, кормить цыплят, этих пушистых шариков, которые копошатся у ног, и смотреть, не вернулся ли Недди из поля! Бесконечно гулять по полям и лесам, натирать на пятках мозоли, подолгу простаивать у лисьей норы, чтобы одним глазком подсмотреть, как мама-лисица кормит новорожденных лисят. Может, конечно, мозоли мне и докучали, но они были частью моей жизни.

Я знала, хоть мне никто этого и не говорил, что белый медведь с радостью променял бы удобную жизнь в заколдованном замке на целую гору сложностей.

Я продолжила втирать масло, а перед глазами стоял незнакомец, который раньше был белым медведем. И снова отчаяние сквозило в его взгляде. Я не могла сдержать слезы, и они ручьями потекли по лицу.

– Наверное, перетрудилась, а? – донеслись до меня слова Тора.

Я смахнула слезы и посмотрела на него: кружка с пивом в руке и насмешливое выражение лица.

– Конечно нет.

– Значит, солнце в глаза светило слишком долго, – саркастично продолжал он.

– Я кое-что вспомнила, – сказала я сухо и отвернулась. – Точнее, кое-кого.

Молчание. Потом:

– Прости меня. Я это зря, – неожиданно проговорил Тор.

Я удивленно на него посмотрела.

– Зачем ты плывешь в Сюррой? – вдруг спросил он. Первый раз за все это время он задал мне личный вопрос.

Я посмотрела на него и почему-то сказала правду. Наверное, из-за выражения его глаз. В них сверкнуло – только на секунду – что-то от взгляда Недди.

Я долго-долго рассказывала. Я ждала, что он начнет перебивать меня и недоверчиво смеяться. Но он молчал.

Я договорила и тяжело вздохнула. Пальцы безотчетно теребили серебряное колечко. Тор молчал.

– Необычный рассказ, – произнес он наконец.

Повисла пауза.

– Значит, ты отправилась на север, чтобы все исправить. Помочь белому медведю. Точнее, человеку, который был медведем.

Я кивнула.

– Мой дед как-то рассказывал, что однажды разговаривал с белым волком. Но тогда он был ужасно пьян, – ухмыльнулся Тор. – Видно, у меня его наследственность.

Я даже не улыбнулась.

– Я плавал на север, – продолжал Тор, глядя вдаль. – Севернее Норвегии. Видел на горизонте белую землю. Если на свете есть колдовство, то, полагаю, оно должно обитать на Крайнем Севере, там, куда люди не могут добраться.

Мы помолчали.

И когда Тор снова заговорил, я первый раз услышала, как он назвал меня по имени:

– И, Роуз, раз уж мы подняли этот парус, кнорр отвезет тебя на север. В конце концов, ты спасла мне жизнь. Это будет просто обычной вежливостью отвезти тебя туда, куда ты хочешь.

И мы оба рассмеялись.

Недди

Письмо Роуз удивило меня. Видимо, чем старше, тем серьезнее она становилась. Не сами слова, а тон сестры опечалил меня, как будто я потерял ее навсегда.

С того дня, как мама во всем созналась, они с отцом снова были вместе. Вдову Озиг выдворили с фермы, а отец перестал ездить в путешествия.

Когда пришло письмо, мы с отцом провели не один вечер, обсуждая, что делать. Несмотря на те отрывочные сведения, которые Роуз сообщила о себе, когда приходила домой, мы понятия не имели, где находится замок. Знали только, что нужно перебираться через большую воду. Наконец мы решили, что пока ничего предпринимать не будем. Мы верили Роуз и полагали, что она сумеет найти дорогу домой.

Мама согласилась с нами, хотя считала, что должна что-то делать, а не сидеть и ждать. Она сама попыталась разузнать что-нибудь про исчезнувшего торговца, того, кто продал ей свечу и кремень. Выяснилось, что приехал он с севера, ненавидел теплую погоду и даже в самые жаркие дни носил одежду с длинными рукавами, длинные брюки и перчатки из мягкой кожи. У него не было друзей, он почти не выходил из дому. Еще мама рассказала нам, что кожа у него на лице была странная – грубая и в морщинах и необычный голос – хриплый и глубокий, как будто у него сильная ангина или кашель.

В эти дни у нас произошло счастливое событие: Зара и Гаральд Сорен объявили о своей помолвке.

Зара сказала, что сначала это было чувство благодарности. Здоровье ее улучшалось, они проводили все больше времени вместе, и благодарность переросла в любовь. И хотя он был намного ее старше, все видели, что они очень подходят друг другу.

Зара не хотела назначать дату свадьбы, пока не вернется Роуз. Мы понимали, но чувствовали, что Роуз не захотела бы, чтобы Зара страдала из-за нее.

– Ей бы не понравилось, что ты откладываешь свое счастье, – сказал я Заре.

Она кивнула и ответила:

– А ты, Недди? Только скажи – и Гаральд устроит тебя к лучшим ученым в Бергене или даже в Тронхейме – не так уж это и далеко. То, что ты говоришь обо мне, относится и к тебе.

Зара была права. Я отложил отъезд из-за Роуз. Что, если она приедет навестить нас, а меня не будет?! Но ее письмо все изменило. Я серьезно подумывал о том, чтобы принять предложение Сорена.

Все решилось, когда Сорен убедил отца перевести мастерскую в Тронхейм. Город предлагал большой рынок для сбыта папиных карт, к тому же там можно было нанять новых работников. Вдобавок папа с Сореном договорились построить в Тронхейме печатную машину. В крупных городах газеты только начали появляться, и процветали. Сорен говорил, что настало время и для Тронхейма.

Но у меня были сомнения. В глубине души я чувствовал, что если мы переедем, то таким образом согласимся с тем, что Роуз не вернется никогда. Хотя умом я понимал, что она должна вернуться. Она где-то бродила и делала то, что нужно было сделать. Она всегда так поступала.

Роуз

Через полторы недели после разговора о белом медведе я заметила птицу. Сначала я не поняла, кто это. Я стояла у штурвала и, хотя было холодно, засыпала. Последние дни сильно похолодало, и на мне была надета вся одежда, которую я везла с собой. Тор сильно напился и спал. Только что рассвело. Я смотрела, как белая птица парила в синем небе. Она опускалась почти до воды и снова взмывала вверх. Белая птица прилетела с запада, она покружила над нами и направилась назад.

Потом я вспомнила: птица – значит, поблизости земля! Сколько раз Тор повторял это! Накануне он рассказал мне про викинга-исследователя, который потерялся в море и чуть не умер с голоду. А когда увидел чайку, то тут же обратился в христианство.

Я закричала:

– Тор!

Ответа не последовало. Поэтому я бросила штурвал и подошла к нему:

– Проснись, Тор! Я видела птицу.

Он открыл глаза и, хотя еще был пьян, умудрился сесть.

– Птица, а? Где?

Я объяснила, что она улетела в западном направлении.

– Неужели? – пробубнил он себе под нос. – Не может быть... – Лицо его исказилось от боли.

Схватив костьль, он побрел к штурвалу, приказав мне привести в порядок снасти, пока он изменяет направление. Он повернул нос корабля точно на запад и велел принести ему новую флягу с пивом. Я колебалась.

– Тащи сюда пиво, и поживее, не то я брошу тебя за борт!

Я решила не спорить и выполнила приказ. Я все время смотрела на запад, но к середине дня никаких признаков земли не заметила. Закат должен был наступить через несколько часов – солнце садилось почти сразу после обеда. Это означало, что либо мы заплыли далеко на север, либо уже началось зимнее солнцестояние. А может, и то и другое вместе.

Опустилась длинная ночь. Я спала урывками, наблюдая за Тором, который не выпускал из рук фляжку. На рассвете я первая заметила тонкую белую линию на горизонте и показала на нее Тору. Он что-то промычал и отхлебнул пива.

Ветер становился все слабее и менялся на южный, поэтому нам пришлось долго добираться до земли. К тому же с неба посыпался ледяной дождь со снегом.

Когда земля была уже отчетливо видна, упившийся Тор захохотал. Он вел корабль зигзагом по волнам, а потом и вовсе бросил штурвал, уселся на скамью и запел песню про «путешествие в Виноградную страну»²⁸. Я вдруг увидела, что мы угрожающе близко подходим к заснеженному мысу, подскочила к Тору и схватила штурвал.

Мне удалось увернуться и проскочить мимо одного айсберга, но тут я заметила, что их много вокруг. Не самое удобное место, чтобы научиться пришвартовываться к берегу. Ветер дул с юга, поэтому я направила судно на север в надежде найти более удобное место для высадки.

За парусом присмотреть было некому, он болтался и хлопал. Я стала про себя бранить Тора. Надо же было ему именно сейчас упиться до потери сознания! И что это за земля? Я закрепила штурвал веревкой и пошла за своим вещевым мешком. Вытащила карту, которую мне подарила Софи, и принялась внимательно изучать ее.

²⁸ Название части восточного побережья Северной Америки, придуманное викингами. По предположениям ученых, исландские мореплаватели под руководством Лейфа Эриксона побывали здесь в начале XI в. и могут считаться первыми европейцами, открывшими этот континент.

Тор сказал, что, судя по короткому световому дню, мы должны быть где-то около Сюроя, но он не знал, насколько западнее нас отнесло в шторм. Тогда земля могла оказаться Исландией или... далеким островом, который называется Гренландия. Потом я вспомнила.

Незадолго до того, как я заметила белую птицу, Тор рассказал мне, как умерли его жена и сын. Тор работал на преуспевающего морского торговца и надеялся однажды купить собственный корабль. Потом ему предложили место на судне, которое отправлялось в Гренландию, куда викинги явились первыми. Говорили, что у побережья Гренландии хорошая охота на китов.

Путешествие оказалось неудачным: погода стояла плохая, начался повальный мор и корабль даже не доплыл до Гренландии. Тор вернулся ни с чем и обнаружил, что его жена и сын были убиты ворами. Следующие несколько лет Тор топил горе в бочке с пивом, потом работал на каких-то случайных работах, наконец наскреб денег и купил очень старый, ветхий кнорр эпохи викингов и починил его. Занялся морской торговлей, чем и зарабатывал на жизнь последние лет двенадцать. Когда я все это вспомнила, я сообразила, что вид Гренландии всколыхнет воспоминания Тора о неудачной поездке и о тех, кого он потерял.

Мне стало жаль его, но я все равно злилась. Я никогда не смогу причалить сама, тем более к такому каменистому берегу. Может, если только мне удастся найти что-нибудь вроде причала.

Солнце уже село, и я вела корабль в ночи. Луна то исчезала за облаками, то появлялась вновь. И мне лишь иногда удавалось разглядеть нечеткую линию берега, вдоль которого мы плыли. В конце концов я решила бросить якорь и подождать до утра, чтобы при свете найти место для высадки. Дрожа, я накрыла храпящего Тора, сама зарылась в одеяла и заснула.

Проснулась я оттого, что падал снег, на моих одеялах его уже набралось дюйма два. Солнце должно было вот-вот взойти.

Я смахнула снег, встала и потянулась. Тор еще не пришел в себя: он лежал с открытым ртом и тяжело дышал. Я оглядела побережье и в сером свете различила только какую-то тонкую полоску на севере. Может, это был причал?

Сначала я попыталась растолкать Тора. Потом подняла парус и повела судно к земле. Впереди была видна небольшая бухта. Внезапно мне ужасно захотелось ступить на твердую землю, и я не раздумывая направила кнорр к берегу. Свет был настолько тусклый, что невозможно было понять, где заканчивается вода и начинается земля. Но мне было все равно.

В этой бухте было достаточно спокойно. Корабль скользил по волнам, на палубу тихо падал снег. Я напрягла зрение, и мне показалось, что я вижу на берегу несколько камней, напоминающих человеческие фигуры.

Каким-то образом мне удалось избежать подводных камней. И вот наконец корабль заскрежетал и въехал на заснеженный берег.

Я постояла несколько минут, переводя дыхание, а потом пошла на нос корабля. Тор всхрипнул и перевернулся на скамье. Солнце еще не встало, и вокруг было серо. Несмотря на большое количество одежды, я дрожала от холода. Скинула доску вместо трапа и спустилась по ней на берег.

Я постояла немного около корабля, приходя в себя после такого длительного плавания, и вдруг услышала шум. Я повернулась и увидела странные фигуры, которые я вначале приняла за камни, – они шли ко мне. Снег скрипел под их ногами. Один поднял руку, и все остановились, но самый маленький человек продолжал идти ко мне. Я спокойно стояла, но сердце испуганно колотилось.

Ко мне подошла женщина, с темной, морщинистой кожей и узкими черными глазами, одетая с головы до ног в одежду из шкур. На голове у нее был капюшон из серебристого меха, который затенял ее лицо.

Она остановилась и посмотрела мне прямо в глаза. Я сделала то же самое, что оказалось правильным решением, – позже я узнала, что она местный шаман и в тот момент читала мою душу. Если бы я отвела взгляд, она решила бы, что я что-то скрываю, и меня скорее всего убили бы.

И вот шаман определила, что душа моя чиста, улыбнулась мне и заговорила. Я не понимала ее, хотя язык показался мне знакомым.

– Я из Норвегии, – сказала я.

– А, Норвегия, – кивнула она и показала на кнорр.

Я подумала, что она хочет подняться на борт, и подвела ее к самодельному трапу. Она прошла от кормы до носа, внимательно осматривая поломанный корабль. Около Тора она остановилась. Тот еще не пришел в себя после пьянки. Она склонилась над его распростертым телом, протянула руку и потрогала потускневшее ожерелье с молотом. Внимательно его оглядела, потом пальцем подняла веко Тора.

Она посмотрела на меня и произнесла какое-то слово, похожее на норвежское «болезнь». Я покачала головой и жестами изобразила, как он выпил бочонок пива.

Улыбка медленно расползлась по лицу шамана, и она понимающе закивала. Потом подошла к борту и позвала тех, кто стоял на берегу.

Они окружили корабль и затащили его подальше на берег. Мне пришлось схватиться за мачту, чтобы удержаться на ногах.

Женщина начала спускаться и жестом позвала меня за собой.

– Меня зовут Мальмо, – сказала она, спрыгивая на берег и поворачиваясь ко мне.

– А меня Роуз, – ответила я и подумала, не нужно ли пожать руку. Но она не предложила руки.

Вместо этого сказала:

– Ты пойдешь с Мальмо. И пошла с берега.

– Но мой друг...

– Мы возьмем его тоже, – сказала Мальмо.

Я пошла за ней. Я почему-то доверяла ей. Может, мне тоже удалось заглянуть в ее душу, пока она исследовала мою? Я чувствовала, что она не причинит мне вреда.

Мы пришли в небольшой поселок из каменных домиков. Мальмо подвела меня к одному из самых больших домов, откинула шкуру, которая была вместо двери, и пригласила войти внутрь.

– Мальмо дома, – объяснила мне шаман.

Это был домик из камня, глины и сухой травы. В нем было две комнаты: в одной ели, в другой спали.

Мальмо предложила мне сесть и дала шкуру, чтобы я накинула ее на себя и согрелась. Потом вышла и оставила меня в одиночестве. Вскоре она вернулась со своими людьми, которые несли Тора. Он был без сознания. Они положили его на возвышение для сна и укрыли шкурами.

Две женщины принесли миску с похлебкой и чашку с дымящимся медовым напитком. Мальмо улыбнулась мне:

– Ешь, отдыхай, – и снова ушла.

Я была голодна, поэтому быстро все съела и завернулась в шкуру. Села рядом с храпящим Тором и стала размышлять обо всем, что произошло с тех пор, как я покинула замок. И первый раз за все это время я подумала о белом медведе с тайной надеждой. Я была где-то рядом с ним. Согретая этими мыслями и горячей похлебкой, я заснула.

Книга четвертая СЕВЕР

Она отправилась на спине Северного Ветра на самый край земли.

Роуз

Мы приплыли к деревне Неяк на северо-восточном побережье Гренландии. Мальмо показала мне ее на карте. Эти люди были эскимосами и жили здесь испокон веков – с тех пор, как Седна, Мать Обитателей моря, пришла охранять океаны. Мальмо знала норвежский язык, потому что раньше сюда часто наведывались норвежские охотники за китами. Ничего хорошего

о них она сказать не могла. Мнение ее о викингах было еще хуже. Они первыми явились в своих длинных лодках и принесли эскимосам опустошение и страх. Викинги называли их Skraelings, то есть «уродцы». Эскимосам понадобились годы, чтобы избавиться от завоевателей. Понятно, что мой «викинг» с переломанными конечностями и страстью к спиртному особого страха не внушал.

Пьяный Тор все еще спал, а мы с Мальмо разговорились. Она хорошо говорила по-норвежски, поэтому мы легко понимали друг друга. Я рассказала про ужасный ураган, в который мы попали, и про то, как потеряли Геста и Горана. Она спросила, куда я направляюсь.

– На север, – ответила я. – Не могли бы вы рассказать мне про земли, что лежат к северу отсюда?

Мальмо кивнула:

– К северу от Гренландии лежит земля, которая составляет ледяной купол мира. Старики эскимосы рассказывали про ледяной мост, связывающий Гренландию с ледяным куполом, но теперь уже никого не осталось в живых из тех, кто видел этот мост, или тех, кто мог бы рассказать про него.

– Я его найду.

– Ты? Найдешь ледяной мост? – хихикнула она и бросила взгляд на мою одежду.

Я куталась в плащ, но все равно мерзла даже в доме, под крышей.

– Все равно я должна идти на север.

– Зачем?

И я рассказала ей всю историю, как до этого Тору. Она внимательно слушала, не сводя с меня ярких глаз.

– Seku папоа, – сказала она с уважением и, вытащив из огня палку, несколькими ловкими движениями нарисовала белого медведя.

Потом посмотрела на Тора, который никак не мог прийти в себя.

– А с викингом что будешь делать?

Я молчала. Мне стало стыдно, что я вообще не подумала о Торе. Я посмотрела на него, на его спутанную бороду, руку и ногу, перевязанные все теми же тряпками, пропитавшимися морской водой, кровью и пивом. Его корабль был едва ли в лучшем состоянии.

Шаман перевела взгляд с меня на Тора и обратно, а затем наклонилась и прямо посмотрела мне в глаза.

– Ты пойдешь дальше, а старый викинг останется. Он поправится здесь, если захочет. Если не захочет, пойдет своей дорогой.

– Спасибо.

Вскоре Тор проснулся, хмельной и в плохом настроении. Мальмо попросила, чтобы ему принесли еды, не обратив внимания на то, что Тор потребовал пива. Она позвала меня и сказала:

– Ты будешь есть позже. Тебе сейчас нужно много чего другого.

И мы отправились в самое необычное путешествие «по магазинам». В первом месте, куда мы зашли, Мальмо долго беседовала с мужчиной, который там жил, указывая на меня и повторяя слова «seku папоа». Дело закончилось тем, что хозяин побрел по дому, собирая разные вещи, которые потом отдал мне. Мальмо произносила название каждой вещи по-эскимосски, но я многие вообще видела впервые.

После этого мы пошли в еще один дом, где мне вручили несколько вещей. Затем еще и еще, до тех пор, пока я не скрылась под горой свертков и пакетов. Мальмо помогла донести их до дому.

Когда мы вернулись, Тор снова спал. Я подумала, что он опять выпил много, но Мальмо сказала, что нет. Ему дали лечебный напиток, от которого клонит в сон.

И она принялась объяснять мне про каждый полученный мною подарок.

Там был улу – самый важный нож из всех, которые я получила: острое серое лезвие, загнанное в костяную рукоятку. Был еще нож из кости нарвала²⁹, который использовали для

²⁹ Нарвал – единорог, морское млекопитающее из семейства дельфиновых. Длинной до 6 м, бивень может достигать 3 м.

постройки домов из снега, и нож для очистки от снега – побольше, с тупыми краями, тоже костяной, – чтобы сбивать снег с одежды перед входом в дом.

Кроме прочего, у меня теперь была длинная тонкая костяная трубка, чтобы пить оттаявшую воду с поверхности льда; щуп, похожий на иглу, для того, чтобы искать во льду дыры для дыхания тюленей; костяные очки для защиты глаз от ослепительных бликов солнца; бола – хитрая штука из костяных шариков, прикрепленных к длинной жиле, которую нужно было крутить и бросать в воздух – для охоты на птиц; несколько маленьких толстых булавок – закреплять раны у тюленей, чтобы кровь не вытекла (эскимосы явно использовали кровь тюленей для приготовления пищи – не хотелось бы мне пробовать такое лакомство); нечто под названием kitchoa – скребок для льда, сделанный из когтей тюленя, который использовали охотники, чтобы имитировать звук, издаваемый тюленем, проходящим по льду. Была пара мягких лыж из китового уса, к которым снизу были приклеены полоски оленьего меха. Видимо, этот мех замедлял скорость, когда человек несся с горы, и предотвращал скольжение, когда человек двигался наверх.

Из верхней одежды мне досталась парка³⁰ из шкуры северного оленя мехом наружу. Изнутри на мне должны были быть штаны из шкуры оленя и поддевка – мехом внутрь. Нижнее белье было сшито из утиных шкур перьями внутрь (к такому нужно еще привыкнуть, подумала я). Потом шли двухслойные сапоги: снаружи мех, внутри – птичий пух. Еще была пара рукавичек из шкуры медведя. Как только я засунула в них руки, сразу вспомнила своего белого медведя, вот только пахли они по-другому.

Я в растерянности поглядела на гору вещей. Как я все это унесу? Я спросила Мальмо. В ответ она дала мне большую котомку из оленьей шкуры. И сказала, что все, что я не надену на себя, поместится туда. И даже мой вещевой мешок. Я не поверила, но она оказалась права.

Я беспокоилась о том, чем отплачу Мальмо и ее людям за помощь. Я предложила Мальмо последнее – лунное – платье, она посмотрела на него с вежливым восхищением, но не захотела брать его. Конечно, зачем в деревне эскимосов вечернее платье?! Намного больше Мальмо заинтересовал ящик груш из Франции. Мы с Тором немного съели, но большая часть осталась.

Утром, когда я проснулась, ни Тора, ни Мальмо дома не оказалось. Я съела миску каши, которую оставили на огне, и надела кое-что из новой одежды. Когда я вышла на мороз, то почувствовала себя уютно и тепло и отправилась на берег.

Я поднялась по самодельному трапу на корабль и неожиданно увидела Тора. Он сидел на старом месте у штурвала, рядом стоял бочонок с пивом.

– Это твой завтрак? – спросила я сурово.

– Напиток богов, – ухмыльнулся Тор и снова отхлебнул. Потом с удивлением посмотрел на мою новую экипировку. – Стала эскимоской, как я погляжу.

– Тор, я собираюсь на север, – сказала я. Подошла к нему, чтобы сесть рядом.

Он отхлебнул и поднял кружку.

– «Север, север, север, она плыла в Асгард и дальше на север, север, север», – бодро пропел Тор.

– Здесь хорошие люди, – продолжала я, не обращая внимания на пение. – Я уверена, что они помогут тебе починить лодку. Может, ты найдешь кого-то, кто захочет отправиться с тобой в новые земли. Или ты мог бы остаться с ними здесь. Уверена, они были бы тебе рады.

– «Рады мы залам Валгаллы, где течет рекой эль и жарятся кабаньи головы!»

– Тор, – сказала я, вставая перед ним так, чтобы он не мог отвести от меня взгляд. – Пиво скоро закончится. Ты не сможешь вечно себя в нем топить. Ты должен жить дальше. Начни новую жизнь или хотя бы новое путешествие. Нужно что-то делать.

В его глазах что-то мелькнуло и исчезло.

– «Север, север, север... в Асгард», – пропел он.

Я встала.

– Если смогу, я вернусь сюда, когда разберусь со своими делами. Чтобы посмотреть, что

³⁰ Парка – длинная куртка с капюшоном

ты выбрал.

- Север, – нараспев произнес Тор. – Роуз выбрала дорогу на север, север, север...
- Я подошла к ящику с грушами.
- Отнесу его Мальмо и ее людям. Чтобы отплатить за их доброту.
- Что, золотых платьев больше не осталось? – ухмыльнулся Тор.
- И снова наполнил кружку.
- Прощай, Тор.

Недди

Переезд в Тронхейм прошел гладко. Только Виллем решил остаться. Торск согласился купить половину фермы, поэтому они с Виллемом будут обрабатывать землю вместе.

В Тронхейме мама и сестры занялись обустройством и отделкой нашего нового дома неподалеку от центра города. В нем были самые современные удобства, и мама очень радовалась. Папа и Сорен все время проводили у нового печатного станка, которым они восхищались, как нежные родители новорожденным.

Я стал помощником мастера Эсксторма, уважаемого автора множества научных книг. Сам датский король поручил Эсксторму написать полную историю королевств Норвегии и Дании. Меня наняли в числе нескольких учеников помогать мастеру в этом труде. Эсксторм был славный, но очень занятой человек и редко появлялся в Тронхейме. Служба при дворе вынуждала его почти постоянно находиться в Дании.

Я работал в бывшем монастыре, который мастер Эсксторм превратил в библиотеку для ученых, занимающихся религиозными и историческими исследованиями. Управлял библиотекой замечательный человек по имени Хавамаль, который раньше был монахом. Он заботился о драгоценной коллекции книг мастера. Хавамаль всегда был готов прийти на помощь. Он точно знал, где какая книга стоит, а иногда даже подсказывал номер страницы, на которой находились нужные мне сведения. Мы подружились.

Мне очень нравилась моя новая жизнь.

Сорен был слишком занят, и времени на подготовку к свадьбе у него почти не оставалось. Но Зара с помощью мамы и Зорды начала готовиться к весенней церемонии. Мы все страстно желали, чтобы к тому времени Роуз вернулась. А Виллем торжественно пообещал, что если Роуз возвратится на ферму, то он нам безотлагательно сообщит.

Каждый день я шел домой с тайной надеждой, что сегодня такое сообщение придет. Но каждый новый день приносил новое разочарование.

Роуз

Утром в день моего отъезда появилась Мальмо. Я уже упаковала все вещи и завтракала. Она вошла в дом и направилась прямо ко мне.

– Если ты позволишь мне стать твоим проводником, я отправлюсь с тобой на север, – с ходу сказала она.

У меня на мгновение пропал дар речи, и я подумала, что не поняла ее.

– Ты хочешь пойти со мной на север, чтобы найти ледяной мост?

Мальмо кивнула:

– Я шаман и всегда хотела увидеть ледяной мост. Но я не осмеливалась бросить своих людей.

– А теперь?

– Теперь белый медведь в опасности, а *seku paпоа* – это мой зверь.

– Что значит «мой зверь»?

– У каждого шамана есть свой зверь. Это *tornaq* – источник силы. До того как ты явилась сюда, мне приснился белый медведь. Когда ты рассказала о своем путешествии, я решила, что это знак судьбы. Прошлой ночью мне приснилось, что я иду по ледяному полю. – Она махнула рукой в северном направлении. – И там я снова увидела *seku paпоа*. Он говорил с моей душой, поэтому я хочу идти с тобой. Но мне нельзя покидать мой народ надолго, – продолжала она. –

Как только Седна позволит нам полюбоваться на ледяной мост, я тут же вернусь назад.

Мальмо принесла длинный берестяной свиток с картой побережья северной части Гренландии. Она вела пальцем по дуге, изрезанной узкими длинными заливами, показывая мне наш путь: мы проплывем в глубь острова, а оттуда уже пойдем на север на лыжах.

Я искренне поблагодарила Мальмо. Я была очень рада, что она решила пойти со мной. Не только потому, что она была опытнее и больше знала об этой земле, но и просто оттого, что она мне очень нравилась.

Лодка, на которой мы должны были плыть, называлась каяк – маленькая двухместная посудина, управляемая веслом. Сверху она затянута прочной непромокаемой шкурой с двумя вырезами – для меня и Мальмо.

К полудню мы с Мальмо закончили сборы. Я уже садилась в лодку, как вдруг Мальмо схватила меня за руку и показала в сторону деревни.

Я повернулась и увидела, что к нам направляется Тор. Он все еще прихрамывал и опирался на костыль. Я выбралась из лодки и пошла ему навстречу. Он выглядел немного лучше, чем в прошлый раз, когда мы встречались, и я сразу поняла, что он трезв.

– Пришел попрощаться, – проворчал он. – Не позволю, чтобы говорили, что у Тора дурные манеры.

Я улыбнулась.

– Хочу тебе кое-что дать в дорогу. – Он протянул мне свой кожаный мешочек с магнетитом.

– Нет, нет... – возразила я.

– Возьми, – чуть ли не с угрозой проговорил он. – Это не такой уж щедрый подарок для этой захолустной дыры, где дыхание замерзает прямо во рту. Я все равно подумывал сменить его на эти новомодные компасы.

Если, конечно, на моем корабле еще можно куда-нибудь уплыть.

– Наверняка можно. Ты его починишь.

Он кивнул с отсутствующим видом. Потом наклонился и взял меня за руку:

– Надеюсь, ты найдешь белого медведя. И все исправишь.

– Спасибо, Тор.

– Ну, мне пора на корабль. Там должно было на дне фляги остаться, – ухмыльнулся он.

– Что ты будешь делать, когда все закончится?

– Я слышал, здесь варят что-то из оленьего молока. Может, попробую. А может, не буду. –

Он подмигнул мне.

Я поднялась на цыпочки и поцеловала Тора в заросшую щеку.

– Прощай.

Перед самым отъездом я положила в карман парки маленькую фигурку королевы Марабу. Наверное, мне очень пригодится ее храбрость, поэтому лучше держать ее под рукой.

Мы оттолкнули каяк от берега. Мальмо принялась учить меня грести. Когда мы вышли из бухты и заскользили по волнам, я подумала, что плыть в этой лодке гораздо страшнее, чем на корабле Тора. Я сидела так близко к холодной воде, а грести было очень неудобно и утомительно. Но постепенно я привыкла к новым ощущениям и ритму, и мне даже понравилось чувствовать себя частью моря и использовать его силу и движение, чтобы толкать вперед нашу лодку.

Мы плыли на север вдоль побережья. Чем дальше мы продвигались, тем больше в воде встречалось льда. Мы предельно внимательно продвигались между льдинами, и от напряжения у меня руки едва не отваливались. Вскоре нам попался большой айсберг, похожий на огромный белый замок с острыми верхушками. Мальмо сказала, что на Крайнем Севере море непроходимо для кораблей из-за льда.

Девять дней мы гребли на север. Мальмо знала, где можно остановиться, чтобы отдохнуть и поесть. Если мы не находили убежища вроде ледяной пещеры, то натягивали шкуру, которую Мальмо захватила с собой. На десятый день мы добрались до Татке-фьорда. От одного вида огромных ледяных скал у меня замирало сердце. По сравнению с ними Ромсдал-фьорд около моего дома, впечатлявший меня в детстве, казался ручьем глубиной по колено.

Здесь мы покинули море и свернули в Татке-фьорд. Мы молча плыли по реке, и я

чувствовала тяжесть белоснежных вершин, стеной обступивших нас. Никогда еще не встречалась мне настолько оглушительная тишина, как здесь, в этом фьорде.

Через полтора дня нам пришлось остановиться, потому что стало невозможно грести из-за льда. Мы вытащили лодку на берег и взяли вещи. Закрепляя каяк в снегу, Мальмо сказала:

– Я заберу его на обратном пути. Дальше мы отправились пешком.

Вещи сложили в котомки и закинули за спины. Лыжи прикрепили к котомкам. Сначала я чувствовала себя неуверенно, как будто малейшее дуновение ветра могло свалить меня с ног. Но постепенно привыкла к ноше за спиной и зашагала быстрее.

Мы подошли к верхушке ледяной скалы. Это было очень тяжелое восхождение: котомка оттягивала плечи, воздух вылетал изо рта серебристым паром. Все вокруг было ослепительно белым, и я не понимала, как Мальмо определяет, куда идти. Но она уверенно шла вперед. Мы забрались на самый верх и надели лыжи.

Чем дальше на север мы продвигались, тем холоднее становилось. Я думала, будто знаю, что такое холод. Но зимы в Норвегии больше походили на весны по сравнению с этим жестоким, пронизывающим морозом, сковавшим землю. Он, как хищный зверь, набрасывался на нас и высасывал малейшие частицы тепла и жизни из тела.

Если бы со мной не было Мальмо, я бы погибла.

– Хорошо, что у тебя такое тело, – сказала Мальмо. – Легче в мороз.

По словам Мальмо, мой невысокий рост и крепкое телосложение были почти как у эскимосов, привыкших переносить такие морозы. А темные глаза, хотя у эскимосов они были еще темнее, помогали лучше защищаться от солнечных бликов на снегу. Смешно, но если бы я была гибкая, топкая и голубоглазая, как сестры, – всегда мечтала об этом в детстве! – то могла бы пропасть в суровых краях.

Поверхность была довольно гладкой, и на лыжах мы быстро продвигались вперед. Мы мало разговаривали, сосредоточив все силы на движении. Костяные очки, которые я надела, постоянно замерзали, но я привыкла к тому, что смотреть на мир приходилось через покрытые толстым слоем инея ресницы. Сперва я пыталась сбивать иней, но обнаружила, что вместе с ним ломаются и ресницы. Поэтому я оставила в покое иней, хотя мне стало смешно: надо думать о выживании, а я беспокоюсь о сохранности ресниц!

Однажды утром мы вылезли из палатки и обнаружили, что по земле стелется густой белый туман. Когда мы тронулись в путь, Мальмо предупредила меня, что в этом тумане все выглядит не так, как обычно.

Это был абсолютно белый мир, без конца и края.

В одном месте я увидела огромный надвигающийся айсберг и закричала Мальмо, которая, казалось, собиралась въехать прямо в него. Оказалось, что это не айсберг, а небольшой снежный холм в нескольких лигах³¹ от нас.

В тот вечер, когда мы забрались в палатку, Мальмо рассказывала мне истории про охотников, которые в этом тумане гонялись за огромными зверями, а находили всего лишь маленьких зайцев.

– А однажды, – продолжала она, – один охотник из моих людей нашел детеныша белого медведя. Он протянул руку, дотронулся до шерсти и понял, что это большой белый медведь, который вот-вот бросится на него.

Я недоверчиво посмотрела на Мальмо.

– Это правда, – серьезно ответила та. Снежный туман продержался несколько дней. А следом за ним начался буран.

Королева троллей

Приготовления к свадебному пиру идут полным ходом, но я начинаю терять терпение. Я не знала, насколько сложны королевские свадебные традиции в Ульдре. Надо бы отбросить их все и провести простую церемонию по моему собственному плану. Тогда мы с Миком могли бы

³¹ *Лига* – мера длины, равная приблизительно 3 милям.

соединиться когда угодно. Например, завтра.

Раздражает, что нужно принимать во внимание и другие обстоятельства. Например, если я перенесу церемонию на более раннее время, южные тролли не успеют приехать. Свадьба должна стать символом исторической встречи двух наших земель. Изменив планы, можно потерять престиж и, не исключено, спровоцировать дипломатический разрыв.

Более того, мой народ удивится, почему я не следую традициям Ульдра.

Ну и пусть! Я сделаю так, как хочется мне.

Роуз

Мальмо предсказала приближение бурана по облакам и ветру. Как всегда, спокойно и твердо, она начала учить меня делать снежный дом. Я вытащила специальный нож, который мне подарили в Неяке, и последовала советам Мальмо. Мы вырезали кирпичи из снега и складывали их друг на друга. У Мальмо выходили ровные прямоугольные кирпичики, а у меня поначалу какие-то кривобокие, но, когда мы заканчивали постройку, мои кирпичи уже стали похожи на настоящие. Пока я успевала вырезать один кирпич, Мальмо укладывала четыре, но со временем у меня стало получаться быстрее.

Когда буран разыгрался в полную силу, мы укрылись в крепком, достаточно просторном снежном домике. Укладывая последние кирпичи, я увидела, что на меня надвигается стена снега. Не успела я опомниться, как меня сшибло с ног. Я едва могла дышать, но попыталась ползти к входу в дом. И не увидела его. Я испугалась не зная, что делать. Вдруг Мальмо схватила меня за руку и втянула в дом. Я легла на спину и долго не могла отдышаться.

Я понятия не имела, сколько мы просидим в этой снежной крепости.

Зато Мальмо знача. Она сказала, что это Нигея – ветер, который зарождается у самого основания мира, даже дальше Нильфхейма, и может содрать кожу с человека за несколько секунд. Говорили, что Нигея может дуть неделями. Я подумала, что Мальмо преувеличивает.

Дни тянулись еле-еле, завывания ветра постоянно стояли в ушах. Я начала понимать, как люди теряют рассудок. К счастью, Мальмо умела выживать даже в таком ограниченном пространстве.

На второй вечер Мальмо вытащила из мешка нож историй. Я не знала, что это такое, думала, что-то вроде ножа для снега. Он был маленький, костяной, необычной формы. На лезвии у него красовались замысловатые рисунки, изображения рыб, тюленей, солнца и моря.

Мальмо жестом подозвала меня к себе и разровняла перед нами снег. Потом кончиком лезвия нарисовала картинку на ровной поверхности.

Это был простой рисунок – силуэты людей, солнце, дерево, река. И вдруг словно наяву я представила то, что она рисовала. А Мальмо рассказывала про каждую фигуру свою историю.

Первая сказка была про тюлениху, которая воспитала эскимосскую девочку, родители которой погибли во время охоты в море. Мальмо оказалась хорошей рассказчицей, и я сидела как зачарованная и разглядывала искусно вычерченные фигурки из сказки. Герои получались как живые, словно артисты на сцене.

Дни шли, и нож историй делал их короче. Мальмо научила меня пользоваться этим ножом. Я пересказывала сказки и истории, которые услышала от нее, чтобы лучше их запомнить. И еще рассказывала ей старинные норвежские сказки – про Одина, Фрейю и Тора. Их я рассказывала медведю в замке, и это навевало на меня грустные воспоминания. В такие мгновения я отдавала нож историй Мальмо, потому что не могла говорить. Она понимала.

День проходил за днем, буран по-прежнему ревел вокруг. Уже даже нож историй перестал помогать. Но в конце концов, когда у нас почти закончилась еда, а я чуть не начала сходить с ума, ветер стих. Я лежала на спине, равнодушно глядя в белый потолок, и вдруг осознала, что не слышу больше воя ветра. Я взглянула на Мальмо. Она кивнула мне.

– Нигея ушла, – просто сказала она. На домик навалило несколько футов снега, поэтому пришлось выкапываться из-под него. Потом мы надели лыжи и пошли дальше.

Через несколько недель мы добрались до края Гренландии. Перед нами расстилалось бесконечное замерзшее море. Мальмо сняла лыжи и спокойно объяснила, что нам нужно перебраться через ледяное море. По торосам идти на лыжах невозможно, но потом, сказала она,

мы снова их наденем. Я поглядела на месиво из поломанных льдин, тянувшееся вдоль берега, и тоже сняла лыжи.

– Лед на море толстый? – озабоченно спросила я.

– Нас выдержит, – улыбнулась Мальмо.

Я осторожно сошла за ней с берега и наступила на лед, который затрещал под моими ногами.

Постепенно я привыкла к этим звукам и перестала волноваться. Мы прокладывали себе путь через глыбы прибрежного льда, а потом, как и предсказывала Мальмо, поверхность стала более ровной, и мы снова встали на лыжи.

Целую неделю мы пробирались через заледенелое море. Как-то днем мы остановились, чтобы поймать тюленя. Мальмо нашла во льду дыру для дыхания, мы натянули палатку и стали терпеливо ждать. Она кинула в воду поплавок, сделанный из оленьего рога, который должен был задрожать от малейшего движения воды. Мы расположились по ветру от дыры, чтобы наш запах не дошел до тюленей, у которых очень хорошее обоняние. Время шло. Вдруг поплавок дрогнул. Мальмо бесшумно схватила гарпун и изо всех сил метнула его в отверстие. Нужно было действовать быстро, чтобы не дать тюленю уйти. Она дала мне нож и велела расширить дыру во льду, чтобы вытащить тюленя из воды. Я старалась сделать это как можно быстрее, и наконец Мальмо удалось вытянуть тюленя на лед. Он еще дышал, и она добила его дубинкой.

Я много раз видела на ферме, как забивают скот, но убийство тюленя Мике показалось жутким. Его алая кровь блестела на белоснежном льду.

Когда взошла луна, у нас уже было свежее тюленьё мясо. Прежде чем начать ужинать, Мальмо запела. Она делала так каждый раз перед тем, как есть пойманное на охоте. Я спросила ее, почему она поет.

– Так мы можем сохранять мир с животными. Мы живем не отдельно от животных, от моря, ото льда, а как часть всего этого. Поэтому мы должны уважать животных, море, лед.

– А убивать – разве это уважение? – спросила я неуверенно, не желая обидеть Мальмо.

Она улыбнулась мне, как ребенку.

– Понимаешь, это часть цикла. Мы должны охотиться, чтобы выжить. Неуважением было бы охотиться, когда ты не голодна, и приносить смерть неоправданно. Я пою слова извинения за то, что взяла жизнь тюленя, и прошу послать его душу в мир иной.

На другом краю моря поверхность у берега тоже была неровной, и нам пришлось снять лыжи. Лед здесь был похож на лес. Необычное зрелище: ледяные шипы поднимались на десять футов, а на поверхности были длинные глубокие трещины. Стоны и треск льда слышались тут во много раз отчетливее и громче. Когда рядом что-то треснуло особенно громко, я даже подпрыгнула, сердце бешено забилося. Да еще Мальмо предупредила, что нужно вести себя осторожно, потому что она чувствует неподалеку белых медведей.

– Но ведь белый медведь – твой totnag, источник силы, – возразила я.

– Это не защитит нас от медведя, который не ел несколько недель. Или от медведицы, у которой родились медвежата.

Мы осторожно пробирались сквозь ледяной лес. Я судорожно осматривалась по сторонам, за каждым выступом ожидая увидеть медведя. Трещины во льду становились все шире. В некоторых из них виднелась черная вода. Скрежет льдин усиливался.

Ледяной лес, казалось, никогда не закончится. Иногда я бросала быстрый взгляд на то, что представлялось мне побережьем, но оно не становилось ближе.

Я обогнула большую глыбу льда, чувства мои оцепенели от постоянного напряжения, и вдруг что-то дернулось – белое на белом – и зарычало. Я почувствовала внезапную боль и упала, задыхаясь. Увидела расплзающуюся лужу красного на снегу и поняла, что это кровь из раны у меня на лице. Что-то нависло надо мной, загораживая свет. Я подняла голову и увидела перед собой морду белого медведя.

Дыхание вернулось ко мне. Самое странное, что не мысль о смерти больше всего испугала меня, а примитивная животная ярость, с которой на меня глядели маленькие черные глазки. Ничего похожего на взгляд моего белого медведя. На меня глядели прожорливые глаза хищника, который нашел себе еду.

Недди

Моим любимым местом в старом монастыре была читальня. Она располагалась в бывшей часовне; свет шел из высоких окон с цветными стеклами. В читальне стояли богато украшенные книжные шкафы, заполненные красивыми томами с позолоченными корешками, хотя большая часть книг и рукописей размещалась в других залах. В центре комнаты стояло несколько длинных столов с деревянными стульями.

Часы здесь пролетали как минуты. Нечеткие блики рубинового, изумрудного и голубого падали от витражей на страницы старинной рукописи, которую я читал. Я наслаждался словами, написанными рукой человека, который жил за сотни лет до меня.

Однажды в конце зимы случилась очень странная история. Я только что закончил дневную работу и взял почитать отчет о морском путешествии, предпринятом викингом по имени Орм. Этот Орм был в некотором роде исследователем. Он поведал свои истории монаху в те дни, когда эпоха викингов подходила к концу и в Норвегии центром жизни становилась церковь. Монах записал рассказы викинга, и я читал их с большим интересом.

Меня всегда привлекали рассказы о путешествиях и открытиях. Особенно меня привлекали рассказы об исследовании Севера – с тех пор, когда я решил узнать как можно больше о жизни белых медведей.

Я сидел в тот день в читальне и изучал рукопись. Перевернув очередную страницу, я увидел рисунок, от взгляда на который у меня перехватило дыхание. Он был сделан, вероятно, монахом со слов викинга. На рисунке на четырех лапах стоял большой белый медведь и смотрел на человека, закутанного в шкуры. Две фигуры стояли совсем рядом и, похоже, разговаривали.

Я судорожно пробежал глазами по тексту, объясняющему рисунок:

Сбившись с курса, мы оказались со всех сторон зажаты льдом. Мои люди требуют, чтобы мы повернули на юг. Они боятся застрять здесь на всю зиму. И тем не менее я иду вперед.

Лед наступает, и мы уже окружены. Мои люди боятся. Полнолуние – невозможно спать, я брожу по палубе. Луна светит ярко, и вот передо мной необычное зрелище. Я вижу их четко, как днем. Маленький человек в шкурах и медведь. Они стоят на льду нос к носу. Я в ужасе; медведь явно вот-вот проглотит человека. Как-то я охотился на медведя: не бывает врага сильнее. Но вот что странно: медведь не съел человека! Кажется, они смотрят друг другу в глаза, словно они кровные братья. У меня волосы на голове зашевелились, я зову людей, чтобы удостовериться, что мне не почудилось. Но, похоже, звук моего голоса долетел по морю и льду до берега, потому что медведь и человек посмотрели в мою сторону, а потом отвернулись, как будто недовольные, что им мешают, и быстро пошли по льду. К тому времени, когда мои ребята продрали глаза, их уже и след простыл.

Повествование внезапно обрывалось. В последнем предложении говорилось, что только Орм и двое его матросов выжили в этом путешествии.

Я смотрел на синюю полоску света на пергаменте. Сердце учащенно билось в груди, и я вдруг понял, что кто-то стоит рядом. Я повернул голову, но никого не увидел. Но она там была. Роуз. Я был точно уверен, что это она. Я чувствовал ее запах и даже ее нежное прикосновение к моей руке. На ней были меховые варежки. Я закрыл глаза.

– Роуз? – прошептал я.

И четко услышал, как Роуз сказала в ответ:

– Недди!

Возможно, она была испугана, я не знал. И вдруг я «увидел» ее, хотя глаза мои были закрыты.

– Роуз, – позвал я снова.

Я хотел, чтобы она рассказала мне, где она и сделала ли то, что хотела. А больше всего мне хотелось услышать, что она возвращается домой. Я сосредоточился всеми силами на ее мягком прикосновении и мысленно упрашивал сестру поговорить со мной.

– Недди, – снова сказала она.

Теперь я расслышал, что в голосе у нее был страх. И вдруг почувствовал, как ее

прикосновение исчезает.

– Роуз! – закричал я, вскакивая на ноги.

Люди в читальне подняли головы и посмотрели на меня. Они, должно быть, подумали, что я спятил, видя, как я, словно слепой, ощупывал пустоту рядом с собой.

Но все было бесполезно. Она исчезла.

Роуз

Все происходило очень быстро. Я лежала, уставившись на зверя. Подумала о Недди. Потом о моем белом медведе. Вдруг я услышала голос Мальмо. Она пела. И я скорее почувствовала, чем увидела, как она обошла мое распростертое тело и встала напротив медведя.

Медведь отвлекся от меня и взглянул на Мальмо. Она поймала его взгляд и не отпустила. Напевая песню, она начала отходить от меня. Медведь, не спуская взгляда с Мальмо, пошел за ней.

Я изумленно смотрела на них. Когда они отошли на приличное расстояние, Мальмо остановилась. Они спокойно смотрели друг на друга – глаза в глаза. Можно было подумать, что они разговаривают.

В конце концов Мальмо кивнула, медведь развернулся и побрел прочь – туда, откуда мы пришли.

Мальмо вернулась ко мне и опустилась на колени. Развязала котомку, вытащила что-то и приложила к ране у меня на лице.

Я посмотрела на красное пятно на льду. Кровь уже замерзла.

– Наверное, останется маленький шрам. Держи. – Мальмо протянула мне платок. Потом достала из рюкзака костяную коробочку, сняла варежки и, обмакнув палец в мазь из коробочки, смазала рану. Сначала ее жгло, но постепенно боль улеглась.

– Ты можешь идти дальше?

– Да, – сказала я, хотя голова у меня кружилась.

Мальмо села рядом со мной.

– Давай немного подождем, – предложила она.

– Как... Что ты с ним сделала?

– Медведь был голоден, – объяснила Мальмо, – и я рассказала ему про тюленю прорубь, которую мы нашли. Может, ему повезет.

– Ты говорила с ним? – удивилась я.

– Мы говорили не словами. Я спросила его, не слышал ли он о твоём медведе.

У меня сердце подпрыгнуло в груди.

– А он?

Мальмо кивнула:

– Он знает о медведе-человеке. Так они его называют.

– Он... он знает, где медведь-человек?

Мальмо покачала головой:

– Зато он рассказал мне, что медведь-человек появился из земель за ледяным мостом. Он переходил через этот мост из Тоакоро. Тоакоро – это их название Нильфхейма. Животные туда не ходят.

– Почему?

– Они считают, что это небезопасно.

Тут Мальмо замолчала и принохалась к ветру.

– Нужно идти дальше. До ледяного моста еще далеко, а мне скоро нужно будет возвращаться к своему народу.

Я неуверенно встала на ноги. Кровь уже почти не шла, и Мальмо сделала мне повязку из куска ткани.

Мы подошли к концу ледяного леса, и я с огромным облегчением ступила на твердую землю.

Мы надели лыжи и покатали вперед. Это была утомительная, однообразная дорога. День

за днем одно и то же, хотя это и днем-то назвать было нельзя. Мы уже давно не видели солнца в краю вечной ночи.

Эта бесконечная ночь в ледяном краю ни капли не походила на норвежскую ночь. Вокруг все сияло белизной. Постоянно мерцал тусклый серый свет – это можно сравнить с норвежскими сумерками в тот миг, когда они сменяются ночной темнотой. В небе сверкали миллионы звезд. А когда всходила луна, особенно полная, белые земли заливал зловещий жемчужно-голубой свет.

Путешествуя вместе, мы стали чувствовать друг друга, словно прожили вместе много лет. Я научилась так же ловко, как и Мальмо, делать дом из снега, снимать шкуру с тюленя, рассказывать истории. Я чувствовала удовольствие оттого, что работа спорится у меня в руках. Хотя здесь только хорошо выполненная работа давала возможность выжить.

Я привыкла жить среди вечного льда и снега, любоваться захватывающей дыханием красотой бескрайнего снежного пейзажа. Хотя, конечно, в душе я не переставала любить зеленую траву, запах дождя и мокрой земли. Здесь единственными цветами были белый, серый и голубой. Изредка появлялся красный цвет – кровь тюленя на белом льду. И никаких запахов.

Мы шли долгое время. Настолько долгое, что пришло время появиться солнцу – тонкой ленте света на горизонте. С каждым днем Мальмо тревожилась все больше.

– Мне нужно возвращаться к своему народу. Если мы не найдем в ближайшее время ледяной мост, мне придется пойти назад.

Я начала беспокоиться, что ледяного моста нет вовсе, что это просто выдумка. Но потом напоминала себе, что тот белый медведь, с которым мы встретились, «говорил» о нем.

Тогда же я начала думать о том медведе, которого ищу. Человек, а не зверь занимал мои мысли. Я видела его лицо лишь мельком и иногда даже не могла его вспомнить. Но бывали мгновения, когда оно отчетливо появлялось в моей памяти, и, даже когда я не могла вспомнить лицо юноши, цвет его волос в свете свечи навсегда остался в моем сознании.

Я поняла, что ничего не знаю о нем. Даже его имени. Для меня он был «белый медведь» или «медведь, который был человеком». Но у юноши с золотыми волосами было имя, была жизнь – до того, как появилась бледная королева. Отец, мать, братья и сестры. Друзья.

Был ли он ремесленником? Или фермером? Или принцем? Как давно бледная королева украли у него нормальную жизнь? Жива ли его семья или все уже умерли и похоронены? Похоже на то, судя по его рассказу о том, что он уже давно заколдован. Внезапно я разозлилась на бледную королеву. Она очень жестока.

Зачем она это сделала? Он был красив – я поняла это, когда смотрела на него, спящего. Может, его привлекательность возбудила в ней желание завладеть им.

Нет, должна быть какая-то более серьезная причина, чтобы совершить такое вероломство.

Я подумала про замок. Может, это был его дом, перенесенный в гору? Я вспомнила комнату с музыкальными инструментами и флейту, на которой я училась играть. Ноты. Они явно принадлежали медведю, когда он был человеком.

По крайней мере, кое-что я про него знала. Он любил музыку.

Королева троллей

Я рада, что решила не спешить с приготовлениями. У меня появилась идея, чтобы Мик сыграл на флейте во время торжества. Это доставит ему удовольствие. Приготовление замедлятся еще больше: нужно время, чтобы изготовить инструмент, потом Мик должен выбрать пьесу и отрепетировать ее. Но затея стоящая.

Мои люди мало знают о музыке. Я пыталась им объяснить, но, когда они начинают играть, звучит совсем не так, как в Зеленых Землях. Думаю, если они услышат настоящую музыку, их сердца будут покорены.

Мик постепенно привыкает. Воспоминания о прошлой жизни в нем почти умерли. Я отменила закон, запрещающий мягкокожим появляться во дворце, в надежде, что так он будет чувствовать себя уютнее. Но, видимо, это была ошибка. Иногда кто-нибудь из мягкокожих слуг говорит что-то, что пробуждает в нем смутные воспоминания, – опять появляется этот загадочный томящийся взгляд, – но потом все проходит. И приходится отправлять мягкокожих

на kentta murha³². Мик спрашивает, куда они деваются. Я отвечаю, что во дворце много работы. Он немного тревожится, но потом успокаивается.

Я время от времени подумываю: а стоит ли вообще держать мягкокожих слуг? Они все равно будут пробуждать в нем воспоминания, да и с каждым годом становится все труднее ездить в Зеленые Земли. Но тогда огорчатся мои люди. Кто тогда будет работать? – скажут они. А если заменить мягкокожих троллями, начнется такой беспорядок! Нет, слишком много изменений сразу – это неразумно. Пускай сначала они привыкнут к тому, что у них мягкокожий король.

Роуз

Наконец-то мы добрались до ледяного моста.

Сначала мы его увидели, когда забрались на высокий заснеженный пик. Солнце показалось над линией горизонта, и ледяной мост заблестел в его лучах так, что у нас глаза заболели. Мы стояли и смотрели на него. Сквозь заснеженные ресницы я видела все цвета радуги. Мост был очень длинный и по форме напоминал арку. Белая земля с другой стороны моста выглядела точно так же, как и та, на которой мы стояли.

Мальмо что-то прошептала по-эскимосски.

Когда мы спускались по склону вниз к мосту, я вспомнила о Бифросте, мосте из радуги, который связывал мир людей с миром богов.

Мы спустились, сняли лыжи, и Мальмо повела меня к реке, через которую перекинулся мост. Вытянула руку, предупреждая меня, что нужно вести себя осторожно.

– Это река Tawktoak Imuk, – сказала она.

Перед нами стремительно проносился серебристо-серый с чернотой поток.

– Почему она не замерзла? – с удивлением спросила я.

– Это не обычная вода. Tawktoak Imuk – это черная вода, которая убивает. Упасть в эту реку – значит умереть. Мясо сразу отходит от костей. Здесь я должна оставить тебя, Роуз. Я слишком долго не видела своих людей. – Мальмо сняла свою котомку и положила ее на землю передо мной. Потом надела лыжи и спокойно сказала: – Ты найдешь медведя-человека.

Наклонилась ко мне и дотронулась своим лбом до моего.

– Это тебе, – сказала она, вкладывая мне что-то в ладонь. Затем повернулась и покатила назад, к склону, с которого мы только что спустились.

– Подожди, Мальмо! – крикнула я. – Ты забыла свои вещи...

Она обернулась, помахала, но не возвратилась.

– Мальмо! – крикнула я снова. И прошептала: – Спасибо!

Я видела, как она медленно взобралась по склону и остановилась на вершине. Там она подняла руки к небу и исчезла. А над этим местом закружил белый буревестник. Интересно, Мальмо превратилась в буревестника или просто съехала с другой стороны горы? Я не знала.

Тогда я опустила глаза и посмотрела на ее прощальный подарок. У меня на ладони лежал нож историй.

Я повернулась и взглянула на мост. Мальмо ушла, и я осталась одна в таком месте, где ни одно живое существо не протянет больше дня. А мне нужно было идти дальше.

Поборов зарождающуюся панику, я сунула руку в карман парки, нащупала королеву Марабу и сказала себе:

– Я перейду реку по ледяному мосту, пойду в Нильфхейм, найду медведя и спасу его.

Ведь к тому времени я уже стала наполовину эскимосом. Мальмо научила меня выживать в этом мире.

Я подошла к ледяному мосту и поставила на него ногу. Она соскользнула. Мне хватило ума не переносить всей тяжести тела на эту ногу, иначе я точно упала бы в реку-убийцу. Я сосредоточилась и попробовала опять. То же самое. Не было никакой возможности удержаться на ледяном мосту – он был как будто смазан маслом.

³² Поле-убийца (фин.).

Я так расстроилась, что села на землю перед мостом и чуть не заплакала. Но вспомнила, что слезы тут же замерзнут на щеках.

– Должен быть какой-то способ, – прошептала я себе.

Белый медведь перешел этот мост. Может, конечно, он сидел в санях бледной королевы, а может, и нет... Но у него длинные острые черные когти.

Что, если я сооружу себе такие же? Я вспомнила про костяные kitchoa, которые эскимосы используют для охоты на тюленей.

Нужно придумать, как прикрепить эти царпушки к одной ноге... И найти такие же на вторую ногу.

Итак, я принялась за работу. В котомке Мальмо я обнаружила костяные блесны с крючками для рыб и прикрепила их на ленту из кожи тюленя, которую потом примотала к одному сапогу так, чтобы крючки торчали вниз. Привязать к другому сапогу kitchoa оказалось посложнее, но мне удалось это сделать, разрезав тюленью кожу на ремни.

Я покопалась еще в котомке Мальмо и выяснила, что она оставила мне всю свою еду. Я переложила ее к себе вместе с другими вещами, которые могли мне понадобиться, надела разбухшую котомку с прикрепленной к нему палаткой на спину и с трудом побрела к мосту. Из-за приспособлений на ногах и груза за спиной двигаться было тяжело, но зато сцепление со льдом обещало быть лучше.

И я начала медленно заходить на мост. Каждый шаг требовал невероятных усилий: я поднимала ногу, потом медленно ее ставила, укрепляла во льду, одновременно напрягаясь, чтобы сохранить равновесие. Сперва я вся сосредоточилась на ногах: поднять – опустить, поднять – опустить. Когда я привыкла к ритму, стала замечать черную ленту смертоносной реки внизу. Сердце забилось, голова закружилась. Я часто заморгала, пытаюсь избавиться от головокружения, и решила вообще не смотреть на воду. Но мне все равно приходилось смотреть вниз, чтобы знать, куда ставить ногу. Местами лед был полупрозрачный, поэтому я видела реку даже сквозь мост. Еще хуже действовал шум текущей воды. Не такой, как у рек в Норвегии, – тихий, нежный плеск воды у берегов. Здесь раздавался коварный шепот, как будто река заманивала меня в свои убийственные сети. Этот звук был намного страшнее стонов льда в ледяном лесу.

Я прошла треть пути, нервы мои были натянуты до предела. Меня бросало в пот, который тут же застывал ледяной коркой на лице.

Когда я дошла до середины, внезапно поднялся сильный ветер, и я пошатнулась. Левая нога поехала вперед и в сторону. Я упала и заскользила, тщетно пытаюсь найти опору. Тело мое медленно сползло к краю. Я сунула руку в карман и схватила маленький нож, улу, как мне сперва показалось. Из всех сил я всадила его в лед. И увидела, что это нож историй Мальмо. Он оказался на удивление прочным, а я, в свою очередь, вцепилась в него мертвой хваткой. Медленно втянула болтающуюся ногу обратно на мост и, всадив царпушки в лед, стала осторожно подниматься.

Оставшийся путь я проделала, помогая себе улу (нож историй я аккуратно спрятала обратно в карман). Сойдя с моста, я тут же повалилась на заснеженную землю и лежала, не в силах отдышаться. Судя по луне, переход через мост занял добрую часть дня.

Наконец я села и огляделась. Я сразу поняла, что эта земля очень сильно отличается от той, которую я оставила с другой стороны моста. Здесь постоянно дул ветер, резкий и настойчивый. Все вокруг было острое, злое и яркое. Снег напоминал битое стекло. Ветром его сносило в мелкие волнистые гребни, которые напомнили мне кожу Туки. Эти гребни казались настоящими кинжалами, торчащими из земли и норовящими порезать того, кто случайно на них наступит.

Я сняла самодельные когти и надела лыжи. По твердому снегу было удобно скользить, и я быстро помчалась вперед. Ледяные гребни ломались под лыжами; особо крупные я старалась объезжать. Направилась я напрямиком на север.

Как сказала Мальмо, в этих краях вообще не было животных, поэтому я старательно берегла оставшееся тюленьё мясо.

Путешествие был изнурительным: резкий, колючий ветер чуть не свел меня с ума. Я вся одеревенела: просто переставляла ноги и тупо смотрела на линию горизонта. Через семь дней я

увидела Ледяной дворец.

Сперва я заметила блестящую точку. Как раз вошло зимнее солнце, чтобы ненадолго осветить мой путь, и в его лучах отразились прозрачные ледяные стены дворца и стройные блестящие башенки.

Дворец стоял прямо передо мной, но до него еще было так далеко. Через несколько дней я увидела, насколько он огромен и красив. Высокий и сияющий, он стоял на снежной равнине, и его было видно за много миль. Однажды утром я вылезла из палатки после беспокойной ночи. От дворца исходило такое мощное сияние, что пришлось отвести взгляд, чтобы не ослепнуть. С этого дня мне пришлось постоянно опускать глаза, даже в костяных очках.

Я шла до дворца очень много дней. Я использовала все доступные бугры, пещерки и лощины, попадавшие на снежной равнине, чтобы прятаться и случайно не попасть в поле зрения того, кто, возможно, охраняет дворец.

Когда до дворца оставалось не более четверти мили, я обнаружила маленькую ледяную пещерку. Вход в нее смотрел на юг, поэтому я разбила лагерь, укрытый от бесконечного ветра и недоступный взгляду из дворца.

Сидя в пещере, я размышляла, как попасть внутрь блестящего дворца. Теперь, подойдя совсем близко, я увидела, насколько он огромен: наверное, раза в три выше церкви в Андальсинах.

У меня остался последний пакет с копченым мясом. Я развела маленький костер, поела мяса и заснула, так ничего и не придумав.

Проснулась я от звона колоколов.

Недди

Однажды я сказал Роуз, что, если нужно, я приду к ней, где бы она ни находилась. Я был ей нужен сейчас, вне всяческих сомнений. Поэтому я вышел из читальни и побежал искать отца или Сорена. Мне удалось найти только Гаральда, отец уехал по делам.

– Мне нужен корабль, – выпалил я Сорену.

Он видел, что я схожу с ума от беспокойства. Он указал мне на стул и спокойно предложил сесть.

– Недди, что произошло?

Я рассказал ему все: про Роуз, про ее белого медведя, про мои предчувствия, что она в опасности и что я должен отправиться на ее поиски. Зара уже говорила Сорену о Роуз, и он сразу меня понял.

– Куда ты хочешь отправиться, чтобы найти ее? – задал он разумный вопрос.

– На север, – без запинки ответил я.

Хотя я и не видел Роуз отчетливо, я чувствовал, что она тепло одета – в шкуры и варежки. Возможно, у меня появилось такое ощущение просто из-за того, что я читал в ту минуту. И тем не менее я не сомневался, что сестра где-то на севере.

– Север? Это большая территория, – продолжал Сорен. – Давай я все узнаю. Мы с твоим отцом давно уже подумывали об этом. Но, сознаюсь, мы с головой ушли в новое дело с печатным станком. В любом случае, если я правильно понимаю, письмо от Роуз ты получил из Тонсберга через Ла-Рошель. Мне кажется, поиски нужно начинать в Тонсберге, а потом и в Ла-Рошели.

– Это слишком долго, – нетерпеливо сказал я. – Я не могу столько ждать.

– Понимаю. На поиски сведений уйдет несколько дней, как раз столько же нужно, чтобы собрать и подготовить корабль.

– Спасибо, Сорен, – тепло сказал я, пожав ему руку.

Он отмахнулся:

– Я уже устал сидеть взаперти. И мне всегда хотелось отправиться на север. Он мало исследован, и для нас это стало бы большим достижением. Но я должен быть уверен, что не опоздаю на собственную свадьбу, – усмехнулся он.

– Конечно, – улыбнулся я в ответ.

Сорен навел справки, что оказалось очень полезным, но в то же время испугало. Мы

узнали, что Роуз отправилась на корабле – старом кнорре, который шел в Сюррой, но до пункта назначения они не добрались. Агенту Сорена необычайно повезло: в Тонсберге он нашел моряка, который плыл на корабле вместе с Роуз.

Моряка звали Гест, и он рассказал, что кнорр попал в страшный ураган. Самого Геста смыло за борт, но он зацепился за пустой бочонок из-под пива и умудрился спастись. Его подобрал проходящий корабль и доставил в Тонсберг. Второй матрос, по имени Горан, утонул, а про капитана и девушку он ничего не зная. Возможно, предполагал он, если корабль выдержал порывы ветра и волны, то его отбросило далеко на северо-запад, может даже, к берегам Гренландии.

Я отпросился у мастера Эксторма, сказав, что семейные обстоятельства вынуждают меня уехать, и тепло попрощался с Хавамалем. Мой новый друг подарил мне на прощание рукопись с многочисленными сведениями о Гренландии и людях, которые ее населяют, а также советами для тех, кто путешествует на корабле по холодным северным морям.

Два дня спустя мы с отцом и Сореном отправились в путь на корабле, который назвали «Роуз».

Роуз

Звон раздавался точно такой же, как от саней бледной королевы. У меня забилося сердце, я вскочила и осторожно выглянула из ледяной пещеры. Солнце еще не встало, вокруг было темно, но в свете луны я разглядела трое саней. Они были как раз посередине между дворцом и моей пещерой. В санях сидели люди, закутанные в шкуры. Я слышала грубые голоса – как у Туки и Урды, в которых звучала злость. Потом я заметила, как кто-то в шкурах бежит от саней в восточном направлении. Несколько фигур с криками бросилось вдогонку. Самый крупный из преследователей держал в руках что-то вроде кнута и стегнул им убежавшего. Тот резко дернулся назад; обладатель кнута притянул к себе беспомощную жертву и потащил ее по снегу. Судя по крику, это была женщина. Кнут обмотал ее так, что руки оказались прижаты к телу.

Из саней донеслись новые крики и выпрыгнуло еще несколько фигур.

Я вернулась назад в пещеру, быстро проверила, все ли мои пожитки надежно спрятаны, и вылезла наружу. Крадучись я стала подбираться к саням. Там был полный беспорядок, кричали, бегали, суетились, а вокруг было еще темно. Проскользнув мимо остальных, я подошла к людям, робко столпившимся у саней. Лиц их было не различить из-за меховых капюшонов и шарфов. Я была одета почти так же и с легкостью смешалась с толпой. Высокий человек большими шагами подошел к нам, заговорил грубым, гортанным голосом, и я узнала язык Туки. Лицо человека было открыто, и я увидела красивого бледнокожего мужчину. Я старалась не поднимать глаз и позволила увести себя в сани вместе с остальными. Верзила запрыгнул на место извозчика, повернулся и злобно на нас посмотрел, продолжая что-то говорить. Некоторые слова показались мне знакомыми, но голос был настолько груб, что я сомневалась. Я подумала о маленьком словарице, который я составляла из слов Туки, – он сейчас мне очень пригодился бы, но я оставила его в вещевом мешке. Подошел человек с кнутом, волоча сзади пленницу. Он что-то крикнул нашему извозчику, и я четко услышала знакомое слово. Это было слово «мертва». Я узнала его от Туки в замке, когда он наткнулся на большую муху, валяющуюся вверх ногами.

Я содрогнулась. Человек грубо размотал веревку кнута и оставил неподвижное тело на снегу. Прозвучал приказ, все расселись по местам и запряженные оленями сани понеслись к ледяному дворцу.

Кто-то рядом со мной тихо всхлипывал, остальные молчали. Мне хотелось поглядеть на их лица.

Я обернулась и посмотрела на бледнокожего мужчину. И вдруг поняла, что это тролль. Туки и Урда тоже были троллями. И бледная королева, укравшая белого медведя, была троллем. Королевой троллей.

Я почувствовала себя глупо, оттого что не догадалась раньше. Сколько раз в детстве я слышала рассказы про троллей! Их описывали по-разному: волосатые, огромные, многоголовые, слюнявые, омерзительно уродливые. Ни одно из этих описаний не подходило к

Туки или бледной красавице королеве. Да, голоса у них звучали как будто камни сыпались, и кожа была грубая – это правда. Я смутно вспомнила несколько рассказов про Ульдр и его народ: говорили, что здесь живет особый вид троллей и все они красавцы.

Мы подъехали ко дворцу и стали его объезжать. Он был еще больше, чем казалось издали. Скорее его можно было назвать городом. Сам Ледяной дворец возвышался в центре, а вокруг теснились более низкие постройки. Они тоже были сделаны из льда, но не такого ровного и сверкающего. Простые дома не блестели, их стены были грубо вырублены из мутного льда. Все это окружала высокая стена, сложенная из ледяных блоков. В ней были ворота и парадный въезд. Мы въехали через маленькие черные чугунные ворота, которые были открыты.

Несколько троллей встречали сани. Кто-то вышел вперед и увел оленей, остальные тролли грубо спихивали с саней ездоков и отправляли их в невысокий дом. Я слышала, как возницы переговаривались с троллями из дворца, и распознала слова «слуги», «мертвая». Я поняла еще одно слово – «сланк» – это был любимый напиток Туки, хотя одну разновидность сланка он просто ненавидел – ту, которую Урда давала ему, когда он плохо себя вел. От него Туки засыпал и все забывал. Я решила не пить сланка, пока не узнаю про его виды.

В доме, куда нас согнали, было если не тепло, то, по крайней мере, не так холодно, как на улице. Некоторые из моих спутников стали стягивать капюшоны и разматывать шарфы. Они были такие же люди, как я. Хотя они не были похожи между собой, выражение лиц у всех было одинаковое: скучный, безразличный взгляд, слегка приоткрытый рот. Некоторые были испуганы. Я попыталась состроить такую же гримасу и внимательно присматривалась и прислушивалась к тому, что происходит.

Я разобрала слова «комнаты», «слуги» и «сланк». Потом нас повели через длинный коридор, и я поняла, что попала в число дворцовых слуг. Это сланк наводит на их лица такую тоску или равнодушие. С его помощью, видимо, удастся держать людей в подчинении. Я подумала о женщине, которая пыталась сбежать и была убита. Неужели сланк не повлиял на нее?

Меня впахнули в маленькую комнатку, дверь захлопнулась у меня за спиной. Я увидела, что на ледяной двери внутри комнаты не было ручки. Рассеянный свет попадал в комнату через стены, и в этом тусклом свете я различила на полу возвышение с кучей шкур и ведро. Вот и все, что было в комнате.

Я оцепенело разглядывала свое новое жилье. Вдруг открылась дверь, и ввалился огромный тролль. Он толкал перед собой тележку с дымящимися глиняными кружками. Подхватив одну из них, он сунул ее мне и быстро ушел. Я сделала глупое и пустое лицо, но он даже не взглянул на меня.

К счастью, он не стал дожидаться, когда я выпью напиток. Я поднесла кружку к носу, что определенно было ошибкой: напиток имел невероятно вкусный запах, а я давно ничего не ела и с трудом поборола желание выпить его. Но даже от запаха я почувствовала себя одурманенной. Я стала бродить по комнате и думать, как бы избавиться от питья. Обнаружила, что возвышение, на котором лежала куча шкур – кровать, – сделано из дерева. Я попыталась сдвинуть кровать, и она подалась. Отодвинув кровать, я вылила содержимое кружки на ледяной пол. От горячего напитка в полу образовалась дыра. Я задвинула кровать обратно и села на нее, завернувшись в шкуру.

Ну вот. Я добилась того, чего хотела. Нашла место, которое нельзя найти: землю, которая лежит «к востоку от солнца и к западу от луны». Где-то здесь, за ледяными стенами дворца троллей, находился человек, который был белым медведем.

Белый медведь

Моя королева очень хорошая. Она внимательна ко мне, всегда знает, чего я хочу. Я чувствую себя счастливым оттого, что моя королева так высоко меня ценит.

Она очень красивая: белоснежная кожа, ярко-зеленые глаза, гордая осанка, богатые одежды. Она говорит, что когда-то ее кожа казалась мне странной, но я не помню. На самом деле, я думаю, что ее кожа не нравится ей самой, потому что она постоянно пытается изменить ее различными кремами, составленными с помощью колдовства. От некоторых кремов у меня

горят глаза или я задыхаюсь, когда подхожу к ней близко, но она не отчаивается и постоянно пробует снова. Я знаю, она так старается из-за того, что моя мягкая и теплая кожа приводит ее в восхищение.

Я не помню, когда мы с ней впервые встретились. Она говорит, что это произошло в Зеленых Землях, и что я никогда не был слугой, как другие мягкокожие.

Она говорит, что я был принцем, но я ничего не помню. Иногда во мне просыпается интерес, но вообще-то мне все равно, что было раньше.

Однако я кое-что помню с тех времен, когда был медведем. Надевая белые меха, чтобы пройтись с моей королевой, я чувствую себя странно, как будто надел то, что раньше было на мне всегда. Помню, что для меня это были несчастливые времена, но не помню почему.

Своей свободой от заклятия я обязан королеве. Колдунья из Зеленых Земель прокляла меня, и, когда моя королева обнаружила это, она использовала все свои силы, чтобы помочь мне. Потом она привела меня сюда, в свое северное царство Ульдр. Это лишь одна из многих причин, почему я благодарен моей королеве.

Здесь мне очень хорошо живется. За исключением ночных кошмаров, жаловаться не на что. Когда меня посещают кошмары, я начинаю кричать (что случается довольно часто), и тогда моя королева приносит мне чашку горячего сланка. И сидит со мной до тех пор, пока я не успокоюсь.

Еще она любит музыку. Она настолько добра ко мне, что приказала своим мастерам сделать для меня флейту. Это очень хороший инструмент, и ей нравится, когда я играю. Недавно она сказала мне, что я должен сыграть на свадебной церемонии. Это великая честь и еще один повод для меня поблагодарить королеву.

Надеюсь, она будет мной гордиться.

Роуз

Вот так и началась моя жизнь в Ледяном дворце.

Сначала мне досталась грязная и скучная работа – вычищать ведра с отходами из комнат прислуги. Я узнала, что существует множество помещений для слуг, а мусорная яма располагается за пределами дворца, за ледяной стеной. Я начинала работать с той минуты, как приходил тролль с тележкой сланка (он всегда носил с собой плетку, как будто сланка было недостаточно для того, чтобы проснуться; на мне пришлось ее использовать только один раз), и заканчивала ночью, когда без сил падала на свою меховую кровать. Кормили очень скудно, и я стала подозревать, что сланк, по-прежнему выливаемый мною под кровать, весьма питателен и согревает в лютые морозы. Другие люди, хоть и приходили изможденные, но выглядели достаточно здоровыми и откормленными, а я худела с каждым днем.

Еще я все время мерзла. Тролли, несомненно, более приспособлены к холоду, а люди натягивают на себя невозможное количество одежд из шкур, чтобы согреться. У меня были парка и меховое нижнее белье, которое меня очень спасало, особенно в походах за ледяную стену к помойным ямам.

Вскоре меня перевели на кухню, что я расценила как определенное повышение. Там стояли печи, у которых я согревалась, и иногда мне перепало что-нибудь из еды. Я обнаружила, что тролли на удивление близоруки, поэтому воровать еду оказалось намного легче, чем я могла представить. На кухне всем заправляла крупная громогласная тетка-тролль по имени Симка. Она, как и другие тролли, считала, что люди не намного лучше животных, и соответственно себя вела. Общалась она в основном с помощью пинков, а нога у нее была мощная. Несмотря на защиту большого количества шкур, я очень скоро покрылась синяками.

Как я уже говорила, моих сородичей одурманивали сланком. Они почти не делали попыток общаться между собой, но, когда они все же открывали рты, я слышала речь на самых разных языках. Должно быть, в поисках слуг тролли разъезжали на своих санях по разным уголкам мира.

Я пыталась заговорить со своими товарищами, но каждый раз наталкивалась на одинаково пустое выражение на лицах. То ли они не понимали по-норвежски, то ли из-за сланка, я не знала.

Постепенно я все больше узнавала о жизни во дворце. Я внимательно ко всему прислушивалась и вскоре стала немного понимать речь троллей. Частенько я вспоминала о словарики, да и о других вещах, спрятанных в ледяной пещере.

Почти сразу я поняла, что за людьми не слишком следят. Наверное, из-за одурманивающего действия сланка и из-за того, что замок окружали мерзлые, мертвые земли. К тому же нас считали чем-то вроде стада коров или овец. Мы шли, куда говорили идти, делали то, что приказывали, а в конце дня возвращались в свои «норы».

В наших комнатах не было замков: они не требовались. Как-то ночью я проверила и убедилась, что, хотя дверь очень тяжелая, я могу приоткрыть ее. По коридорам ночью никто не ходил.

Язык троллей было нелегко выучить, в нем ничто не напоминало норвежский или другой из известных мне языков. Хорошо, что я начала учить его с Туки, иначе я вообще не смогла бы ничего понять. Иногда мне не хватало карандаша, чтобы записать новые слова, как я делала с Туки, но зато невозможность записать принуждала меня больше запоминать наизусть.

Хорошо помню тот день, когда я поняла, что juhvikia означает «свадебный пир». Симка как раз хорошенько пнула меня в колено, и я захромала к подносу с только что приготовленным ореховым пирогом. Из ее слов мне стало ясно, что этот ореховый пирог и другие вкусности, которыми была уставлена кухня, предназначены для свадебного пира. Потом она с какой-то злостью произнесла «Катал» и «Мик». Я знала, что словом «Катал» они обозначали свою королеву, а имя Мик тоже часто слышала вместе со словом «мягкокожий». Я решила, что Мик – какой-то особо приближенный к королеве слуга. Но если я правильно понимала недовольство Симки, то за этого самого Мика королева собиралась выйти замуж! И вдруг меня осенило: я поняла, кто такой Мик! Меня как будто в живот ударили, и я с грохотом уронила поднос с ореховым пирогом. Симка взорвалась. Она обрушила на меня весь свой гнев, отхлестала по лицу так, что в ушах зазвенело, а потом выгнала меня с кухни мощным пинком. Я поплелась в свою комнату. Приложила тряпицу к кровоточащим губам и повалилась на грудь шкур.

Так я там и лежала, в отчаянии глядя на ледяную стену. Я не знала, почему для меня это стало таким потрясением. Что он сказал? *«Я ухожу с ней. Навсегда»*. Королева троллей устроила все ради того, чтобы получить мужа! А я занималась тем, что помогала готовить ту самую еду, которую будут есть на свадьбе моего белого медведя. От этой мысли меня затрясло.

С тех пор как я пришла в Ледяной дворец, я искала человека, который был белым медведем. Я играла роль тупой, одурманенной мягкокожей, осторожничала, чтобы не привлекать к себе внимания, а сама глядела во все глаза, внимательно слушала, чтобы расслышать слова lumi karhu или vaeltaa. Вот только я совсем забыла, что белый медведь теперь был юношей по имени Мик, который собирался жениться на королеве троллей. *Когда?* Я решила не пропускать ни единого слова из разговоров на кухне.

Но ничего не вышло, потому что на следующий день меня послали работать в конюшни. Видимо, в наказание за испорченный пирог. Работа была тяжелая, я мерзла. К тому же теперь я лишилась скудной еды, которую могла доставать на кухне, а тролль, присматривающий за мной, был еще хуже Симки. Единственным утешением в моем новом положении стали северные олени. Они были такие красавцы, с мягкой и чистой, белой шерстью и огромными черными глазами. Основная моя работа заключалась в чистке конюшен, иногда мне нужно было кормить оленей и очень редко – чистить скребницей и расчесывать их шелковистую шерстку.

Зато у меня неожиданно появилась возможность забрать свои вещи из тайника.

Должно быть, у меня хорошо получалось: я не сомневалась, что олени полюбили меня, и постепенно мне стали поручать более ответственные задания. Теперь я должна была готовить оленей перед тем, как их запрягали в сани, и, к моему огромному удовольствию, я должна была выгуливать их за ледяной стеной.

Сначала со мной ходил тролль-надсмотрщик, наблюдая, не проявляю ли я желания сбежать. Я придавала своему лицу послушное, тупое выражение, обращала внимание только на животных и не проявляла интереса к окружающему. Я убедила тролля, и вскоре меня стали отпускать одну выгуливать двух оленей. Я садилась на одного верхом, а второго вела за уздечку. Надсмотрщик был уверен, что я никуда не денусь, – вряд ли мягкокожий мог бы

выжить в этом ледяном мире. К тому же сланк должен был убивать на корню все крамольные мысли.

В первые два раза я не пыталась подойти к пещере на случай, если за мной следят из дворца. На третий раз я решилась. За время моей жизни в замке пещеру замело, и я почти отчаялась найти ее под снегом. Вдруг мой взгляд упал на какой-то холмик, я подошла к нему и раскопала свое убежище. Все было так, как я оставила. У меня давно был готов список того, что мне нужно из вещевого мешка, и я быстро начала его выкапывать. Я очень замерзла, потому что пришлось прятать замерзшие свертки под одеждой. Взяв все, что нужно, я забралась на оленя и прижалась к его спине всем телом, чтобы согреться.

Меня наказали ударом в ухо и лишением обеда за то, что я гуляла так долго и так далеко. Но никто не заметил моей ноши, и позже я с удовольствием съела кусок замерзшего копченого мяса, который умудрилась подогреть на кружке с горячим сланком – его принесли, несмотря на наказание. Я спрятала свои вещи в дыре под кроватью, и в тот вечер, впервые за долгое время, легла спать с полным желудком.

Однажды во время работы я услышала, как тролли говорили, что королева и Мик собираются кататься на санях. Но когда они пришли, меня выставили на задний двор. Видимо, около королевы разрешалось находиться только избранным мягкокожим. Но при мысли о том, что человек, который был белым медведем, находится совсем рядом, я задохнулась от радости и сердце готово было вырваться из груди. Если бы только я могла подойти к нему, взять его за руку и увести из Ледяного дворца! Но я не могла. Мне нужно было терпеть и ждать.

На следующий день мои обязанности опять поменялись. Сперва я подумала, что это продолжение наказания, но потом поняла, что это связано с тем, что я починила у одного оленя сбрую. Меня заставили чинить и шить, и тролли-надсмотрщики были весьма довольны, когда у меня обнаружился такой талант.

Сначала мне давали легкие задания, но вскоре я снова сидела за ткацким станком. А когда они увидели, что я могу сделать на маленьком станке, меня перевели на большой. Этот был почти такой же замечательный, как в замке. Мне дали превосходные материалы: тончайшие нитки и богатейшую пряжу разнообразнейших цветов – даже глаза разбегались. Видимо, из-за обилия белого вокруг тролли обожали яркие цвета, особенно в том, что касалось одежды. Посыпались заказы на бальные платья и костюмы: приближался день свадьбы.

Я ненавидела троллей, которые разрушали жизни многочисленных рабов, но работать могла только в полную силу. У меня еще не сложился в голове план, но я чувствовала, что, если буду работать очень хорошо, это как-то поможет мне спасти белого медведя.

Строить планы я начала только тогда, когда узнала, что до свадьбы остается две недели. В это время я встретила Туки.

Королева троллей

Урда стала меня беспокоить. Она винит меня в странном поведении Туки. Мне его действия кажутся безвредными, а ей нет. Он пристрастился проводить время в одиночестве, избегает общения, играет один в свои игрушки или болтается около мягкокожих слуг. Я не знаю, почему он так поступает, ведь они не могут с ним поговорить, но, видимо, ему просто нравится за ними наблюдать. Эта симпатия у него возникла еще в замке в Зеленых Землях после общения с мягкокожей девчонкой. Возможно, придется уничтожить его, а пока что нужно найти способ успокоить Урду.

Говоря по правде, мне совершенно безразлично, счастлива Урда или нет, но у нее много друзей, а мне нужны союзники, а не враги. День свадьбы приближается, а еще столько всего нужно сделать.

Роуз

Мы с Туки встретились в дальнем коридоре одного из домиков, неподалеку от ткацкой комнаты. Мне очень повезло, что рядом никого не было, иначе все мои планы рухнули бы.

Увидев меня, он присвистнул и широко улыбнулся.

– Роуз! – восторженно проговорил он.

– Туки! – не менее радостно ответила я и, оглядевшись, приложила палец к губам.

Он понял и тоже приложил палец к губам. Мы говорили шепотом: мое знание языка троллей прошло серьезное испытание, но кое-как, с помощью жестов и слов я договорилась с Туки о новой встрече на следующий вечер в ткацкой. Я не была уверена, что буду одна у станка, и объяснила Туки, чтобы он приходил, только если в комнате больше никого не увидит.

Тролли-надсмотрщики в ткацкой и швейной мастерских по-своему даже полюбили меня – словно домашнее животное среди диких, бессловесных тварей. Я много работала и, хотя играла роль одурманенной и тупой служанки, намного быстрее других понимала, чего от меня хотят. Поэтому мне предоставили большую свободу, чем другим людям. Но и работала я дольше всех.

Я изо всех сил пыталась убедить Туки, что наш разговор должен остаться в тайне, но не была уверена, что он понял. Весь следующий день я сидела как на иголках, ждала, что придет тролль и утащит меня в ледяную темницу.

Но Туки пришел в назначенный час, как договорились. Я сидела в одиночестве и работала над сложным малиново-оранжевым платьем. Туки светился от радости. Он подошел и дотронулся до моего лица с тем же забавным изумлением, что и раньше. Потом взял меня за руку и повел по комнате, указывая на вещи и называя их на языке троллей. Я сразу поняла, что он хочет поиграть в нашу старую игру, и стала отвечать по-норвежски. Многие слова я знала, но запомнила и несколько новых.

Когда все предметы в комнате закончились, я подтащила Туки к табурету и усадила его рядом с собой.

– Туки счастлив? – спросила я, надеясь, что он помнит это слово – мы учили его в замке. Но он не помнил, поэтому я принялась объяснять жестами.

Вдруг он решительно закивал и показал на меня:

– Счастлив.

Возможно, он имел в виду, что счастлив рядом со мной, а может, подумал, что я счастлива. Внезапно мне в голову пришла мысль.

Я решила попробовать использовать нож историй Мальмо и сказала Туки, что мне нужно работать, а ему пора идти. Попросила его вернуться на следующий вечер, и он охотно согласился.

На следующий день я готовилась к общению с Туки. Мне удалось стянуть с кухни маленький мешочек с сахаром – прямо из-под носа Симки, хотя она отвесила мне здоровенный пинок, когда я уходила. Еще до прихода Туки я высыпала и разровняла сахарный песок в углу комнаты.

Как только он вошел, я тут же подвела его к рассыпанному сахару и усадила на полу рядом с собой. Вытащила нож историй. Туки подпрыгнул, решив, что я хочу его зарезать, но я успокоила его и усадила снова. Он с опаской сел, а я начала рисовать на ровном слое песка фигурки.

Сначала я рассказала ему простую сказку из тех, что узнала от Мальмо, – про девочку, которую воспитала тюлениха. Думаю, Туки почти все понял, потому что, когда я замолчала, он с восторгом захлопал в ладоши.

– Еще, – сказал он по-норвежски.

Я рассказала ему еще сказку, потом еще и еще. Наконец я сказала, что ему пора идти, а мне нужно работать. А на следующий вечер пообещала рассказать еще сказок. Он ушел с большой неохотой. Я замела сахарный песок в мешок и надежно спрятала его.

В ту ночь я почти не спала, потому что вечером не успела сделать всю работу.

На следующий вечер я для начала рассказала Туки короткую сказку. Потом повернулась к нему и сказала, что у меня есть для него очень важная история. Про меня, добавила я, и про то, почему мне пришлось прийти в Ледяной дворец. Не знаю, понял ли он, но закивал очень торжественно и приготовился смотреть на фигуры, которые я буду рисовать.

Я глубоко вздохнула и поведала Туки мою историю с самого начала, с той минуты, как белый медведь постучал в нашу дверь. А в конце нарисовала королеву троллей и медведя-человека, держащихся за руки, как будто на брачной церемонии, и рядом себя, плачущую.

Взглянула на Туки, который молча слушал мой рассказ, на его серьезные и внимательные глаза, и увидела, что по его морщинистым щекам текут слезы.

– Мягкокожий, который был медведем, не должен жениться на королеве троллей, – сказала я дрожащим голосом. – Ты поможешь мне, Туки?

Он поднял на меня мокрые от слез глаза.

– Туки поможет Роуз?

Он медленно кивнул.

Королева троллей

Урда попросила меня об одолжении.

Я готова ей помочь. Это легко сделать, и в целом, думаю, польза превзойдет риск.

Она говорит, что ее сын Туки очень полюбил Мика и хочет ему служить.

Не вижу ничего плохого в том, чтобы Туки стал товарищем или помощником Мика. Я уверена, что Мик охотно согласится, потому что у него мягкий характер и он вытерпит все детские чудачества Туки. А Урда станет меньше жаловаться на долгие годы ссылки и вред, который они нанесли ее сыну.

Меня тревожит только то, что в замке Туки подвергся сильному влиянию девчонки – той, которая зажгла в Мике надежду, а потом предала его. Если Туки привязался к ней, он может заговорить об этом с Миком. Хотя не думаю, что ему удастся восстановить память Мика: gauha – прекрасное средство для стирания памяти. Но такие разговоры могут вызвать новую волну ночных кошмаров. Я издала указ, по которому Туки может прислуживать Мику, но только если согласится никогда не упоминать про замок в Зеленых Землях или про то, что там произошло. Урде сказали, что, если Туки ослушается приказа, его немедленно казнят. Я поставлю в известность Мика сегодня вечером.

Роуз

Сработало!

Благодаря Урде Туки был назначен компаньоном Мика. Когда королева была маленькой, Урда служила ей нянькой. С тех пор старуха пользуется доверием у госпожи.

Туки узнал, что Мик каждый вечер перед сном выпивает большую чашку особого сланка. Целую неделю Туки удавалось подменять сланк с добавками простым сланком. Это я придумала, чтобы он отдавал свой напиток Мику, а одурманивающий выливал. Еще Туки умудрился пронести во дворец одежду, необходимую для выполнения моего плана. В перерывах между заказами мне удавалось немного пошить для себя.

До свадьбы остались считанные дни.

Белый медведь

Я рад, что королева сделала Туки моим компаньоном. Мне он очень нравится. Туки, затаив дыхание, слушает, как я играю на флейте, и при этом на его яркие внимательные глаза наворачиваются слезы. В конце он так аплодирует мне, что чуть не падает со стула. Если другим троллям так же понравится моя музыка, я буду считать свое выступление более чем успешным.

С ним хорошо. Ему нравится одна игра, в которой я учу его словам из моего прошлого языка, показывая на предметы и называя их. Потом он называет мне эти предметы на языке троллей. Я немного учил язык троллей у моей королевы, а Туки помогает мне выучить его получше. Я хочу помогать королеве изо всех сил, когда буду править вместе с ней. Ей нравится, что я интересуюсь языком ее народа.

Последнее время я как-то странно себя чувствую. Не то чтобы болен или несчастлив... а как будто зрение мое и мысли проясняются. Теперь по утрам я просыпаюсь в бодром настроении и мне это по душе.

Еще у меня появились отрывочные воспоминания о далеком прошлом. Даже еще до того, как я стал медведем. Они мимолетны, но приятны.

Как раз сегодня я вспомнил, как ребенком играл на поле с зеленой травой, в которой мелькали яркие желтые цветочки. Там были другие дети, и мы вместе над чем-то смеялись. Это воспоминание было очень веселым.

Я не стал ничего рассказывать моей королеве, потому что она не в восторге от моих воспоминаний. А мне не хочется расстраивать ее, особенно когда она занята приготовлениями к нашему будущему счастью.

Роуз

Туки принес мне немного простого сланка. Потрясающий напиток! Несмотря на то, что меня все больше ценят как швею и ткачиху, я до сих пор получаю очень скромное питание, так как большую часть энергии для жизни я должна, по-видимому, получать из сланка с добавками, который я по-прежнему выливаю. Дыра под моей кроватью увеличивается день ото дня. Я стала болезненно тощей и боюсь, что тролли это заметят. Хотя, похоже, им и дела нет. К людям относятся как к скоту. Наша задача – служить троллям до тех пор, пока наши тела не износятся. Тогда нас заменят.

Туки рассказал мне, что, когда мягкокожий заболевает или состаривается, его отводят на *kentta murha*. Когда я спросила, что это такое, Туки побелел и замолчал. После этого я не смогла добиться от него ничего осмысленного, и он ушел от меня расстроенный.

Я продолжаю работать. Свадьба должна состояться через два дня, а заказов остается еще очень много. Я почти не сплю. Какое счастье, что Туки приносит мне простой сланк, а то я давно уже сломалась бы от усталости или недоедания. Сланк дает мне силы и энергию. Нужно сосредоточиться перед предстоящими событиями.

Королева троллей

Наконец этот день настал! Я очень рада, что все идет так, как я задумала. Сегодняшний пир будет самым роскошным и грандиозным в истории нашего народа. Впервые тролли со всех концов света приедут в наше северное царство. Даже мой отец не затевал пиршеств с таким размахом.

Платье для себя я сделала сама. Буду сиять ярче северного солнца в зените: я ведь позаимствовала у него сияния, чтобы создать ткань.

Симка на кухне превзошла самое себя. И я довольна даже Урдой. Туки, к моему удивлению, очень удачно подошел Мику. Мик попросил меня, чтобы Туки прислуживал ему на церемонии. Я согласилась. Урда обрадовалась и уже расхвасталась этим по всему дворцу. Надеюсь, маленький дурачок не наделает ошибок, способных испортить великолепие церемонии.

Прошлой ночью у Мика опять был кошмар, первый за последнее время. Видимо, нервничает перед свадьбой. Он был очень возбужден, поэтому мне пришлось дать ему двойную порцию волшебного сланка. Мы тихо и мирно посидели рядом, пока он снова не заснул. Его золотые волосы рассыпались по моему плечу. Я его очень люблю, поэтому и сделала все так, как сделала.

Гости начнут прибывать после обеда, комнаты для них уже готовы. Во дворце не останется пустых комнат.

Многие из гостей устанут с дороги, но отдыхать им сегодня не придется.

Мы начнем с пира. Двадцать самых вкусных блюд Ульдра. Потом будут танцы, которые продлятся до полуночи. А завтра в полдень Мик сыграет на флейте и мы соединимся... навсегда.

Роуз

Я до последней минуты работала, доводя до совершенства платье троллей: тут подправить стежок, тут добавить шелковую розочку. Шум стоял невообразимый. Каждая дама пронзительно верещала и требовала внимания. У меня болели пальцы и разламывалась голова. Временами мне казалось, что я обслуживаю стаю крикливых пестрых ворон.

И вот наконец я осталась одна. Мне приказали вычистить мастерскую и вернуться в свою комнату. Как обычно, надзирать за мной никто не остался. Все придворные тролли собрались на кухне, в банкетном зале и на конюшне. Я с облегчением вздохнула: похоже, что тролли поведут себя как обычно и оставят меня в одиночестве убираться в мастерской, хотя полностью уверенной в этом я быть не могла.

Я принесла все, что нужно, в мастерскую. Когда последний тролль ушел, я принялась за работу.

Сперва я вытащила из-под одежды кожаный кошелек. Золотое и серебряное платье не помялись от долгого лежания в кошельке, но мне все равно было страшно, что жемчужное платье может испортиться. Оно побывало в бушующем море и вытерпело лютый мороз во время моего похода через Гренландию. Дрожащими пальцами я вытащила платье и расправила его.

Мне не стоило беспокоиться. На переливающейся ткани не было ни складочки, и я снова восхитилась захватывающей дух красотой, не веря, что это я сама сотворила такое чудо.

Я ненадолго отложила платье и быстро надела нижнее белье, которое сшила в перерывах между работой. Чтобы не замерзнуть (я же не надену на свадебный пир парку из оленьей шкуры), я соорудила себе белье из нескольких слоев тонкого шелка, который плотно облегал все тело.

Потом я надела платье.

Подошла к большому овальному зеркалу, перед которым до этого вертелись тролли в своих нарядах. Я очень давно не видела себя в зеркало. Меня поразило собственное лицо. Я сильно похудела и побледнела, на щеке красовался белый шрам – память о медведе из ледяного леса. Еще больше меня поразило другое – выражение глаз. Это была не та Роуз, что ушла из дому почти два года назад за белым медведем.

В конце концов, это не так уж важно. Я пошла в угол, вытащила из-под кучи тряпок маленький пакет и осторожно развязала его. В руках у меня оказалась маска. Я делала ее несколько недель. Она была из ткани, которой я придала твердую форму с помощью смеси из крахмала с водой. Это было непросто, я приложила все свое мастерство и умение, чтобы создать маску. В результате получилось произведение искусства: типичное лицо женщины-тролля, похожее на мое, если бы у меня была кожа как у троллей.

Я надела маску, пристегнула застежку под волосами и еще раз взглянула в зеркало. Потрясающе! Я превратилась в молодую женщину-тролля, если не такую красивую, как королева, то уж по крайней мере очень хорошенькую. Может, внимательный человеческий глаз и разглядел бы подвох, но я рассчитывала на близорукость троллей.

Платье хорошо скрывало шею и руки, к тому же я сделала белые перчатки с шероховатой поверхностью, чтобы спрятать пальцы. На большой палец поверх перчатки я надела серебряное колечко, которое дал мне медведь.

Накануне Туки подарил мне диадему с длинными жемчужными нитями, которые украшают волосы. Сначала я отказывалась ее принять, чтобы не навлечь на Туки неприятности. Но он не хотел брать ее назад, прятал руки за спину и жизнерадостно хихикал. Я осторожно расправила диадему на голове, нитки с жемчугом казались каплями лунного сияния, рассыпанного по моим темным волосам.

Самой сложной частью плана оказалась обувь. Мои грубые сапоги вряд ли подходили к жемчужному платью, но Туки снова пришел мне на помощь и раздобыл пару поношенных туфель. Это были туфли королевы, которые она отдала Урде, когда они ей надоели. Но для Урды они оказались слишком малы, и она забросила их за шкаф.

Я надела белые туфли, украшенные крошечными жемчужинами. Они подошли мне. Не знаю почему, но меня расстроило, что у нас с королевой одинаковый размер ноги.

Я была готова. Решила, что появлюсь после пира, когда начнутся танцы, и, возможно, незаметно проскользну и сольюсь с толпой. Я все повторяла слова на языке троллей, которые

скажу, если меня будут спрашивать. Вряд ли у меня получится говорить таким грубым голосом, как у троллей. Я потренировалась с Туки, и он уверил меня, что очень похоже.

Думаю, для Туки это была интересная игра. Он все делал с большим интересом и воодушевлением – слушал сказки ножа историй и играл со мной в языки. Я беспокоилась за него, мне очень не хотелось втягивать его в мои затеи. Туки был простодушен, ложь несвойственна таким, как он. Я молилась, чтобы он не пострадал. Я бы не вынесла, если бы с ним что-то случилось.

Днем я видела его лишь мельком, и он шепнул мне, когда поблизости никого не оказалось, что снова дал Мику простого сланка. Белый медведь не пил одурманивающего сланка уже семь дней. Туки заметил, что он изменился.

Я была уверена, что стоит мне только посмотреть ему в глаза... и он вспомнит меня. Должен вспомнить.

Королева троллей

Это триумф!

Банкетный зал преобразился от света, от пышных нарядов, в которые облачился мой народ, от блеска северного сияния, которое разносит по небу разноцветные потоки. Смотреть на это сквозь прозрачные стены и купол дворца просто необыкновенно. Вот что значит мастерство!

Мик выглядит заспанным и каким-то подавленным. Думаю, из-за двойной порции сланка, который я дала ему прошлой ночью. Но, увидев меня, он улыбается.

Я никогда не была так счастлива!

Белый медведь

Моя королева сияет. Я не могу поверить, что она хочет выйти замуж именно за меня. Завтра. Неужели я достоин такой чести?

Туки ведет себя странно. Он все время смотрит на вход, как будто кого-то ждет. Он едва притронулся к вкуснейшей еде.

Ну почему мне так хочется спать?

Роуз

Все внешние здания, кроме конюшни, были связаны с дворцом туннелями, создававшими такую паутину, что каждый день как минимум один человек терялся. У троллей даже существовала особая должность – ответственный за поиск потерявшихся и возвращение их на свое место. Маловероятно, что в ночь перед свадьбой в туннелях шастали бы тролли, но мне все равно не хотелось рисковать. Даже самому глупому троллю показалось бы странным, что по туннелю, ведущему к домам прислуги, бродит гость в вечернем наряде. Поэтому я решила войти во дворец с парадного входа.

На платье я накинула оленью парку, надела старые сапоги (туфельки с жемчужинами я спрятала в карманы) и вышла за ворота.

Северное сияние поражало. Никогда я не видела, чтобы оно так ярко и красиво блистало. Мне не было особенно холодно, но я задрожала. Сила королевы троллей была безмерна. Неужели я только с одной маской и серебряным колечком на пальце смогу украсть у нее то, чего она желает больше всего на свете?

Я долго шла вокруг ледяной стены и подошла к парадному входу. Украдкой встала за углом, наблюдая, как дворцовая охрана встречает сани с запоздавшими троллями. Никто не заметил, как я проскользнула по ледяной лестнице. Передо мной только что вошли два тролля, и я спряталась за ними. Свои меховые одежды они повесили на ледяную вешалку, напоминавшую дерево. Я нашла местечко для своей парки и поставила под нее сапоги.

Когда я вошла в зал, от увиденного у меня дух захватило. Это был огромный зал со

сверкающими ледяными стенами, сводчатым потолком и высокими окнами из прозрачного льда. Сквозь стены и потолок светило необыкновенное северное сияние. Лед отражал и разбрасывал по залу зеленые, синие, фиолетовые брызги. Невозможно описать, до чего все сияло, переливалось и блестело.

В зале собрались сотни троллей, все они были разодеты в элегантные разноцветные наряды. Воздух дрожал от их гортанных голосов. Обеденные столы отодвинули к стенам, чтобы освободить пространство для танцев. Кто-то остался за столом, большинство же танцевало. Я с трудом могла бы назвать это музыкой: гроыхание и уханье с высоким писком и отсутствие всякой мелодии. У меня уши заболели, но звук странно совпадал с колебаниями северного сияния. Наверное, это королева наколдовала, угрюмо подумала я.

Танцевали тролли тоже достаточно странно. Разделившись на пары, они держали друг друга за локти и делали шаги в сторону.

И вдруг я увидела своего медведя, и все другие мысли умчались прочь.

Я не видела его лица с той ночи, когда поднесла к изголовью кровати свечу. Он танцевал с какой-то дамой. На лице у него было одеревенелое, но вежливое выражение. Глаза казались уставшими.

Вдруг рядом раздался чей-то голос:

– Kaunis puku³³, – произнес он.

Нехотя оторвав взгляд от человека, который был белым медведем, я повернулась и увидела тролля с пошлой улыбкой на лице. На нем была надета бирюзовая куртка.

– Mutta miksi el varikas?³⁴ – продолжат он.

Я не была уверена, но, похоже, он говорил, что у меня чудесное платье, но почему-то не цветное.

Я вежливо улыбнулась, не зная, что ответить, и проквакала как могла на языке троллей, что мне хотелось бы потанцевать. Он немного удивился, но сказал:

– Et saa tanssi³⁵, – и, взяв меня за руку в перчатке, повел меня на площадку для танцев.

Я попыталась выделять то же, что и остальные вокруг. Оказалось не трудно, хотя я наступила троллю на ногу несколько раз. К счастью, он со мной больше не заговаривал, а вскоре отвел меня в сторонку и оставил одну. Я надеялась, что он всем расскажет, что дама в бесцветном платье совершенно не умеет танцевать.

Я нашла местечко у ледяной колонны, откуда было удобно наблюдать за происходящим. В неярком лунном платье легче было не привлекать внимания.

Я сразу заметила королеву троллей. Она сидела на троне из бриллиантов и глядела на собравшихся спокойно и величественно. Я заметила, что чаще всего она останавливает взгляд на том, кого она называет Мик.

Хотя он был мужчиной, я видела в нем белого медведя. То, как он наклонял голову, двигался, смотрел. Все это было мне знакомо. Я вспомнила дни, проведенные в комнате с красным диваном, мои неуклюжие попытки играть его музыку, рассказы. Одиночество в его глазах и доброту. Я смотрела, как юноша, который был медведем, ведет вежливую беседу с дамой в оранжевом платье, и вдруг поняла, что этот человек дорог мне, как дорог любой из моей семьи. Может, еще дороже, подумала я и ощутила наплыв невыразимо сильного чувства. Сердце забилося так, как никогда раньше.

Но в тот миг, когда я поняла, кем был для меня человек-медведь, я увидела, как он взглянул на королеву. Тепло, с чувством, со страстью – у меня внутри все перевернулось. Как будто Симка со всей силы двинула мне в живот.

Неужели это возможно? Неужели он... любит королеву? Я проделала такой путь, чтобы

³³ Красивое платье (фин.).

³⁴ Но почему не цветное? (фин.)

³⁵ Пойдемте танцевать (фин.).

спасти человека от того, чего он на самом деле желает? У меня в голове все смешалось, руки в перчатках вспотели.

Вдруг я увидела Туки. Он стоял рядом с медведем и что-то убедительно ему втолковывал. Королева в это время отвлеклась на вновь прибывших троллей, желающих засвидетельствовать ей свое почтение.

Туки взял медведя за руку и потащил его через зал. Ко мне.

Я со страхом и волнением наблюдала, как они приближаются. Ради этого все и происходило, подумала я. Мое путешествие закончено.

Сначала он заметил мое платье, и что-то блеснуло в его глазах, как будто он вспомнил. А я вспомнила, как белый медведь смотрел на меня, стоя в дверном проеме, когда я первый раз примеряла это платье. Юноша колебался, но когда он поднял глаза на меня, блеск исчез. Вместо него появился вежливый и безучастный вид, который я наблюдала весь вечер. У меня так билось сердце, что я едва слышала, как Туки представил меня на языке троллей: «Роуз, которая приехала издалека».

– Желаете потанцевать? – вежливо спросил человек-медведь на языке троллей.

Я кивнула. Он повел меня на площадку для танцев.

– Надеюсь, вы получаете удовольствие от вечера, – снова сказал он на языке троллей.

Он не смотрел на меня.

Тролли мало говорят, подумала я. У меня во рту пересохло и язык одеревенел.

– Ваше платье... – Искорка вдруг вернулась в его глаза. – Оно такое... необычное. – Он убрал руку с моего локтя и потер лоб, как будто пытаюсь привести в порядок мысли.

– Я хочу кое-что тебе показать, – сказала я тихо на своем языке, не стараясь копировать голос троллей.

Он искренне удивился и даже встревожился. Пристально на меня посмотрел.

– Твой голос... И... – Наверное, он увидел, что я в маске. Я быстро сняла кольцо и положила ему на ладонь. Он увидел кольцо и вздрогнул. Потом задумчиво прищурил глаза, тряхнул головой и протянул кольцо обратно мне.

– Оно очень красивое, но я не могу...

– Оно твое, – быстро сказала я.

Он покачал головой:

– Не думаю. Но спасибо.

Ему хотелось уйти от меня, я чувствовала. Я вернула ему кольцо:

– Посмотри внимательно.

– Ты очень добра, – сказал он, – но мне нужно возвращаться к моей королеве.

Он приблизился ко мне, чтобы отдать кольцо, но я отпрянула, сделала реверанс и сказала:

– Это подарок. Пожалуйста, оставь себе.

Я вернулась к колонне и прислонилась к ней, наблюдая, как человек-медведь идет через зал. Он сунул руку в карман – видимо, положил туда кольцо. Потом я заметила, что королева смотрит на меня. Мне стало страшно. Вдруг она все видела или догадалась? Но ее взгляд медленно перешел на того, кого она называла Мик. Я не была готова к тому, что увидела на ее лице. Это было выражение любви. *Любви!* Настоящей, нежной, чистосердечной. Я не видела его глаз, но поняла, что в них отражается то же самое.

Вот так. Они искренне любят друг друга.

Вдруг я почувствовала, что больше не могу находиться в зале. Мне нужно было уйти. Я хотела бежать, но приказала себе спокойно выйти из зала. Слезы уже заливали твердую ткань маски. Я нашла свою парку и сапоги. Быстро оделась и побежала к выходу.

Кое-как проскочила мимо стражников, которые делили опьяняющий напиток. Они ничего не заметили. Холод сковал меня; размокшая от слез маска прилипла к лицу. Я сорвала ее и сунула в карман.

Я обежала дворец и направилась к конюшне. Мне удалось пробраться на задний двор, где стоял мой любимый олень – лоснящийся белоснежный красавец, которого я назвала Ваэттур. Я схватила его под уздцы и вывела из конюшни. Забралась на него и осторожно поехала к ближайшим воротам. Все ворота оставили открытыми для запоздавших гостей. Как только мы немного отделились от дворца, я пришпорила Ваэттура, и мы понеслись.

Олень был сильный и быстрый, и я повисла на нем, словно утопающая. Мне просто хотелось поскорее умчаться из Ледяного дворца. Какой наивной я была! Каждый шаг в этом путешествии, каждый день, каждая неделя... Все было зря. А самое худшее – я знала, что потеряла.

Во время поисков белого медведя я говорила себе, что постараюсь исправить то, что испортила. Это было делом чести и ответственности. Но это не все. Правда заключалась в том, что я любила его. Я любила его как белого медведя и как человека, который был медведем. Я вела себя не лучше, чем королева троллей, с той разницей, что я свои чувства облачала в добродетельные слова.

Я потеряла его. Во второй раз.

Холод пронизывал меня насквозь, но мне было все равно. Меня больше ничего не интересовало.

Казалось, сердце замерзло у меня в груди. Ночью было слишком холодно даже для разбитого сердца. Куда я пойду, что буду делать? «Домой!» – сказала я себе. Бежать до тех пор, пока рядом не появится Недди, папа и мама. Потом я рассердилась на себя за то, что веду себя как избалованный ребенок, который не получил приза на празднике. Это было глупо. Каким бы сильным Ваэттур ни был, я не смогла бы проскакать на нем весь Нильфхейм, тем более доехать до Норвегии. Мне нужна была подходящая одежда и оставшиеся в Ледяном дворце вещи.

Вдруг олень остановился и встал на дыбы. Я так ушла в себя, что не обращала внимания на то, куда мы направляемся. Я осмотрелась и увидела, что мы стоим над крутым обрывом. Ваэттур испугался крутого спуска, и я не винила его.

Я взглянула вниз, в ледяную долину, и заметила разбросанные по белому снегу темные фигуры. Северное сияние все еще освещало небо, хотя и не так ярко, как прежде.

Несмотря на нынешнее состояние, мне стало интересно. Что это могло быть? Темных фигур было много – я видела их в мерцающем свете. Я прищипорила Ваэттура. Он осторожно начал спускаться вниз.

Мы спустились приблизительно наполовину, когда стало слишком скользко для оленьих копыт. Я заметила, что по всему периметру долины бежала лента сияющего льда.

Но я увидела не только лед. Я слезла с оленя и уставилась на долину. Неужели это... Ваэттур обнюхивал мои карманы в поисках угощения, но я не обращала внимания. Я в ужасе замерла, не веря своим глазам.

Белый медведь

Наконец-то танцы закончились. Я так устал, щеки болят от постоянных улыбок. Я с трудом дождался возможности уйти и лечь спать.

Моей королеве вечер очень понравился. И, несмотря на все хлопоты, она позаботилась о том, чтобы мне было хорошо. Увидев, что я устал, она отправила меня отдыхать и сказала, что зайдет ко мне перед сном, но мне не нужно ее ждать, потому что сперва ей надо позаботиться о гостях. Прежде чем отпустить меня, королева спросила о девушке в лунном платье. Я сказал, что она не умеет танцевать, но очень приятная. Я не стал рассказывать королеве о том, что девушка странно себя вела, о ее голосе и языке, и о кольце, которое она мне оставила. И о том, что на ней была маска. Я не знаю, почему я не рассказал об этом. Может, потому, что это не понравилось бы моей королеве и девушку наказали бы. Не думаю, что она хотела навредить.

Перед тем как лечь в кровать, я вытащил из кармана кольцо и посмотрел на него. Почему мне кажется, будто я знаю его? Я надел кольцо на палец. Оно подошло. Может, я ошибся и оно действительно когда-то давно было моим? Почему тогда какая-то девушка-троль, которую я не знаю, отдает мне его? Или она не троль? Ее голос и маска... По я слишком устал, чтобы размышлять дальше.

Я снял кольцо и положил его в ящик. Моя королева знает ответ. Я спрошу ее утром.

Туки, как обычно, принес мне сланк. Потом он тоже спросил меня про девушку в лунном платье. Я повторил то, что сказал королеве, и на его лице появилось разочарование. Думаю, ему хотелось поговорить еще, но я слишком устал. Я велел ему уйти. И не придавал значения тому, что у него в глазах стояли слезы из-за моего тона. Я просто вымотался.

Кровать ждала меня, и я тут же провалился в глубокий сон.

Мне снилась девушка в лунном платье. Мы танцевали, и я не мог отвести от нее глаз. Ее глаза – карие... На самом деле я даже не заметил, какие глаза были у девушки-тролля, но во сне они искрились и были наполнены каким-то чувством, которому я не знаю названия. Мы танцевали, и я чувствовал себя счастливым, счастливее, чем когда-либо. И танец был совсем другой – текучий, плавный. Я держал ее за талию. Мне не хотелось, чтобы этот танец заканчивался.

Потом я взглянул на себя и увидел, что моя красивая куртка исчезла, а на мне надета белая рубаша. Потом заметил, что на груди у меня пятнышко, мне стало неудобно: наверное, я пролил что-нибудь на себя за столом. Я подумал, что нужно переодеться, но когда взглянул девушке в глаза, чтобы сообщить, что мне нужно уйти, то увидел в них несказанную грусть.

И я проснулся. По щекам у меня текли слезы. Я провел рукой по мокрому лицу и вдруг – из ниоткуда – вспомнил рубашку, в которой я приехал в Ледяной дворец. Я в изумлении встал и пошел к шкафу. На дне последнего ящика лежала белая рубаша. На вороте у нее была прикреплена брошь в форме флейты. Я встряхнул рубашку и увидел, что на груди у нее было пятнышко.

Я пощупал пальцами пятно. Оно было твердое. Как засохший жир. На меня накатили воспоминания. Я вдруг увидел девушку в лунном платье, только лицо у нее было другое. Она склонилась надо мной в маленьком золотом кольце света. Я почувствовал боль, стало горячо коже. И все. Больше я ничего не помнил. Я застонал и прижался лицом к белой рубашке. Она пахла мылом и воском от свечи.

В дверь тихонько постучали.

– Да? – сказал я, быстро засовывая рубашку обратно в ящик.

Вошла моя королева.

– Ты все еще не спишь? – удивленно спросила она.

– Я только что проснулся.

– Тебе опять приснился кошмар?

– Нет, – ответил я, вспоминая счастливое состояние во сне. – Нет, это был не кошмар.

– Сланк поможет тебе заснуть, – сказала она, направляясь к двери.

– Нет, спасибо. Я уже пил. Мне хорошо.

– Замечательно.

Она подошла и посмотрела мне в глаза. Я сосредоточил все мысли на ней, на ее красоте, ее доброте. Моя королева, которая завтра станет моей женой.

Мы обнялись. Потом она ушла.

Я снова открыл ящик. Вытащил рубашку, подошел к футляру с флейтой, вынул инструмент и завернул его в мягкую шерстяную ткань. Закрыв футляр и вернулся в кровать.

Поуз

Kentta murha. Поле, которое замораживает насмерть, – вот что значат эти слова.

Сюда привозили людей, которые становились не нужны.

Поле напоминало галерею ужасов. Замерзшие голые тела в разных положениях, разбросанные по всей долине. В мерцающем свете я разглядела даже несколько знакомых лиц. Маленькая девочка, у которой никак не проходил кашель. Старик, живший по соседству со мной и каждое утро с трудом шаркавший на кухню мыть посуду.

Их привозили сюда, раздевали и оставляли замерзать. От такой жестокости и варварства во мне закипела ярость против этих злосчастных троллей. Я содрогнулась при мысли о том, сколько еще тел лежало под снегом.

Человеческие существа, оторванные от своих семей, домов, от своей жизни. Одурманенные зельем, от которого они оставались людьми, но теряли свободу воли. А когда их тела переставали приносить пользу, их вывозили в это проклятое место и оставляли умирать.

По крайней мере, это была быстрая смерть, сказала я себе. Но ярость моя не утихла.

Вдруг я подумала о человеке, который был медведем. Он тоже когда-нибудь закончит свою жизнь здесь, когда надоеет королеве троллей?

Внезапно с какой-то твердой убежденностью я поняла, что человек, которого я знала как белого медведя, не сможет по-настоящему любить существо, способное на такие жестокости. Если он испытывает к королеве страсть, то только из-за сланка и неведения. Он не знал про *kentta murha*. Не мог знать.

И мне вдруг стало все равно, любит ли меня юноша-медведь. Единственное, что нужно было сделать, – вернуть ему его жизнь. И помочь всем людям, чьи жизни украли тролли.

Я снова забралась на Ваэттура, и мы поскакали обратно к Ледяному дворцу. Я проскользнула на задний двор, дала Ваэттуру овса и вернулась в свою комнату. Сняла пальто, предварительно вытащив из кармана маску и расправив ее. И прямо в лунном платье повалилась на грудь шкур. Я лежала и думала, что мне нужно делать, но усталость взяла свое, и глаза закрылись сами собой.

Когда я проснулась, было утро, но дверь еще никто не открывал. Сквозь мутные стены было видно, что солнце уже давно встало. Свадьба состоится, когда солнце будет стоять прямо над головой. Тролль с утренним сланком опаздывал.

Вдруг я вспомнила обрывок разговора двух троллей, подслушанного мною накануне. Я разобрала слова «без мягкокожих» и «свадьба». Думаю, королева не хочет, чтобы мягкокожие присутствовали на празднике. На время свадьбы нас всех заперут в наших каморках.

Нужно было торопиться. Прежде чем надеть пальто я оглядела лунное платье. Хоть я и проспала в нем всю ночь, оно ни капельки не помялось и выглядело как и прежде. Я причесала волосы, надела туфли и маску.

Поднажав на дверь плечом, я медленно приоткрыла ее и осмотрела коридор во всех направлениях. Никого. Пока я шла по знакомому туннелю во дворец, не встретила ни одной живой души.

На самом деле, вокруг вообще никого не было. Люди сидели взаперти, а все тролли до единого присутствовали на свадьбе.

Когда я подходила к банкетному залу, я услышала музыку. Не музыку троллей, а настоящие, нежные звуки флейты. Играл белый медведь. Интересно, когда должна была начаться свадьба? Я ускорила шаг: звуки флейты манили меня к себе. Я узнала его любимую мелодию – «Эстиваль», – ее я пыталась разучить в замке. Только сейчас я поняла, насколько она красива.

Я вошла с бокового входа. Те, кто заметил, не обратили на меня внимания. Они были слишком увлечены музыкой. Огромный зал был битком набит, балконы ломились от гостей. Свет прорывался сквозь стены и разбрызгивал по залу разноцветные блики. Северное сияние казалось еще более впечатляющим, чем вчера.

Я встала в конце зала, но потом заметила ряды кресел впереди, возле трона, где сидели самые важные тролли. Я решительно двинулась вперед, чтобы подойти как можно ближе, и устроилась за креслом крупной дамы в широкополой красной шляпе с пышными перьями. Шляпа хорошо скрывала меня от взглядов, а мне было удобно наблюдать за тем, что происходит.

Медведь закончил играть, и наступила тишина. Королева троллей встала и обвела строгим взглядом своих подданных. И тролли вдруг начали громко кричать и топтать ногами. Подо мной затрясся пол. Если бы я не прожила так долго среди троллей и не знала их привычек, то подумала бы, что им не понравилось. Но им понравилось, поэтому шум нарастал. Без сомнений, королеве это было очень приятно. Она широко улыбнулась с торжествующим видом.

Лицо человека-медведя мне было плохо видно, но, похоже, он был спокоен и решителен.

Королева троллей

Мои придворные утопили Мика в овациях, когда он закончил играть. Я знала, что им понравится. Теперь он станет их любимым королем.

Мы заняли места для брачной церемонии: Туки рядом с Миком, а Урда с моей стороны. Я открыла рот, чтобы произнести связующие нас слова, как вдруг Мик вышел вперед, повернулся ко мне, опустился на одно колено и посмотрел мне в глаза. Этого мои планы не предусматривали. Мы репетировали сцену много раз, он не должен был забыть или напутать.

– Моя королева, разреши попросить тебя, – сказал он громко.

– Конечно, – ответила я и услышала тихий шепот из первых рядов.

– В краю, откуда я пришел, существует очень старая традиция, – отвечал Мик. – Позволь мне задать тебе один вопрос, прежде чем мы обвенчаемся.

Его слова озадачили меня. Значит, у него появились воспоминания о родине. Только я не понимала, почему именно сейчас.

– Спрашивай.

– Спасибо, моя королева. В том краю, откуда я пришел, спрашивают, чтобы узнать, какой женой станет невеста, будет ли она заботиться о муже и доме, который они построят.

Я кивнула.

– Можешь ли ты постирать для меня, моя королева?

Постирать? Я уставилась на него. *Что за странная, нелепая традиция?* Ну почему он вспомнил о ней в такой момент?! Наверное, какой-нибудь мягкокожий напомнил ему об этом. Все, решено – долой всех мягкокожих слуг! От них больше неприятностей, чем пользы.

– Моя королева! Ты выполнишь эту просьбу?

Шепот становился громче. Мои придворные знали, что это не входило в программу. И ждали моего ответа. Мик тоже ждал, глядя мне в глаза.

– Да, Мик. Я сделаю, как ты хочешь. А после мы продолжим.

Меня это немного покорило, но, в конце концов, просьба была не сложная. С помощью колдовства я могу выстирать все, что угодно.

– Тогда по традиции я женюсь на той, которая отстирывает мою рубашку.

Все уставились на нас. Туки тихонько пискнул. У него даже глаза загорелись от волнения. Тогда у меня мелькнуло подозрение, что что-то не так. Я не понимала, как Мик мог вспомнить брачные традиции своих земель, если он каждый день пил сланк. Но все смотрели на меня, отступать было некуда. Они сочли бы меня слабой. Да еще дурацкие правила моего отца!

– Я согласна, Мик.

В конце концов, это была просто просьба, не имеющая никакого значения.

Мик встал и подошел к футляру с флейтой. Вытащил оттуда белый сверток и вернулся ко мне.

Я кивнула Туки:

– Принеси мне воды и мыла.

Туки с готовностью скрылся в направлении кухни. Пока мы ждали, Мик снова опустился передо мной на одно колено и взял меня за руку.

– Ты терпеливая и добрая, моя королева. Спасибо, что уважаешь традиции моей земли.

В его голосе слышалось столько тепла, что я перестала волноваться. Но вдруг поняла, что в нем что-то изменилось.

Туки вернулся и вручил Мику ведро теплой воды. Мик передал его мне.

Я встряхнула рубашку: впереди красовалось серое пятно. Откуда Мик взял ее? Что-то происходило не по моему плану. Но обмана быть не могло. Сланк никогда не подводил.

Я взяла ведро с водой и кусок белого мыла. Вставать на колени перед ведром мне не хотелось – не подбало, – поэтому я приказала принести стол.

– В стране вашего будущего короля, – громко и с достоинством сказала я троллям, – это старинный обычай. Для него большая честь, что я стираю его рубашку.

Я опустила рубашку в воду и терла пятно мылом, пока не взбилась мыльная пена. По правде говоря, я никогда в жизни не стирала – это работа слуг, – но видела, как это делается. Пятно становилось все тверже, что меня удивило, но я сосредоточилась и ощутила покалывание магических сил в кончиках пальцев. Затем я вытащила рубашку и расправила ее перед собой. Пятно, вместо того чтобы исчезнуть, стало больше и темнее.

Что-то стукнуло у меня в мозгу: это неправильно. Так не должно быть.

Собрав все свои силы, я продолжала тереть рубашку. Мыльная вода забурлила, радужные пузыри взлетали в воздух. Все смотрели на меня. Я снова вытащила рубашку из воды и расправила.

Пятно почернело и затвердело. Я вскрикнула от ярости. Такого не должно было быть! Может, это колдовство? Какой-нибудь южный тролль решил посмеяться надо мной? Но

почему? Я нашла взглядом Мика.

Он смотрел не на меня, а на какую-то девчонку в лунном платье, которая протискивалась к нему. Я видела ее раньше... Она подошла и остановилась передо мной. – Можно, я попробую отстирать пятно? Тогда я узнала ее. На ней была маска, но это точно была она. Мягкокожая девчонка. Она пришла за моим Миком. Невозможно! Но она стояла передо мной, лицо под маской, а в глазах самая отчаянная решимость. Неужели она не понимает, что я убью ее одним движением мысли? Нужно было так и сделать, прямо тогда. Но на нас все смотрели, нельзя было отказать. Если даже я со своими способностями не смогла отстирать пятно, то у нее уж точно не получится. Мик должен увидеть, как она снова проиграет. У меня будет достаточно времени, чтобы уничтожить ее после стирки.

Я увидела, как Туки подошел к ней. Она сказала ему несколько слов, и он согласно закивал и умчался. Урда зашептала мне на ухо, спрашивая, кто эта девчонка-тролль в лунном платье. Я ей ответила: дура, это вовсе не тролль. Неужели не признала мягкокожую девчонку, с которой жила в замке? Урда в ужасе отшатнулась.

Я взглянула на Мика. Его лицо ничего не выражало. Неужели они договорились? И Туки? Я не могла поверить. Мик был мой и телом, и душой.

Туки вернулся и принес немного лучин, большую каменную плитку, кусок белого мыла, как у меня, и железный чайник с водой. Урда подбежала к сыну, схватила его за руку и зашипела на него. А он улыбнулся ей, нежно убрал ее руку со своей и показал на мягкокожую девчонку.

По залу носился шепот, но, как только девчонка начала стирать, все примолкли. Мягкокожая положила лучины на плитку, зажгла их с помощью кремня и поставила чайник на огонь.

Роуз

Я сделала эту рубашку. Я спряла нитку из шерсти медведя пополам с овечьей шерстью, вставила нитку в станок и ткала. Потом выкраивала из полотна рубашку для человека, который был белым медведем.

Я знала, как убрать восковое пятно с ткани.

Королева с ее волшебными искусствами не смогла этого сделать. Интересно, есть ли у меня какие-нибудь шансы?

Я взяла в руки рубашку и вспомнила чувство, с которым я брала ее каждое утро и аккуратно складывала на кровати в замке. И еще как я ее стирала.

Я окунула рубашку в горячую воду и натерла мылом пятно. Когда вода закипела, я осторожно опустила ткань в чайник, размешала бурлящую жидкость деревянной палочкой, чтобы появились пузырьки. Вдруг мне пришел в голову стишок Эстель.

Старушка должна встать у бочки, у бочки,
Грязное белье постирать, постирать;
Когда оно будет красивым и чистым,
Наденет его и пойдет танцевать.

Прошло несколько минут, и я вытащила рубашку из воды. Она сияла белизной, пятна как не бывало.

Среди троллей, сидящих впереди, пронесся шепот, который становился все громче и облетел весь зал.

Не успели все опомниться, как Туки склонился передо мной и громко сказал на языке троллей:

– Это Роуз. Роуз выйдет замуж за принца из Зеленых Земель!

Я взглянула на королеву троллей – она была в неопишуемой ярости. Не раздумывая, я бросила мокрую рубашку на ледяной пол и метнулась к Туки, чтобы защитить его. Но было уже поздно. Слишком поздно.

Королева троллей

Я не могла ни о чем думать. Я хотела мести, разрушения. Сначала Туки. Потом она.

Я вызвала солнце. Белое, горячее, сияющее. Послала через пальцы, словно огненную стрелу, в его тело, в тело Туки, которое мгновенно сгорело.

Я услышала, как кричит Урда. Но я ослепла от ярости и жары. Я убью Урду. Я убью их всех.

Потом раздался глухой взрыв. Внизу, у меня под ногами. В глазах прояснилось, и я посмотрела вниз. В полу зияла огромная дыра – на том месте, где стоял Туки, в которого я послала весь жар солнца.

Мой прекрасный Ледяной дворец раскололся надвое!

Трещина раскрылась под ногами, разверзлась пустота. Страшный грохот оглушил меня.

Мой дворец, мой великолепный Ледяной дворец разламывался на части...

Мик!

Роуз

Это было похоже на конец света. Шум стоял невообразимый, в ушах звенело – Ледяной дворец рассыпался.

Все произошло в считанные мгновения. Сжигающий дотла жар и громкий треск в том месте, где стоял Туки. Сама королева, покачнувшись над пропастью, летит в кипящую расщелину.

Я огляделась: стекла бьются, башенки обваливаются, все падает. Ледяному дворцу пришел конец.

Посыпались острые осколки льда, и я побежала. Мне на плечи упало что-то тяжелое, я повалилась на колени. Сверху опять посыпался лед. Я закрыла голову руками, а лед все падал и падал, не переставая.

Где человек, который был медведем? Мне нужно было найти его, но я не могла пошевелиться.

Повсюду раздавались крики. Балконы с троллями обрушились вниз. Смерть витала в воздухе.

Вдруг сильная рука схватила меня и вытащила из-под льда. Мы добежали до маленького укрытия, и человек, который был белым медведем, крепко меня обнял:

– Роуз.

– Да, – слабо ответила я.

Он с облегчением вздохнул.

Мы спрятались под большой глыбой льда. Она была настолько велика и крепка, что защищала нас от обломков рушившегося дворца.

Я сидела в укрытии, меня обнимал человек, который был медведем, и я точно знала, что никогда не забуду этих мгновений. Долго-долго все рушилось, падало, скрежетало, вскрикивали умирающие.

Должно быть, я потеряла сознание, потому что вдруг очнулась оттого, что услышала, как он зовет меня:

– Роуз, – таким тоном, как будто не уверен, ответчу ли я.

– Да? – прошептала я.

– Думаю, все кончено, – ответил он.

Мы застряли в крошечном убежище, которое едва вмещало два наших тела. Вокруг все смолкло. Над нами лежали обломки огромного ледяного дворца.

И тут я вспомнила, как мама рассказывала мне про предсказание гадалки: «Любой твой северный ребенок умрет ужасной смертью – замерзнет подо льдом и снегом».

Недди

Корабль «Роуз» был очень хорош, с хорошей командой. Мы с отцом без усталости изучали особенности плавания в северных морях. Сорен тоже все время был занят – сверялся по морским картам, изучал астролябию, алидаду³⁶ и другие приборы. Больше всего ему нравился новый компас, который он купил специально для этой поездки. Это был великолепный прибор: железная игла в маленькой коробочке, на дне которой была нарисована роза ветров, – игла указывала на ней направление. Сорен был счастлив как никогда. Надеюсь, Зара готова получить в мужья такого страстного путешественника (мама наверняка уже поняла, что он северный).

Нам повезло с погодой, дул попутный ветер. Стояла ранняя весна, световые дни были длинные, несмотря на то, что мы направлялись на север. И все же я очень беспокоился и не находил себе места.

На седьмые сутки я опять почувствовал, что Роуз рядом со мной. Я был один на палубе, глядел на воду, и она снова положила руку мне на плечо. Все вокруг нее было белое, огромное, замерзшее; казалось, белизна навалилась на нее. Она была в ужасе.

Я молился, чтобы мы нашли ее вовремя.

Роуз

Ему удалось вытащить нас. Не знаю как. Я помогала изо всех сил, но нас спасла его сила и воля. Наверное, в его теле еще осталось немного медвежьей силы.

У него в кармане лежал нож, и, когда дворец рухнул, он успел схватить свою флейту. Ножом и флейтой мы стали прорывать себе выход. Флейта сильно помялась, но, похоже, ему было все равно. Глыба, под которой мы прятались, обвалилась неподалеку от входа в зал, и мы принялись копать в сторону кухни. Там мы обнаружили свободный проход, освещенный слабым светом. Наконец нам удалось выбраться на крышу кухни.

Вокруг царил хаос. Великолепный сияющий дворец рухнул на прилегавшие к нему строения. Нас окружали горы колотого и битого льда. Я посмотрела вдаль и обнаружила, что каморки слуг почти не пострадали. А конюшни, располагавшиеся дальше всего от дворца, вообще полностью уцелели.

Мы не стали смотреть на эти развалины, потому что ни у меня, ни у него не было теплой одежды, а пронизывающий ветер уже заморозил нас до костей. Я схватила его за руку и потащила к своей комнате. Там я быстро вытащила пальто, сапоги и остальные пожитки. Ему дала шкуры с кровати. Он молча осматривал место, где я прожила несколько последних месяцев.

Потом мы разыскали кладовку со шкурами и шубами. Он выбрал толстую белую шубу. Надел ее и улыбнулся мне. Я стояла, пораженная тем, что человек с золотыми волосами и печальными глазами для меня по-прежнему белый медведь. Я даже не знала, как его зовут. Его звали не Мик, потому что это имя ему дала бледная королева. Я звала его белым медведем раньше и продолжала мысленно называть так и сейчас.

Мы покопались в кладовке и нашли варежки, сапоги и другие необходимые в пути вещи. Потом мы отправились на поиски выживших. Я понимала, что Туки нет в живых, но не могла принять это. Слезы превращались в ледышки прямо у меня на лице. В отчаянии я стала прорываться через ледяные руины, но медведь нежно остановил меня:

– Бесполезно, Роуз.

Я знала, что он прав.

Мы обошли все вокруг, пытаюсь найти выживших, но не встретили ни одного тролля. Если кто-нибудь из них и спасся, то наверняка уже убежал.

Зато нашли человек сорок – пятьдесят в домах для прислуги. Они спокойно сидели в своих каморках и покорно ждали утреннего сланка. Некоторые были ранены осколками льда. Мы не обсуждали это с белым медведем, но само собой ясно было, что мы заберем их всех из Нильфхейма.

Люди смотрели на нас пустым взглядом и ничего не говорили. Они послушно, как всегда,

³⁶ Алидада (араб.) – линейка, служащая для отсчета углов в астрономических инструментах.

пошли за нами, выполняя наши указания без вопросов и протестов. Первым делом мы убедились, что все они тепло одеты, а потом повели к конюшням.

Мы взяли восемь саней и впрягли в каждые по пять оленей. Ваэтура я взяла себе. Оставшихся оленей мы отпустили, и они тут же умчались, кто куда. В сани мы погрузили всю еду и питье, какие нашли. Кухня была полностью разрушена, но нам удалось найти запасы простого сланка, который мы взяли с собой. Перед самым закатом мы выехали.

Мы с медведем управляли санями. Еще мы выбрали нескольких наиболее вменяемых мужчин, чтобы управлять другими санями, и велели им ехать за нами.

В пути мы потеряли больше двадцати человек. Кто-то не выдержал холода, некоторые умерли от ран, но большинство погибло из-за сланка, точнее, из-за того, что в сланк не была подмешана гауһа. Те, кто годами жил во дворце и привык к отравленному сланку, больше не могли без него обходиться. Их начинало колотить, они задыхались. Мы оставляли мертвых в неглубоких могилах, на выкапывание которых уходило очень много времени и сил. А чтобы выжить, нужно было постоянно двигаться.

К тому времени как мы добрались до ледяного моста, у нас осталось трое саней. Я ужасно боялась и думала, что, даже если нам удалось выжить в Нильфхейме, мы точно пропадем при переходе через этот проклятый мост. Но оказалось, что беспокоиться было не о чем. Олени с легкостью перетащили нас (до сих пор не понимаю как), хотя был один неприятный момент, когда сани подъехали слишком близко к краю.

Как здорово было оказаться за пределами Нильфхейма! Утих бесконечный колючий ветер, на безоблачном небе засияло солнце. Люди постепенно выходили из оцепенения и с любопытством озирались вокруг. Многие почти не помнили своей жизни в Ледяном дворце и были очень удивлены тем, что они путешествуют в санях по вечной мерзлоте.

По ночам мы переворачивали сани и прятались под ними, разводя маленькие костры, чтобы согреться. Мы с медведем правили разными санями, поэтому за время путешествия не оставались наедине. Только один раз.

Как-то ночью, когда все мои ездоки уснули, я переползла к нему в сани. Он не спал – стерег костер.

– Как тебя зовут? – спросила я напрямик. Как-то неловко было продолжать называть его белым медведем.

– Я не знаю, – сказал он и слегка улыбнулся одними губами.

Я кивнула, не зная, что сказать. Взглянула на него. У него было бледное и осунувшееся, но доброе лицо. Я поняла, что не знаю, что скрывается за этой улыбкой.

Он спас мне жизнь в Ледяном дворце. Нужно было поблагодарить его, но я не знала, что говорить. Я была потрясена, оглушена мыслью, что этот человек, этот незнакомец не имеет ни имени, ни дома, ни жизни, в которую можно вернуться. Он говорил, что последний раз помнил себя человеком, когда был еще мальчиком. Ему потребуется много времени, чтобы найти свое место в мире. Я не могла предположить, не должна была предполагать, что это место будет рядом со мной. Но без него я бы умерла.

Белый медведь

Она выглядела озадаченной, почти напуганной. Неужели она видела во мне только бремя? Я хотел сказать что-нибудь в свое оправдание, но не сумел найти подходящие слова. Они так медленно приходят мне в голову.

Она проделала весь этот путь, чтобы найти меня.

И при этом все время держится на расстоянии. Когда пришла, смотрела на мерцающие языки пламени, а не на меня.

Может, мне нужно поискать свою дорогу. Наверное. Я так мало о себе помню.

Но мне очень хочется жить нормальной жизнью. Ходить на двух ногах, играть на флейте, есть ложкой. Разбивать яйцо и чистить скорлупу пальцами, жарить омлет со свежей зеленью на сковороде... Пить эль. Наконец-то я свободен после стольких долгих лет!

Хочется делать это вместе с ней, с Роуз.

Но я должен быть готов делать это все один.

Я повернулся к ней, чтобы поговорить, но она уже ушла к своим саням.

Книга пятая ВОСТОК

*Они мчались прочь от дворца, который лежал к востоку от солнца
и к западу от луны...*

Роуз

Раз мы выбрались из Нильфхейма, то у нас, как я думала, должно быть все хорошо. Но я ошибалась.

Рядом не было Мальмо, чтобы вести нас. Пришла весна. Но это не означало, что появились зеленая трава, цветочки и птичье пение, как в Норвегии. Здесь это означало талые воды и разламывающийся под санями лед.

Правда, у меня была возможность отойти назад к мерзлomu морю, которое мы с Мальмо переходили. По краю моря во всей своей красе тянулся зловещий ледяной лес, где я повстречала другого белого медведя. Трещины в льдинах стали шире и глубже, а стоны и треск звучали чаще и громче, чем тогда. Сани оказались слишком тяжелыми, и нам пришлось бросить их. Мы отвязали оленей, но они пошли за нами следом. Мы брели через ледяной лабиринт, и часто у нас под ногами неожиданно появлялись глубокие и узкие расщелины. Как в ночном кошмаре мы прыгали с льдины на льдину, танцевали среди трещин во льду, изо всех сил стараясь не упасть в темную воду. К счастью, никто не провалился, но когда мы выбрались из ледяного леса, силы наши были на исходе.

Пересекая поверхность застывшего моря, я вспоминала, чему меня учила Мальмо: нужно всегда обращать внимание на цвет луж на льду. Голубая вода означала, что лед достаточно толстый, чтобы по нему идти; темная вода говорила, что лед тонкий. Теперь на поверхности виднелось множество темных луж.

Человек, который был медведем, знал, как выжить в мире льда и снега в любое время года. Благодаря ему мы спаслись. Он показал нам, как идти, – так ходят белые медведи, – широко расставляя ноги, легко скользя и не останавливаясь.

На другой стороне моря у берега лед тоже разламывался. Но медведь повел нас между льдин, и мы благополучно добрались до твердой земли.

Мы шли по земле несколько дней, как вдруг нас окутало ледяным туманом. Сначала было красиво. Сияло солнце, солнечный свет отражался в ледяных кристалликах, создавая золотистую дымку, которая обвевала нас. Она напомнила мне золотое платье, которое я сшила в замке. Но потом солнце спряталось за тучами, и золотая дымка превратилась в густой белый туман. Мы не видели даже своих ног.

Мы собрались вместе и решили переждать, но время шло, и люди стали беспокоиться. Поэтому мы собрались и медленно пошли вперед, нащупывая дорогу. Так продолжалось очень долго, и я думала, что сойду с ума.

Но в конце концов туман начал рассеиваться, хотя небо было затянуто облаками. Я понятия не имела, в каком направлении мы движемся. Одна из женщин поскользнулась и упала. Больше она не встала. Мы делали для нее все, что могли, но на следующее утро она умерла. Мы опустили ее тело в одну из глубоких расщелин и молча смотрели, как оно исчезает в темной воде.

Солнце так и не выглянуло, чтобы указать нам путь. Я уже представляла, как мы будем бесконечно бродить по замерзшей земле, умирая один за другим. Белый медведь подошел ко мне.

– Мы заблудились, – сказал он.

– Да, – ответила я.

– Жаль, что у меня больше нет медвежьего нюха. Я смог бы вывести нас.

Я тоскливо кивнула. И вдруг вспомнила про магнитный камень Тора. Я сняла вещевой мешок и нашла на дне его темно-серый камень. Набрав немного талой воды в чашку, я потеряла один конец иглы о магнетит и опустила ее в воду. Игла лениво покрутилась и наконец остановилась.

– Юг, – сказала я, указывая направление. Медведь с облегчением кивнул.

Теперь мы знали направление, но понятия не имели, как далеко отошли от берега. Сланк давно закончился, мы все устали и умирали с голоду. Несколько человек было при смерти. Я не знала, сколько еще мы сможем продержаться.

Однажды днем мы взобрались на ледяную гору. Я взглянула вниз и увидела незабываемый Татке-фьорд. У берега на якоре стоял корабль.

Недди

Я никогда не забуду этих людей, стоявших на фоне сверкающего голубого небосвода. Один из моряков увидел их на вершине ледяной горы и крикнул нам с мачты. Мы только что бросили якорь и собирались отправиться на поиски Роуз.

И вот она стояла там.

Матросы побежали встречать путников. Их было человек двадцать и три белых оленя. Даже издали мы заметили, что они еле передвигают ноги.

Я добежал до сестры, обнял ее и долго не отпускал. Но подошел отец, и мне пришлось выпустить Роуз из объятий. Со слезами на глазах отец обнял ее и повторил ее имя несколько раз.

Белый медведь

Когда Роуз представляла меня своему брату и отцу, она не знала, как меня называть. Ведь у меня не было имени. А я не стал напоминать им, что мы уже встречались, правда при совсем иных обстоятельствах.

Корабль был очень хорош. Я видел, как отец и брат счастливы, что нашли Роуз. Мне не хотелось напоминать, что это из-за меня она ушла от них.

Мне должно было стать легче оттого, что путешествие закончилось, но мне не стало, поскольку я не знал, что делать дальше.

Мне было нечего предложить ей. У меня даже имени не было.

Недди

История, рассказанная сестрой, казалась невероятной. Если бы я не знал Роуз, я бы просто ей не поверил. Тролли, мягкокожие, разлетающиеся вдребезги ледяные дворцы и нечто под названием *kentta murha*... Один большой ночной кошмар.

Человек, который был белым медведем, выглядел спокойным. Он радовался вновь обретенной свободе, но во взгляде у него ощущалась потерянности. Им с Роуз было неловко общаться друг с другом, но я точно видел, что их связывают сильные чувства.

По пути назад мы заехали в деревушку Неяк. Мальмо и ее люди ждали нас на берегу. Это она рассказала нам, где искать Роуз.

Мы нашли Мальмо – или, скорее, она нашла нас, – когда плыли на север вдоль побережья Гренландии. Она подплыла к нашему кораблю в маленькой двухместной лодке и жестами объяснила, что мы должны следовать за ней. Когда мы бросили якорь и вышли на берег, Мальмо сразу подошла к отцу и рассказала ему, где искать Роуз.

Я удивился, откуда Мальмо узнала, что мы ищем сестру, откуда она знала, где сама Роуз, но мне и в голову не пришло усомниться в ее словах. Она дала нам карты побережья, вырезанные на моржовых бивнях.

(Позже папа сказал, что они предельно точные – одни из лучших, какие он когда-либо видел.) Мальмо объяснила, что мы должны свернуть в глубь материка в Татке-фьорде.

Здесь мы и нашли Роуз.

Роуз

Вернувшись в Неяк и поздоровавшись с Мальмо, я пошла навестить Тора. Он работал над своим кораблем. Ему помогали два приятеля-эскимоса, которых он научил своим любимым песням.

В полдень красивая эскимоска принесла им поесть, и они угостили меня. Я заметила, что Тора с этой женщиной связывают особенно теплые отношения.

Он честно рассказал мне, что после моего отъезда допил все пиво, оставшееся на его судне, и перешел на оленье молоко. Сначала его тошнило от молока, так как его тело не привыкло обходиться без алкоголя, но люди, с которыми он подружился, особенно женщина по имени Рекко, поверили в него и помогли пережить болезнь.

– Мне здесь нравится, – сказал Тор. – Думаю, останусь. А если починю кнорр, то, может, заведу небольшое торговое дельце между Гренландией и Исландией. Надеюсь, получится, – ухмыльнулся он.

Я рассказала Тору, что Гест спасся (ведь это благодаря Гесту отец и Недди приплыли в Гренландию). Тор был изумлен:

– Славный Один! Я и не подумал бы, что это возможно! Ну, теперь точно отправлюсь в путешествие. Найду старого мерзавца и посмотрю, вдохновит ли его моя затея.

Я улыбнулась.

Я привела к Тору белого медведя. Они мгновенно прониклись взаимной симпатией, уж не знаю почему. Может, потому, что оба, неприкаянные, так долго бродили по свету. Тор понимал медведя лучше, чем кто-либо из нас. Медведь даже предложил Тору помочь с кораблем. Раньше он ничем подобным не занимался, но хотел попробовать. Его сейчас интересовала любая работа.

Мы пробыли в Неяке недолго. Папа, Недди и Сорен пытались придумать, что делать с людьми из Нильфхейма. Осталось семнадцать человек, все они были из разных уголков мира. Проще всего было с двумя норвежцами, которые точно могли сказать, где раньше жили. То же было с тремя французами. С остальными сложнее. Мальмо помогала переводить, папа показывал карты, которые тоже очень помогли. Не смогли мы пристроить только двух женщин, молодую и пожилую, но в конце концов решили, что обеих заберем с собой (им очень понравилась наша идея), а остальных постараемся отправить по домам из Сюроя, первого крупного порта на нашем пути. Сорен охотно согласился оплатить все расходы. Я поняла, насколько щедрый он человек и как повезло нашей семье встретить его.

Я не знала, как люди, вернувшись домой, объяснят свое отсутствие. Кто поверит в такое? Даже матросы с корабля Сорена, видевшие нас в Татке-фьорде закутанными в шкуры и в компании с северными оленями, – и те с трудом нам верили.

Ну, по крайней мере, подумала я, у этих семнадцати, похоже, есть куда вернуться. И в отличие от медведя, они знали свои имена.

Белый медведь

Решено. Я уйду.

В Сюрое нам удалось подыскать корабли для всех бывших рабов, кроме четверых: трое были из Франции, а четвертый из маленькой страны внутри материка, у которой не было порта на побережье. Человек по имени Сорен оказался очень великодушным. Он напомнил мне добряка пастуха, ведущего стадо телят в родной хлев. Трех французов он решил отвезти домой на своем корабле: зайти в Ла-Рошель, перед тем как плыть в Норвегию. Человека, который жил на материке, Сорен снабдил провизией и деньгами, достаточными, чтобы добраться до дома по суше. Я уверен, что он поступил бы так же и со мной, если бы я сказал ему о своих планах. Но я не хотел, чтобы кто-то знал, что я собираюсь уходить. Особенно Роуз.

Я знал, что если взгляну в ее карие глаза, то не смогу уйти.

За то время, что я бродил по свету в шкуре белого медведя, я многое узнал о мужчинах и

женщинах. Я понимал, что начинать жизнь с Роуз в неравном положении для меня будет подобно катастрофе.

Для начала нужно было хотя бы узнать, как меня зовут.

Я начну поиски с Франции. Я знал про себя только одно: я был принцем. Однажды бледная королева сказала мне:

– В тебе королевская кровь. В Зеленых Землях ты был принцем.

Принцем во Франции. Больше сотни лет назад.

Я думал, что смогу найти кого-нибудь, кто знал бы о короле, жившем давным-давно, сын которого преждевременно «умер». Чем дальше на юг мы продвигались, тем чаще у меня вспыхивали в памяти отдельные картинки. Я думал, что, возможно даже, узнаю места, где родился и вырос.

У меня не было намерения возвращать королевский титул. Люди решат, что я просто лунатик в бреду, если я попытаюсь убедить их, что я принц такой-то из прошлого века. В Ульдре у меня была возможность почувствовать себя королевской особой, и я понял там, что меня не привлекают королевские почести. Что бы жизнь у меня ни украла, я хотел быть простым человеком.

Я решил пойти к замку в горе, хотя вряд ли замок до сих пор существовал. Возможно, королева троллей не очень далеко увела меня от того места, где я раньше жил. Так это было или нет, но мне показалось правильным начать именно с замка.

Мой план заключался в том, чтобы ускользнуть с корабля в Ла-Рошели. Я уйду ночью, пока все спят. Я хотел оставить Роуз записку, но, когда пришло время, не смог ее написать. Что я мог сказать? «Дорогая Роуз! Я отправляюсь на поиски своего имени. Надеюсь, что вернусь через год или два. Твой навеки, человек, который был медведем».

Нет, лучше просто уйти. Может, ей станет от этого легче.

Я плохо спал в ту ночь, поэтому мне было нетрудно встать до рассвета. Я собрал скудные пожитки, которые решил взять с собой – включая флейту, – и пробрался по спящему кораблю к трапу.

Роуз

Я проснулась на рассвете с необычным чувством, как будто меня поцеловали в щеку.

Я выскочила из кровати и мигом оделась. Я не понимала, куда так спешу. Выбежала из каюты и помчалась по коридору. Потом остановилась, не зная, куда идти дальше. Я стояла, как охотничья собака, пытающаяся понять, куда направиться за добычей.

Вдруг я поняла. Побежала к каюте, где спал человек-медведь, и тихонько приоткрыла дверь. В мутном свете от иллюминатора я разглядела двух спящих моряков. Но кровать белого медведя была пуста.

Я почему-то ожидала этого. Но все равно на меня накатило отчаяние. Он ничего мне не сказал – даже «до свидания».

Затем я увидела, что на стопке аккуратно сложенных одеял что-то блестело.

Я вошла в каюту. Это было серебряное кольцо с надписью Valois. Кольцо, которое я не снимала с пальца все свое путешествие. Он оставил его мне.

Я схватила его, надела на палец и вылетела из комнаты.

Вернулась в свою каюту, взяла плащ и отправилась на поиски.

В порту уже сновали люди, но никто из них не видел юношу с золотыми волосами в белой шубе. Когда он ушел? Неужели вечером, когда все разошлись по своим каютам? Мне вдруг стало холодно, и я поплотнее закуталась в плащ.

Неужели мне нужно будет снова искать его? Я даже разозлилась. Почему он исчез вот так, посреди ночи, не попрощавшись и ничего не объяснив?

Я остановилась. *Может, нужно дать ему уйти?*

Потом я вспомнила его лицо, в последнее время уставшее и бледное. Злость улетучилась. Наверное, ему нужно было так поступить.

Белый медведь

По дороге из Ла-Рошели я встретил старого фермера с сыном, которые ехали в повозке и предложили меня подвезти. Оказалось, что они едут в том направлении, куда мне было нужно, и я был им очень благодарен за доброту.

Чем дальше на юг мы продвигались, тем более знакомым казался пейзаж. Воспоминания возвращались необычайно быстро. Хорошо, что я уселся сзади, иначе фермер и его сын наверняка подумали бы, что я сумасшедший: я все время радостно вскрикивал, когда что-нибудь вспоминал. Большинство воспоминаний относились к тем бесконечным годам, когда я бродил по свету в белой шкуре и искал ту, которая освободила бы меня. Кое-что я вспоминал и из детства. Но как я превратился из маленького мальчика в медведя, мне было никак не вспомнить.

Я спрашивал фермера про королей прошлого века, но они с сыном не интересовались историей. Они знали только свою жизнь на ферме: какие нынче высокие налоги, какая дождливая весна и так далее. Мне придется пойти в какой-нибудь город, чтобы найти ученых, изучающих прошлое.

Когда повозка свернула на восток, я высадился у небольшой деревеньки под названием Кольн. И опять мне повезло: я встретил бродячего торговца, который подвез меня до леса. Лес этот, как здесь поговаривали, был заколдован. Вот удивились бы местные жители, если бы узнали правду про этот лес! Тролли, которые построили ферму, не хотели, чтобы люди беспокоили их, поэтому выли, шумели и зажигали огни в лесу. Тех, кто отваживался заходить в лес слишком далеко, тролли сразу же убивали.

К тому времени, как я добрался до горы, в которой был замок, я вспомнил все.

Красный мячик. Красивая бледная девочка с ужасным голосом. Я так удивился, когда увидел ее снова. Звуки колокольчиков, я завернут в шкуры и лечу по небу. Мы прибываем в огромный Ледяной дворец. Ее отец в жуткой ярости. Я с изумлением слушаю, как он ругает ее и ставит условия, по которым я теряю свою жизнь.

Мое тело превращается в тело медведя. Годы тщетных поисков. Роуз.

До последнего дня, до последней ночи. Белая ночная рубашка с пятном.

Не в ту ночь, а только сейчас я вспомнил последнее условие ее отца.

Никто в Ульдре не может отказать ему ни в какой просьбе, кроме просьбы освободить его от заклатья. Чтобы освободиться от заклатья, белый медведь должен выполнить ряд обязательных и неизменных условий. Об этих условиях ему расскажут.

Когда я попросил бледную королеву выстирать рубашку, я не думал о последнем условии. Или, может, далекая, смутная память о нем подтолкнула меня. Я думал только о Роуз. Я знал, что она сумеет отстирать эту рубашку. А королева троллей – нет.

Так странно: одно и то же восковое пятно стало для меня и гибелью, и спасением.

Роуз

Я стояла на причале, размышляла, должна ли я его отпускать или нет, и вдруг меня захлестнули воспоминания.

Первое путешествие на спине белого медведя. «Тебе страшно?» Как он смотрел через дверь, когда я примеряла лунное платье. Как он прижал уши, когда впервые услышал мою игру на флейте. Облегчение в его глазах, когда я вернулась из дому, пробыв с родными месяц. Вежливый и усталый взгляд во время нашего танца. И – я едва могу об этом думать – его удивление при виде мокрой белой рубашки без пятна.

Я найду его. И расскажу все, что у меня на сердце. Мы больше не заколдованы, ничто, кроме нашей глупой гордости, не может запретить нам поговорить друг с другом. И если после моих слов ему все равно захочется остаться одному, пусть так и будет.

Я знала, куда он направился, и последовала за ним.

Белый медведь

Я долго стоял перед горой. Замок наверняка исчез, а если и существовал до сих пор, то

видели его только те, кто умеет колдовать. На склонах горы не было заметно никаких признаков входа. Как, впрочем, и раньше. Я вспомнил, как бессчетное количество раз входил и выходил отсюда. Тогда мне нужно было только представить, как дверь открывается, и она открывалась. Может, попробовать снова...

Послышался скрежет, и, к моему удивлению, гора раздвинулась, открывая вход в замок. Внутри было очень темно, но лучи заходящего солнца немного осветили главный коридор.

Я вошел.

Лампы были погашены, везде царила темнота. Я зажег лампу при входе – у меня с собой был кремь. Взял ее и пошел осматривать замок. В комнатах стоял холод – камины давно никто не топил – и зловещее спокойствие. Я зажигал по дороге лампы, и вокруг становилось все светлее.

Я вошел в музыкальную комнату и оглядел знакомые и любимые инструменты. Вот оно, самое худшее в судьбе медведя: ни пальцев, ни губ, чтобы играть.

Подошел к самой любимой флейте и вытащил ее из футляра. Она всегда казалась мне особенной. Может, королева троллей украла ее из моей прошлой жизни или создала точно такую же? Зачем? Хотела, чтобы я чувствовал себя как дома, или просто мучила меня?

Я приложил флейту к губам.

Роуз

Ваэттур бежал очень быстро. Я надеялась, что не сильно отстану от белого медведя, конечно, если я правильно выбрала направление.

Должно быть, люди, которых я встречала в пути, очень удивлялись, наблюдая, как я скачу на северном олене по Франции. Ездить на олене в теплой стране не очень удобно. Но весна еще только начиналась, поэтому стояла достаточно прохладная погода.

Заколдованный лес стал еще гуще, чем раньше, заброшенная ферма еще страшнее, но мы быстро добрались до горы. Я сразу нашла открытую дверь и поняла, что правильно все рассчитала.

Ваэттур завез меня прямо в зал при входе, и я оставила его там. Я пошла по освещенному коридору, и мне казалось, что вокруг летают призраки, что-то шепчущие мне на ухо. Я подумала о Туки: боль потери еще не улеглась. Я вспомнила место, где мы встретились в первый раз, – и слезы подступили к глазам.

Лампы привели меня в музыкальную комнату, но она оказалась пуста. И вдруг я услышала звуки флейты. Музыка звучала где-то далеко, и я пошла на звук. Пока я шла по коридорам, я узнала мелодию: именно ее он играл в Ледяном дворце, и это ее я пыталась разучить здесь. «Эстиваль».

Музыка доносилась из комнаты с красным диваном. Я подошла к двери, но заходить не стала. Мне было страшно.

Я поборола страх.

Он сидел на красном диване и играл на флейте. Перед ним лежали раскрытые ноты.

Он увидел меня и перестал играть. Наши глаза встретились, и он встал.

Я подошла к нему.

– Я люблю тебя, – быстро проговорила я, чтобы не передумать.

– Карл, – представился он.

Я удивленно посмотрела на него.

– Меня зовут Карл. – Улыбка осветила его лицо.

Отложив флейту, он наклонился над нотами. Открыл на чистой странице в начале и показал мне несколько слов, написанных красивым, ровным почерком:

Карл Пьер Филипп, дофин.

– Это я написал, – сказал он. – Мое имя. – И отложил книгу.

Потом повернулся ко мне и взял меня за руки.

Отец

Моя дочь Ниам... моя Роуз вышла замуж за Карла. Церемония состоялась в гостиной нашего дома в Тронхейме. Зара вышла замуж за Сорена за несколько недель до этого, и у них было устроено пышное торжество. Но Роуз с Карлом решили не устраивать большой свадьбы, хотя Роуз сияла от счастья не меньше Зары.

Когда Карл надел ей на палец серебряное кольцо, я подумал, что он ошибся, или, может, такая во Франции традиция? Но Роуз осталась очень довольна, и я обратил внимание на Ольду: из ее глаз лились слезы. Она забыла платок, точнее, как я выяснил потом, она намеренно его не взяла, потому что «если мама невесты берет платок на свадьбу дочери, то в первый год брака случится несчастье». Ну и чушь! Пришлось отдать ей свой платок.

Недди

Карл Пьер Филипп был пятым ребенком Карла VI³⁷, короля Франции. Мой друг Хавамаль, хранитель библиотеки мастера Эсксторма, помог мне найти сведения о семье Карла. Оказалось, что Valois – слово, написанное на кольце, которое Карл подарил Роуз на свадьбу, – это имя королевского рода, из которого он происходил. Младший брат Карла был дофином, которому Жанна д'Арк помогла взойти на трон. Но это уже другая история.³⁸

Все, что сказано про нашего Карла в книгах, – это то, что он был любимым сыном Карла VI и королевы Изабеллы, родился во времена мирных переговоров в Амьене и умер в возрасте девяти лет. О его родителях сообщалось лишь то, что отец был безнадежным безумцем, а мать жадной и вероломной. Так что, может, и лучше, что он стал белым медведем. Не знаю, согласился бы он со мной или нет.

Как бы то ни было, Роуз и Карл построили себе маленький домик во Франции, неподалеку от замка в горе. Они перенесли туда из замка мебель, музыкальные инструменты и ткацкий станок – и закрыли замок навсегда.

Дом они построили по соседству с друзьями Роуз – Софи и Эстель. Сперва мы все расстроились, что Роуз и Карл не остались в Норвегии, но до Ла-Рошели было не так уж далеко, и нам удавалось навещать друг друга не реже раза в год.

Карл занялся музыкой и изобрел новый вид флейт, в которых к мундштуку была приделана губка, собирающая влагу от дыхания музыканта. Изобретение встретили радушно, и Карл стал известным музыкантом и изобретателем. Как ни странно, его никогда не интересовали путешествия. У них родилось четверо детей, – по одному на все основные направления компаса, как уверяла мама, но Роуз ни в какую с ней не соглашалась. Первенца назвали Туки.

Роуз не могла полностью отказаться от путешествий, хотя была очень счастлива дома со своим «белым медведем», как она иногда его называла. Изредка они ездили куда-либо вместе, но их второй ребенок – девочка Нина – родилась на север, поэтому мы все знали, что скоро Роуз и Карл будут вынуждены бегать за ней по свету. Что ж, все правильно.

А мама так и не отказалась от своих суеверий. Она часто говорила, что гадалка оказалась права: ведь Роуз была какое-то время погребена подо льдом и снегом. То, что она не погибла, но маминым словам, было заслугой говорящего белого медведя, изменившего ее судьбу. В общем, очередная нелепица, по словам отца.

Ни Роуз, ни Карл не любили вспоминать свои приключения в стране троллей, но некоторые из так называемых мягкокожих, которых они вывезли из Нильфхейма, да и матросы с корабля Сорена, должно быть, часто рассказывали эту историю. Потому что много лет спустя

³⁷ Карл VI (1380–1422) – король Франции из династии Валуа. Большую часть жизни был безумен, поэтому правили страной соперничавшие между собой группировки дворян во главе с дядьями короля – герцогами Бургундским и Орлеанским.

³⁸ В начале 1429 года англичане осадили Орлеан (им нужны были французские земли). Весной французской армии, возглавляемой Жанной д'Арк, удалось выгнать англичан и осада была снята. А дофин был коронован в Реймском соборе под именем Карла VII.

появилась сказка про троллей, живущих на краю земли.

Но только Роуз и ее медведь знали, как все было на самом деле.

Благодарности

Эту книгу я писала много лет и, как и Роуз, получала огромную помощь от людей, которые щедро делились со мной знаниями и мудростью. Больше всего мне хотелось бы поблагодарить библиотекарей, которые терпеливо и мудро помогали мне освоить Норвегию, компасы, Арктику и белых медведей.

Большое спасибо Джин Эмери и Дэвиду Вильгельму, которые рассказывали мне про фьорды и прощали утерянные (дважды!) рукописи. Саре Макфи и Леннарту Эриксону, показавшим мне архипелага. Робину Крузо, который сделал мне массу ценных замечаний. И моему издателю Майклу Стеарнсу, который и Тор, и Мальмо, и Софи, и Недди – все в одном и который меня смешил.

Еще хочу поблагодарить Биту, чья страсть к путешествиям и сила характера может посоперничать со страстью и характером Роуз. И настоящего Карла, который с самого начала был моим северным, южным, западным и восточным.

Глоссарий

Имена собственные

Агнета Гутбьёрг – одна из соседок Арни и Ольды.

Арни – бывший картограф, а теперь бедный фермер, отец Роуз.

Бесси – любимая овечка Роуз.

Ваэттур – северный олень, любимец Роуз.

Вдова Озиг – ворчливая и жадная старуха, живущая по соседству, владелица ткацких станков.

Виллем – старший брат Роуз.

Гаральд Сорен – путешественник, владелец фермы, на которой жила семья Арни, будущий муж Зары.

Гест – моряк с корабля Тора, веселый балагур, выживший во время шторма.

Горан – моряк с корабля Тора, молчаливый и спокойный. Погиб во время шторма.

Зара – старшая сестра Роуз, тяжелая болезнь которой повлияла на решение Роуз уйти из дому с медведем.

Зэльда, или Зэльда Орри – старшая сестра Роуз.

Зорда Венда – старшая сестра Роуз.

Идунн – богиня вечной молодости у скандинавов.

Катал – так тролли называют свою королеву; остается лишь гадать: имя это или титул.

Карл Пьер Филипп, или просто Карл, он же белый медведь, человек-медведь – принц, похищенный королевой троллей и превращенный в белого медведя; возлюбленный Роуз.

Карл VI Валуа – французский король, отец Карла Пьера Филиппа.

Контарини – капитан португальского судна, грубый и жестокий человек.

Королева троллей, бледная королева – молодая красивая владычица Ульдра, влюбленная в человеческого юношу, принца; из-за нее он становится белым медведем.

Королева Марабу – шахматная фигурка, которую Эстель подарила Роуз на прощание.

Локи – бог хитрости и коварства у скандинавов.

Мальмо – эскимосская женщина-шаман, сопровождавшая Роуз к ледяному мосту.

Мик – имя, которое дала Карлу королева троллей.

Могенс – посыльный Гаральда Сорена.

Недди, или Недди Вилфрид – старший брат и лучший друг Роуз.

Нильс Отто – старший брат Роуз.

Нина – дочь Роуз и Карла.

Од – бог солнечного света у скандинавов.
 Один – глава пантеона богов у скандинавов.
 Оливи – рано умершая дочь Арни и Ольды, взамен которой на свет появилась Роуз.
 Ольда – мать Роуз, очень суеверная женщина.
 Орм – викинг-путешественник.
 Осбьёрн Лавранс – известный составитель географических карт, отец Ольды.
 Птолемей – древнегреческий астроном, автор известной «Географии...»
 Роуз, Розы, она же Ориана Роуз и Ниам Роуз – главная героиня романа, младшая дочь фермера, избранница заколдованного принца.
 Рекко – красивая эскимоска, вернувшая капитану Тору интерес к жизни.
 Серж – брат Софи, живущий в Ла-Рошели.
 Сиг Эверхарт – пьянчужка из маленького городка на юге Норвегии, видевший белого медведя.
 Сикрам Ралатт – тролль, выдававший себя за торговца и лекаря и осевший в Андальсинах по приказу королевы троллей.
 Симка – грубая и жестокая повариха в Ледяном дворце троллей.
 Сиф – золотоволосая богиня плодородия у скандинавов.
 Снурри – любимый пес Роуз.
 Софи – добрая женщина из Франции, вдова, живущая с дочерью. Приютила у себя Роуз.
 Тиасси – мифический персонаж, великан, похитивший богиню Идунн.
 Тор – бог грома у скандинавов.
 Тор – капитан кнорра, считающий себя потомком викингов; печально известный пьяница.
 Торск – старый сапожник, живущий по соседству.
 Тринд – доктор из Андальсннов, лечивший Зару.
 Туки – молодой тролль, сын Урды и друг Роуз, погибший от руки королевы троллей. В память о нем Роуз и Карл дали это имя своему первенцу.
 Урда – старая нянька королевы троллей, мать Туки.
 Фрейя – богиня любви у скандинавов.
 Хавамаль – бывший монах, управляющий библиотекой для ученых; друг Недди.
 Эсксторм – ученый, историк, к которому Недди поступил в ученики.
 Эстель – дочь Софи, приютившей у себя Роуз.

Географические названия

Асгард – мир богов из древних сказаний.
 Андальсины – деревушка, рядом с которой находилась ферма Арни и Ольды.
 Берген – городок, где семья Арни и Ольды жила до переезда на ферму.
 Бифрост – мифический мост из радуги, связывающий мир людей с миром богов.
 Валгалла – чертог Одина, рай в скандинавской мифологии.
 Гренландия – северная земля.
 Зеленые Земли, или Сууделла – так тролли называют мир людей, конкретно – побережье Франции.
 Каменный дворец, он же замок в горе – жилище троллей на побережье Франции, позднее – жилище белого медведя.
 Ла-Рошель – французский порт.
 Ледяной дворец – апартаменты королевы троллей в Ульдре.
 Нсяк – название эскимосской деревни на северо-востоке Гренландии.
 Нильфхейм – ледяная земля, Крайний Север. Осло – столица Норвегии.
 Раума-Ривер – река, на которой родилась Ольда.
 Риллиг Крик – река на юге Норвегии.
 Северное море – море, разделяющее Норвегию и Францию.
 Сюррой – город на севере Норвегии.
 Татке-фьорд – северный фьорд в Гренландии.
 Тонсберг – город на южном побережье Норвегии.

Тронхейм – город, куда Гаральд Сорен перевез семейство Арни и Ольды.
Ульдр – королевство троллей, расположенное за полярным кругом.
Эской Форест – лес неподалеку от Бергена, место рождения Роуз.
«Эстиваль» – название любимой мелодии белого медведя.